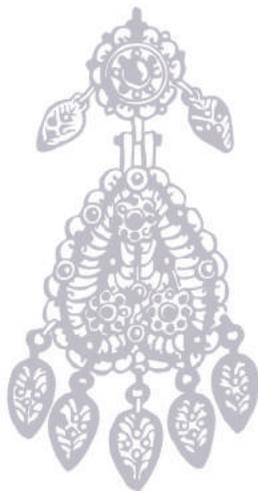


Академия наук Республики Татарстан  
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

С. В. Сулова

# ТАТАРСКИЙ КОСТЮМ

Историко-  
этнологическое  
исследование



КАЗАНЬ  
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
2018

УДК 391  
ББК 63.5  
С89

Рецензенты:  
доктор исторических наук *Г. Р. Столярова*  
кандидат исторических наук *Р. К. Уразманова*

**Суслова, С. В.**  
С89 Татарский костюм : историко-этнологическое исследование / Светлана Суслова. –  
Казань : Татар. кн. изд-во, 2018. – 239 с., с илл.  
ISBN 978-5-298-03723-5

Монография посвящена истории формирования народного костюма волго-уральских татар, особенностям генезиса его этнорегиональных комплексов (казанско-татарских, мишарских, касимовских, кряшенских). Исследованы причины и пути формирования общенационального татарского костюма; выявлены современные тенденции его трансформации; представлена и научно обоснована визуально-художественная реконструкция ряда утраченных донациональных и средневековых форм костюма. В качестве сравнительного анализа широко привлечены материалы по костюму сибирских, астраханских, крымских татар, а также других тюркских, финно-угорских и славянских этносов Евразии. Книга адресована этнографам, археологам, историкам, искусствоведам, художникам в качестве источника для развития современного декоративно-прикладного искусства и всем интересующимся историей культуры татарского народа.

УДК 391  
ББК 63.5

ISBN 978-5-298-03723-5

© Татарское книжное издательство, 2018  
© Суслова С. В., 2018

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>Введение</b> .....	4
<b>Глава I. Источники и историография</b>	
1. Полевые экспедиционные материалы .....	8
2. Музейные коллекции .....	9
3. Письменные источники и литература .....	39
4. Изобразительные материалы .....	47
<b>Глава II. Татарский костюм как этнокультурный комплекс</b>	
1. Костюм в системе народного декоративно-прикладного искусства .....	60
2. Структура костюма .....	72
<b>Глава III. Этнокультурные взаимосвязи по материалам народного костюма: компонентный анализ</b>	
1. Конструкция (покрой) нижней и верхней одежды .....	110
2. Головные уборы .....	113
3. Обувь .....	124
4. Украшения .....	126
<b>Глава IV. Этнокультурное районирование татар Поволжья и Урала по данным народного костюма</b>	
1. Этнотерриториальные комплексы одежды .....	154
2. Этнотерриториальные комплексы украшений .....	158
3. Ареалообразующие костюмные комплексы (КК) .....	161
<b>Глава V. Особенности формирования ареалообразующих костюмных комплексов волго-уральских татар</b>	
1. Центральный этнокультурный ареал .....	182
2. Западный этнокультурный ареал .....	191
3. Восточный этнокультурный ареал .....	196
<b>Глава VI. Визуально-художественная реконструкция костюма</b>	
1. Опыт реконструкции ранних донациональных вариантов костюма .....	204
2. Опыт археолого-этнографических реконструкций средневекового костюма .....	219
<b>Глава VII. Тенденции исторической трансформации</b>	
1. Общенациональный костюм .....	228
2. Современные тенденции и творческие интерпретации .....	229
<b>Заключение</b> .....	234

## ВВЕДЕНИЕ

Фундаментальное исследование народного костюма татар Поволжья и Урала началось в Татарской АССР в 70-е гг. XX столетия в рамках сбора информации и подготовки к изданию Историко-этнографического атласа татарского народа. Исследование осуществлялось под руководством Р. Г. Мухамедовой (Казанский филиал Академии наук СССР), координировалось и финансировалось Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Составление историко-этнографических атласов представляет собой трудоёмкое, но важное и перспективное звено в комплексе исследований традиционных культур. Их цель заключается в создании обширного и репрезентативного корпуса источников, способного в значительной степени приблизиться к решению важных проблем исторической науки: формирования культур, этногенеза, этнической истории, современных этнокультурных процессов. Только в 2000 г. эта работа была завершена и опубликована в виде очередного тома Историко-этнографического атласа татарского народа<sup>1</sup>. Настоящая монография является логическим продолжением исследований в области народной одежды татар на основе этого корпуса источников.

Одним из приоритетных аспектов изучения народной культуры является этнорегиональный аспект. В современной этнокультурологии — новом научном направлении, предполагающем междисциплинарный подход к изучению

костюма как многофункциональной системы<sup>2</sup>, этнорегиональный аспект означает комплексное использование региональных источников, типологию и картографирование традиционных элементов костюма, выявление региональных костюмных комплексов и особенностей их формирования путём изучения характера этнокультурных взаимосвязей и степени влияния цивилизационных центров. Этот подход является ведущим в настоящем исследовании.

Фундаментом исследования являются типологические, картографические и иллюстративные материалы Историко-этнографического атласа, в основе которых лежат данные этнографических экспедиций 1971–1990 гг. (около 400 населённых пунктов), музейные источники, ранние письменные сведения и изобразительные материалы. Исследованная территория включает уезды бывших Казанской, Симбирской, Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Рязанской, Саратовской, Самарской, Оренбургской, Челябинской, Уфимской, Вятской, Пермской губерний. Это районы древнего и более позднего расселения волгоуральских татар.

Картографирование элементов традиционного костюма (типов одежды, головных уборов, обуви и украшений) представляет собой эффективный метод научного исследования. Оно позволяет с достаточной полнотой и графической чёткостью учесть особенности

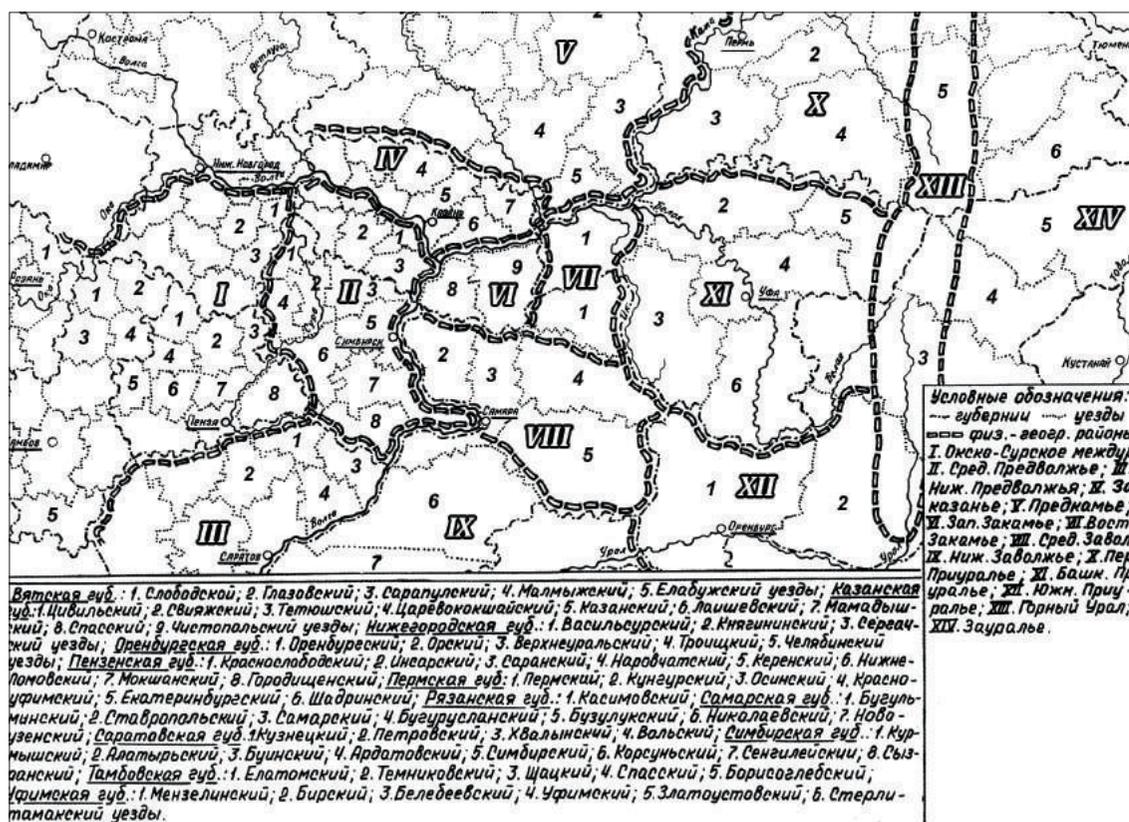
---

<sup>1</sup> Сулова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX — начало XX в.). Историко-этнографический атлас татарского народа. — Казань, 2000.

---

<sup>2</sup> Исенко С. П. Этнокультурология в контексте современной культуры. // Дисс. на соиск. учёной степени доктора культурологических наук. — М., 1999.

## Административное и физико-географическое районирование Поволжья и Урала



костюма территориальных групп народа, обобщить многочисленные и разнохарактерные сведения об одежде татар всего региона, разбросанные по разным источникам.

В контексте исторического развития сформировалась особая структурно-организованная система татарского костюма. В исследовании территориальные особенности изучаются не в отрыве от этой общей и более сложной системы, а на её фоне.

В соответствии с характером источниковой базы автор анализирует материалы середины XIX – начала XX в. – времени активного функционирования волго-уральских татар как этноса и одновременно достаточно устойчивого бытования традиционных комплексов костюма. Особое внимание уделяется рубежу XIX–XX вв. – пе-

риоду формирования общенациональных форм костюма. В процессе ретроспективного анализа нижняя хронологическая отметка отодвигается к более ранним этапам национальной истории (Казанское ханство, Золотая Орда (Улус Джучи), Волжская Булгария). Верхняя граница восходит к рубежу XX–XXI столетий – времени современных тенденций в развитии культуры.

Одинаково детальное изучение костюма на всём протяжении истории его формирования в силу отсутствия или состояния источников невозможно. Однако имеющийся в распоряжении автора корпус источников середины XIX – начала XX в., безусловно, содержит в себе и реальный материал этнокультурных напластований хронологически предшествующих эпох,

что объясняется относительной устойчивостью и преемственностью типологических признаков культуры. При структурно-типологическом и ретроспективном подходах пределы достоверности могут быть отодвинуты до XVI–XVII вв., а по отдельным категориям костюма, в частности металлическим, в том числе ювелирным украшениям, и к более раннему времени. Особая важность этого источника обусловлена «нетленностью» и ёмкостью, заключающейся в нём научной информации (технично-технологические параметры, орнамент, конструкция и форма изделий).

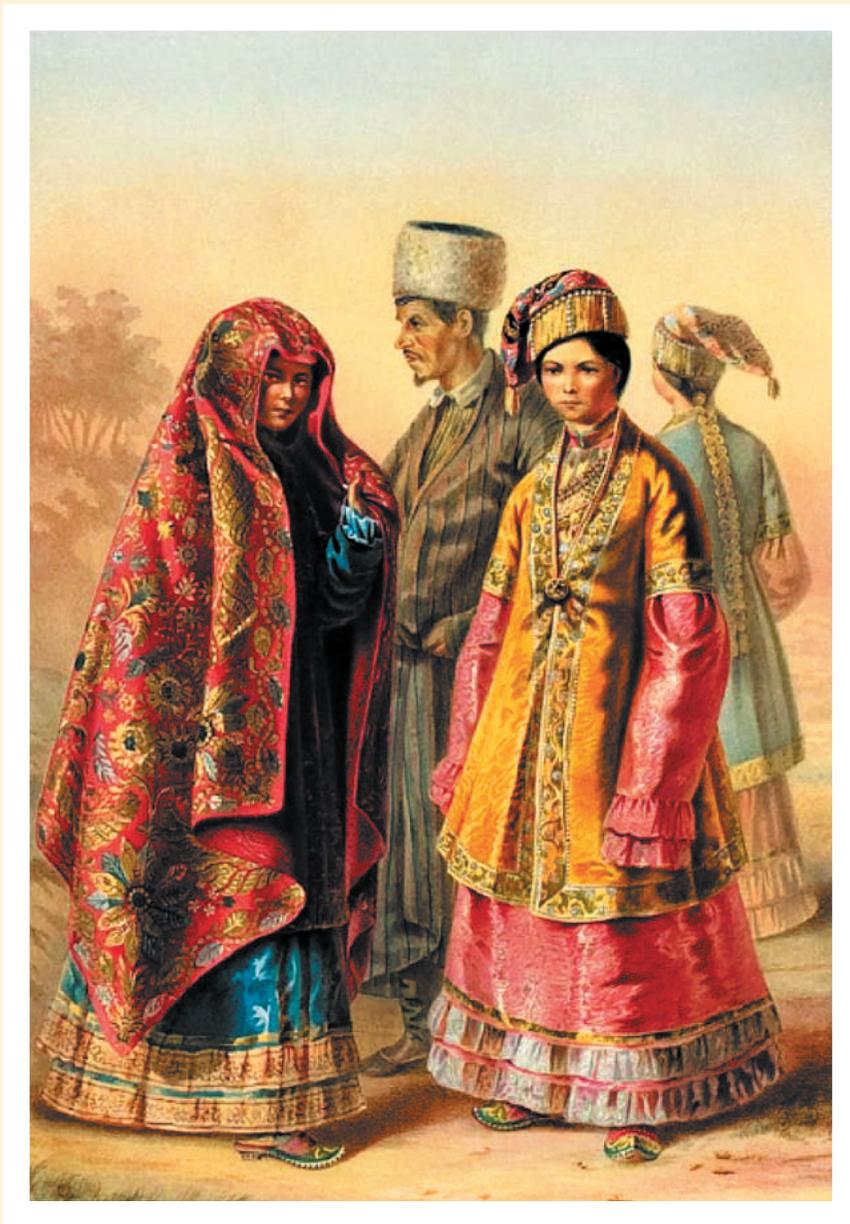
Использованный в монографии историко-этнографический (синхронный и диахронный) анализ типов головных уборов, нижней и верхней одежды, обуви, украшений позволяет выявить древние формы костюма, близкие к «условно исходным» (общетюркским) и формы, появившиеся в процессе эволюции.

Эволюция татарского костюма, его трансформация в различные исторические периоды указывают на его связь с этнической историей. Понять эту связь представляется возможным благодаря изучению внутриэтнических этнокультурных взаимосвязей: сравнительно-историческому анализу элементов костюма субэтнических групп волго-уральских татар (казанских, касимовских, мишарей), а также кряшен. Исключительно важным в связи с этим является сравнительное изучение и компонентный анализ костюма волго-уральских, астраханских, сибирских, крымских татар и других тюркских и монгольских этносов, связанных определённой общностью их этнической истории, в частности периода Золотой Орды (Улуса Джучи), а также костюма финно-угорских и славянских народов. Изучение стратиграфии этих взаимосвязей позволяет выйти на решение вопросов истории формирования народного костюма не только волго-уральских татар, но и других, особенно тюркских народов России. Визуальные материалы,

содержащиеся в монографии (экспедиционные и музейные фотографии, ранние изобразительные материалы), дополняют и конкретизируют представления об этнокультурном облике волго-уральских татар, их связях с тюркским, монгольским, финно-угорским и славянским мирами Евразии.

Считаю своим долгом высказать глубочайшую признательность всем, кто способствовал подготовке исследования к изданию. Это многочисленные информаторы – добродушные татарские бабушки и дедушки, благодаря природному уму и памяти которых удалось собрать уникальные полевые материалы. Это директора и научные сотрудники многочисленных музеев России, которые помогли ознакомиться и зафиксировать все интересующие нас материалы. Особая благодарность хранителям уникальных фондов и особых кладовых Национального музея Республики Татарстан (Казань), Российского этнографического музея (Санкт-Петербург) за их понимание важности исследования и неоднократное участие в решении профессиональных проблем. Искренне благодарна уважаемым коллегам – канд. ист. наук Р. Г. Мухамедовой, моему научному руководителю и соавтору по тому «Народный костюм» Историко-этнографического атласа татарского народа, канд. ист. наук Ю. Г. Мухаметшину, канд. искусствоведения Л. Н. Долиной, профессору Калифорнийского университета А-А. Рорлих за предоставленную возможность использования в исследовании их архивных материалов.

Основной объём фотоиллюстраций выполнен автором, часть их изготовлена фотографами Г. Фроловым, Ю. Филимоновым, А. Шамиловым, Д. Юсуповым и др. Подрисуночные подписи, даты, название местности даны в соответствии с имеющейся научной документацией.



ГЛАВА I

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

## 1. Полевые экспедиционные материалы

Массовым и равномерно представленным источником является полевой этнографический материал, полученный в результате сплошного обследования волго-уральских татар в 1971–1990 гг.<sup>1</sup> Сбор материала проводился на основе программы (вопросника)<sup>2</sup>, составленной с учётом предварительных знаний о территориальных группах татар, их традиционном костюме. В ней была предусмотрена и возможность выявления ранних типов и вариантов одежды, что сделало её достаточно универсальным методическим инструментом в руках исследователей. Собранный по «Программе» материал содержит в себе основные сведения, характеризующие структуру традиционного костюма татар с учётом динамики его развития. Естественно, получить необходимую информацию для середины XIX в. было сложнее. Приходилось извлекать её известным для этнографов-полевиков косвенным путём — когда очень пожилые информаторы в воспоминаниях отражают факты, воссоздающие в целом облик местного костюма, и нередко подкрепляют их вещественным материалом, хранящемся в семьях в качестве реликвий.

С целью создания источниковой базы для кросскультурного историко-этнографического анализа автором изучался народный костюм сибирских, астраханских и крымских татар. Как известно, формирование средневековых тюрко-татарских государственных объединений XV–XVI вв. в значительной степени было связано с распадом золотоордынской этнополитической

общности. Однако это обстоятельство не означало взаимной изоляции этих объединений. Они продолжали сохранять многочисленные этнополитические, этнокультурные связи, в том числе и единство этнического суперпространства<sup>3</sup>.

Так, важным источником служат не вошедшие в Атлас, но обобщённые по той же методике и программе материалы этнографических экспедиций автора (устная информация, фото) из мест компактного проживания сибирских татар. Это д. Лайтамак Тобольского р-на Тюменской обл. — 1992; дд. Малые Туралы, Большие Туралы Тарского р-на, д. Байбы Тевризского р-на, дд. — Летнее, Ашван, Большая Тебеньдя Усть-Ишимского р-на, д. Уленкуль Большереченского р-на Омской области — 1994; дд. Эушта, Тахтамышшево, Черноречье, Барабинка Томской области — 1997.

По костюму астраханских татар использованы материалы этнографической экспедиции 1989 г. к астраханским татарам, проживающим в с. Кучергановка Норимановского р-на и в д. Старая Башмаковка Приволжского р-на Астраханской обл.

Определённое значение при диахронном анализе материалов исследования сыграло участие автора в археологическом изучении средневековых памятников культуры предков татарского народа<sup>4</sup>.

Чрезвычайно важным источником являются визуальные материалы из фондов многочисленных как центральных, так и периферийных музеев. Музейные экспонаты при условии их

<sup>1</sup> Огромное количество полевых этнографических данных, используемых в монографии, не позволяет в каждом конкретном случае приводить ссылку на источник. Эти материалы (полевые дневники, картотека, изобразительные источники) хранятся в архиве отдела этнологии Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (АОЭ).

<sup>2</sup> Мухамедова Р. Г., Сафина Ф. Ш., Сулова С. В. Программа-вопросник (вып. II) к атласу по этнографии татарского народа для сбора материала по теме: Ткачество, ткани, одежда и украшения. — Казань, 1975.

<sup>3</sup> Исхаков Д. М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV — середины XVI в.) // Панорама-форум. — № 3. Казань, 1995. — С. 95–107.

<sup>4</sup> В 1966–1971 гг. автор приняла участие в археологических экспедициях под руководством выдающихся российских исследователей — А. П. Смирнова и Т. А. Хлебниковой на территории Булгарского городища, Г. А. Фёдорова-Давыдова на территории бывших золотоордынских городов — Сарая-Берке и Сарая-Бату, Е. П. Казакова в раскопках Танкеевского раннебулгарского могильника (раскопки 1968 г.).

твёрдой датировки и научной паспортизации имеют несомненное преимущество в сравнении с рядом ранних литературных и изобразительных материалов, которые зачастую не являются документальными, а лишь вольным воспроизведением подлинников художниками<sup>1</sup>. В настоящее время традиционная одежда в основе своей вышла из употребления. Только со слов информаторов и по отдельным сохранившимся вещам невозможно воссоздать облик народного костюма, особенно локальные его проявления. Иллюстративной базой для его воссоздания служат музейные материалы.

## 2. Музейные коллекции

**2.1. Коллекции по костюму волго-уральских татар.** Основу музейных коллекций составляют этнографические коллекции Национального музея республики Татарстан (НМРТ) в г. Казани и Российского этнографического музея (РЭМ) в г. Санкт-Петербурге.

В фондах НМРТ содержатся материалы, наглядно иллюстрирующие комплексы одежды татар-мусульман и крышен, происходящие главным образом из г. Казани и уездов Казанской губернии. Коллекция по одежде насчитывает в целом около 400 ед. хр., в том числе все известные в Казанской губернии типы плечевой одежды (верхней и нижней); головных уборов, обуви и деталей одежды. Рубах (женских, мужских, детских) насчитывается около 40 экз. Из них к середине XIX в. относится более десятка экземпляров. Три женских и четыре мужских рубахи (в том числе вышитые свадебные) происходят из ранних коллекций известных казанских коллекционеров А. Ф. Лихачёва и Л. О. Сиклера. Среди них имеются и домотканые, и парчовые рубахи из среднеазиатских тканей, некоторые с

вышивкой. Прочие экземпляры представляют собой различные типы рубах, хронологически соответствующие концу XIX – началу XX в. Это традиционные туникообразные женские рубахи с удлинённым или укороченным остовом, рубахи в талию, с обильными сборками сзади (наподобие шлейфа) и сильно присборенной головкой рукава по типу европейской моды того времени.

Камзолов в фондах НМРТ около 50 ед. хр., из них четыре мужских. В названное число входит девять женских камзолов середины XIX в., сшитых из тяжёлых парчовых тканей. Это наиболее ценные в коллекции вещи. Детские камзолы представлены только одним экземпляром, хотя подобный тип детской одежды – с короткими до локтя рукавами – у татар, по полевым данным, бытовал весьма широко. Жилэнов, чекменей и чапанов – более двух десятков, самые ранние из них относятся к середине XIX в.

Достаточно широко (типологически и хронологически) здесь представлены головные уборы (различные типы калфаков, тастаров и других покрывал), а также обувь (кожаная, лыковая, валяная), причём не только из уездов Казанской губернии, но из некоторых весьма отдалённых районов, например, мишарские и касимовские тастарные комплексы из Окско-Сурского междуречья.

Фонды НМРТ являются одним из основных хранилищ украшений женского костюма, в том числе и ювелирных. Первоначальную основу их составили коллекции частного собрания казанского археолога и этнографа А. Ф. Лихачёва, собранные им в 1860–1885 гг. и переданные в музей при его основании (около 600 предметов). Коллекции А. Ф. Лихачёва содержат почти полный комплекс женских украшений казанских татар (головных, шейных, нагрудных, наручных), бывших в употреблении преимущественно в середине XIX в. Высокую оценку этим коллекциям дал ещё С. М. Шпилевский: «Это собрание замечательно особенно потому, что составлено не только любителем, но и образованным

<sup>1</sup> Каралькин П. И., Крюкова Т. А., Предтеченская З. В. Использование этнографических коллекций как источника в научно-исследовательской работе (Из опыта ГМЭ народов СССР). – М., 1964. – С. 3.



специалистом-знатоком, который определяет значение приобретённых им вещей с научной точки зрения и старается сделать своё собрание известным учёному миру, описывая и учёным образом исследуя его»<sup>1</sup>.

Не менее ценными являются двенадцать коллекций (1135 предметов) ювелирных украшений Л. О. Сиклера, приобретённые им главным образом в Казани в конце XIX – начале XX в. Каждая коллекция представляет собой в основном собрание какого-то одного вида украшений. Они включают в значительно большем количестве такие оригинальные женские украшения казанских татар, как *хаситэ, чулпы, чэч тәңкәсе, яка чылбыры* (у Лихачёва *яка* практически отсутствует). Хронологически собрания Л. О. Сиклера относятся к более позднему времени, чем коллекции А. Ф. Лихачёва, и они больше отражают быт городского, сравнительно зажиточного населения<sup>2</sup>.

Кроме этих основных собраний в фондах НМ РТ имеется большое количество и других достаточно ценных в научном отношении коллекций. К таким можно отнести, например, 16 коллекций бывшего музея народов Востока, коллекцию Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1923 г., этнографические коллекции 1926 г. Селькредитпромсоюза и др.

Коллекции по народному татарскому костюму, собранные и переданные в НМ РТ до революции и в первые послереволюционные годы, являются преимущественно случайными собраниями любителей коллекционеров. Началом принципиально нового этапа, отражающего систематический и последовательный сбор материалов по быту народа, включая костюм, можно считать экспедиции 1920–1927 гг., руководимые Н. И. Воробьёвым<sup>3</sup>. Более

30 коллекций по одежде татар поступили в 1950–1960 гг. Они научно описаны, паспортизированы, указываются источники, год поступления, район и примерное время бытования вещи или комплекса вещей.

Чрезвычайно ценными являются материалы по татарской народной одежде, собранные в этнографических экспедициях НМ РТ в 1970–1980 гг. профессиональным этнографом М. К. Завьяловой. При сборе материалов она, кроме перечисленных выше моментов, обращала внимание уяснению специфики локальных комплексов костюма. В 1996 г. ею опубликован красочный альбом-каталог по материалам НМ РТ<sup>4</sup>.

Не менее важной представляется коллекция татарской народной одежды, поступившая в музей в 1986 г. от этнографов ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФ АН СССР. Эта коллекция (около 200 предметов одежды) была собрана в 1971–1985 гг. в русле работ по теме Атласа. Её ценность заключается в том, что и отдельные предметы костюма, и порою целые региональные комплексы народной одежды описаны, аннотированы и хронологически определены специалистами-этнографами. Коллекция достаточно полно представляет одежду второй половины XIX – начала XX в. казанских татар и кряшен по уездам Казанской губернии (особенно правобережных), а фрагментарно и середины XIX в. Кроме того, в ней содержатся материалы по костюму отдалённых региональных групп народа (например, пермских татар).

Крупнейшим хранилищем коллекций по одежде и украшениям татар являются фонды РЭМ. Комплектование татарских коллекций в дореволюционный период здесь производилось различными путями. Часть их поступала с выставок (Парижской всемирной (1900 г.), Кустарной Всероссийской (1902 г.), с выставки археологической комиссии (1911 г.)

<sup>1</sup> Шпилевский С. М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. — Казань, 1877. — С. 267.

<sup>2</sup> Адлер Б. Ф. Коллекция Сиклера. — Казанский музейный вестник. — № 2. — 1922. — С. 38.

<sup>3</sup> Воробьёв Н. И. Этнографические исследования в ТАССР с 1920 по 1927. — Казань, 1927.

<sup>4</sup> Завьялова М. К. Татарский костюм: из собрания Государственного музея Республики Татарстан. — Казань, 1996.



Выходной костюм пожилой горожанки.  
*Казанские татары.*  
Сер. XIX в. РЭМ



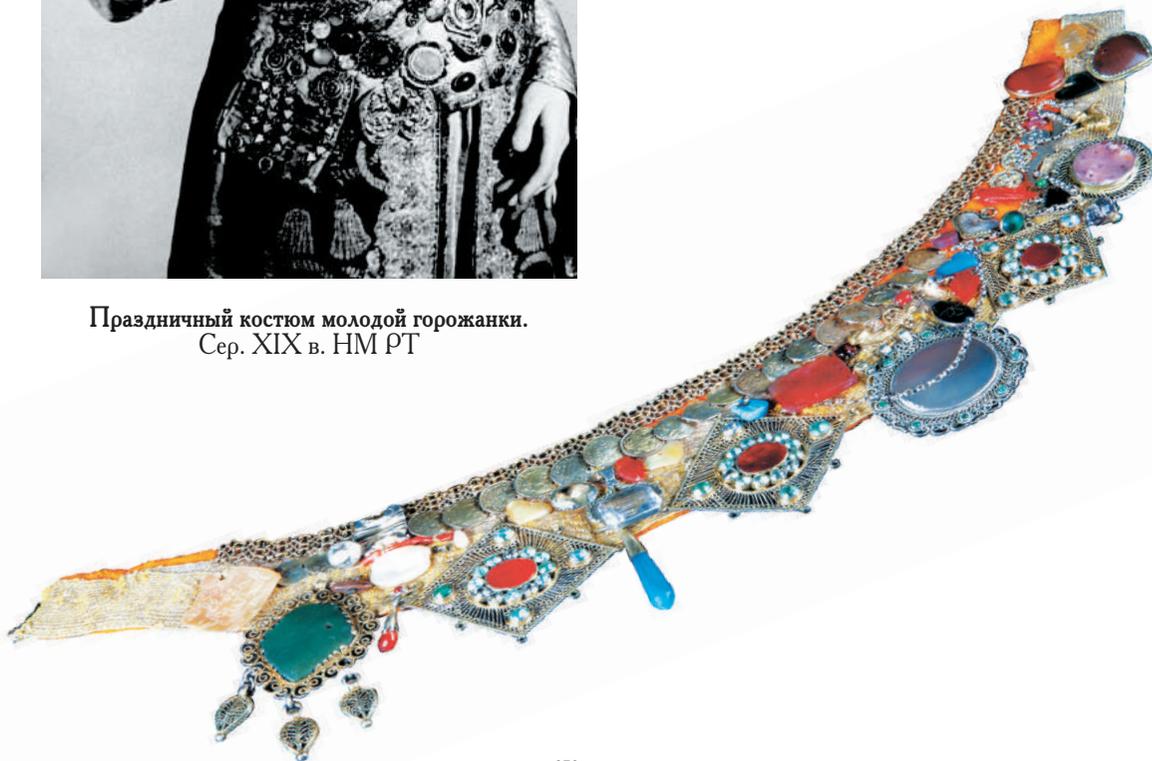
Костюм молодой горожанки.  
*Казанские татары.*  
Сер. XIX в. НМ РТ



Выходной костюм городской казанской татарки.  
Кон. XIX в. НМ РТ



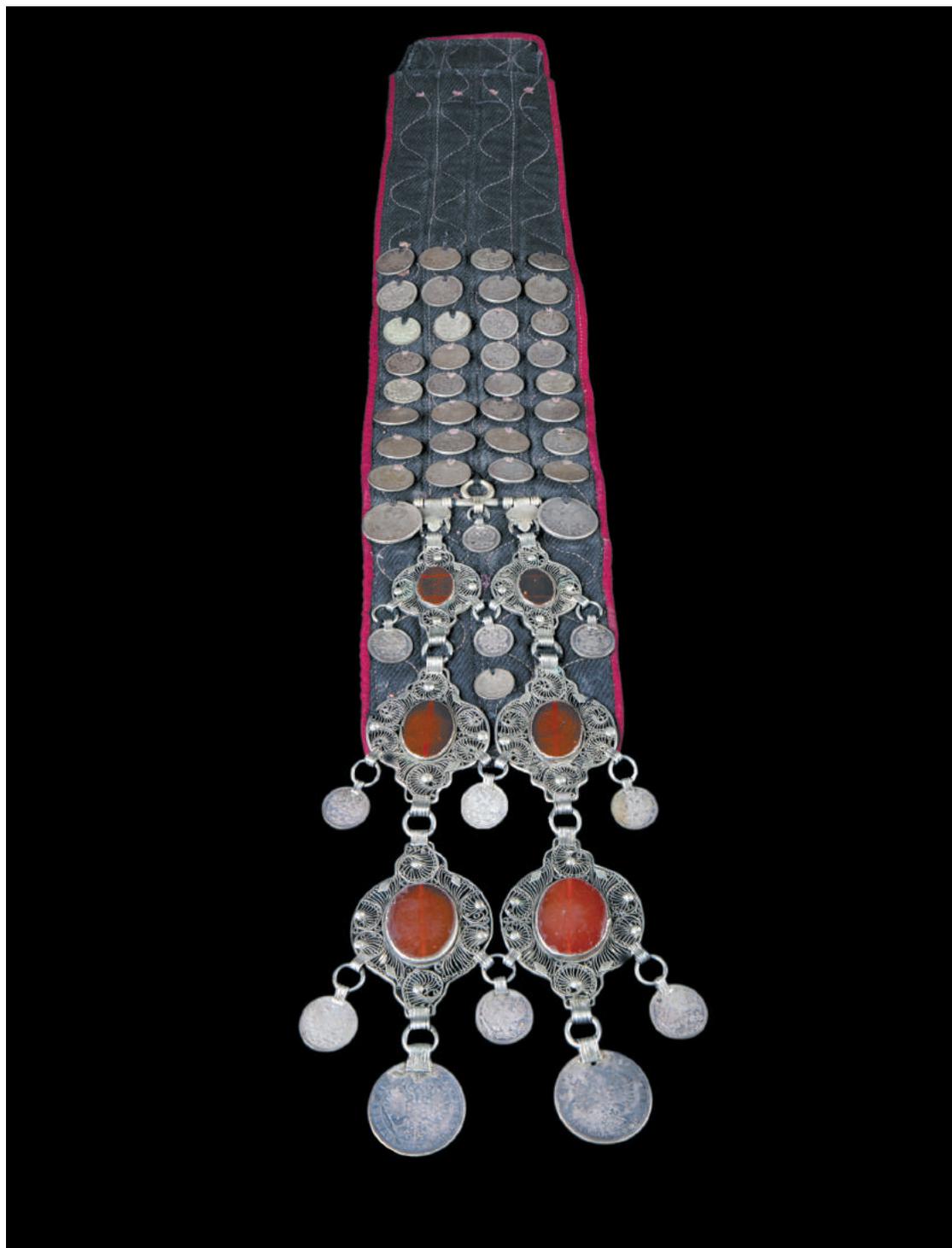
Праздничный костюм молодой горожанки.  
Сер. XIX в. НМ РТ



Женское нагрудное украшение *кашуба*.  
Хлопчатобумажная ткань, ювелирные поделки, серебряные монеты.  
*Казанские татары*. Сер. XIX в. НМ РТ



Костюм городской девочки.  
Казанские татары.  
Конец XIX в. НМ РТ (из коллекций  
Музея народов Востока)



**Женское наkosное украшение чэчкап.**  
Ткань, серебряные монеты, сердолик,  
ювелирное украшение чулпы. *Кряшены.*  
XIX в. НМ РТ



**Женское шейно-нагрудное украшение яка чылбыры.**  
Серебро, позолота, бирюза, сердолик, чеканка, скань.  
*Казанские татары. XIX в. НМ РТ*

и др.). Другие доставлялись в музей с мест татарскими собирателями – Г. Н. Ахмаровым, Г. Н. Абдрашитовым. Ряд коллекций по костюму татар (к сожалению, недостаточно паспортизированных) был приобретён музеем у известных собирателей Ф. М. Плюшкина и графини Шабельской. Уникальная коллекция по женской одежде татар-мишарей (д. Караево Темниковского уезда Тамбовской губернии) куплена в 1903 г. у В. П. Шнейдера.

Достаточно полно собран материал по костюму мусульман и кряшен Сарапульского и Елабужского уездов Вятской губернии народным учителем И. К. Зеленовым, а кряшен Казанской губернии профессором – И. Н. Смирновым. В 1915 и 1917 гг. идентичные коллекции (свыше 200 предметов) по касимовским и уфимским (Бирского уезда) татарам были доставлены сотрудником музея А. К. Сержпутовским. Основные дореволюционные коллекции по костюму мишарей собраны в уездах Уфимской губернии С. М. Петровым.

В фондах РЭМ хранятся всего около 1300 предметов украшений волго-уральских татар (головных, шейных, нагрудных, наручных). Основу их составляет коллекция бывшего Московского музея народов СССР (около 900 предметов), переданная после Великой Отечественной войны. Из украшений головы в этой коллекции преобладают серьги – 253 экз., наконники – 6 экз. Особый интерес представляют шейно-нагрудные украшения. Некоторые из них являются совершенно уникальными; подобные не удалось встретить в других музейных коллекциях. Это, например, оригинальное шейное украшение-лунница *айчык* (инв. 25402) и своеобразное гривноподобное украшение с подвесками из блях (инв. 25406). Из шейно-нагрудных украшений количественно здесь преобладают ожерелья – 18 ед., далее идут брошки – 16 ед., *яка чылбыры* – 8 ед. Из украшений рук представлены кольца и перстни – 62 ед. и довольно ценный набор браслетов – 44 экз., среди которых имеются и обычные, наиболее распространённые у татар (пластинчатые орнаментированные браслеты,

т. н. «азиатская форма»), и браслеты, состоящие из звеньев или цепочки, концы которых замыкаются специальным затвором. Застёжек и пряжек в данной коллекции – 372 экз. В коллекции украшений бывшего Московского музея народов СССР преобладают богатые серебряные украшения казанско-татарской знати, нередко позолоченные, значительная часть которых хранится в особой кладовой музея.

Кроме этой основной коллекции по украшениям татар в РЭМ хранится ряд поступлений от частных лиц и сотрудников музея в дореволюционное время. Эти коллекции в целом неплохо аннотированы. Большинство их отличает подробное описание экспоната, его местное название и назначение, место происхождения и возрастная принадлежность. В 1927 г. в музей поступила коллекция украшений крещёных татар, представляющая научную ценность уже вследствие своей этнолокальной определённости. С конца 50-х гг. XX столетия сбор материала осуществлялся по пути интенсивного приобретения предметов, характеризующих быт среднего и беднейшего слоёв населения старой татарской деревни, поскольку в дореволюционных коллекциях преобладали вещи элитарные, отражающие быт городской верхушки.

В отличие от фондов НМ РТ, которые наглядно иллюстрируют главным образом комплексы одежды татар основной этнической территории, т. е. уездов Казанской губернии, фонды РЭМ содержат в себе как отдельные элементы, так и ряд полных комплексов одежды самых различных этнолокальных групп народа. Так, в музее имеются полные комплексы одежды (середины XIX в. и конца XIX – начала XX в.) не только казанских татар и кряшен Казанской губернии, но и татар Уфимского Приуралья и касимовских татар. Совершенно уникальными являются комплексы женского и девичьего костюма, относящиеся к XVIII – середине XIX в., приобретённые у мишарей Шадринского уезда Пермской губернии – переселенцев из Керенского уезда Пензенской губернии. Не менее ценной реликвией можно назвать и полный



Мужской головной убор *тıǰbətäy*.  
Бархат, пайетки, шитьё канителью.  
*Казанские татары.*  
Сер. XIX в. НМ РТ

Девичий головной убор *каттаджи*.  
Бархат, шитьё жемчугом.  
*Казанские татары.*  
Нач. XX в. НМ РТ



Девичий головной убор *каттаджи*.  
Бархат, шитьё жемчугом. *Казанские татары.*  
Нач. XX в. НМ РТ

ранний комплекс XVIII – середины XIX в. одежды темниковских мишарей Елатомского уезда Тамбовской губернии.

В фондах Государственного исторического музея (ГИМ) в отделах ткани и металла имеется 12 коллекций, содержащих предметы традиционной одежды казанских и уфимских татар, а также украшений, район бытования которых не значится.

Существенная роль в исследовании принадлежит и аналогичным материалам из фондов различных областных, районных и даже школьных музеев, в силу их, как правило, региональной направленности – отражения костюма именно периферийных групп народа, чего порой недостаёт центральным музеям.

Так, богатые материалы к характеристике традиционной одежды касимовских татар и татар-мишарей Елатомского уезда Тамбовской губернии имеются в Касимовском историко-культурном музее-заповеднике (ИКМК). Головных уборов – женских и мужских (летних и зимних) содержится около 60. Из них 16 типологически восходят к середине XIX в. Из женских головных уборов здесь представлены преимущественно большие вязаные калфаки, богато орнаментированные вышивкой (синелью) или большие бархатные калфаки, вышитые золотошвейной гладью цветочно-растительного характера, а также тастары. К середине XIX в. относится и девичий головной убор *такья*, также украшенный золотошвейной гладью. Из мужских головных уборов этого времени особый интерес и как художественная ценность, и как уникальный экспонат представляют собой бархатная тюбетейка в виде низкого конуса, искусно расшитая золотошвейной гладью растительного характера (инв. 2335), и бархатный, шитый золотом головной убор с околышем и тульей, скроенный из 6 клиньев (инв. 4312).

Верхняя одежда насчитывает около 30 предметов. Это различные типы камзолов, жилены, чапаны. Среди женских камзолов имеются удлиненные, что говорит о вероятной принадлежности их к середине XIX в. К этому же времени можно отнести и женские камзолы

с коротким рукавом. Мужская верхняя одежда представлена главным образом чапанами средне-азиатского типа.

Рубах в фондах ИКМК около десятка, в основном женские с вшивным рукавом, по покрою не отличающиеся от рубах, отражающих общегородские направления в моде конца XIX – начала XX в.

Достаточно хорошо в хронологическом отношении здесь представлена обувь (около двух десятков), в основном ичиги. Женские ичиги, богато орнаментированные, изготовлены в технике кожаной мозаики. Некоторые из них можно датировать периодом более ранним, чем середина XIX в. (инв. 10278).

Коллекция ювелирных украшений этого фонда насчитывает свыше 200 предметов. Здесь имеются головные, главным образом наконские украшения и серьги, шейно-нагрудные, преимущественно *яка чылбыры* и ожерелья, наручные украшения, а также всевозможные застёжки, бляхи и прочее. Часть украшений типологически можно отнести к середине XIX в. К сожалению, ювелирные изделия, как и коллекция в целом, полноценных аннотаций, за редким исключением, не имеют.

В касимовском музее хранится серия редких фотографий касимовских татар в старинной одежде. На двух из них изображена группа женщин в одежде середины XIX в., в домотканых платьях, длинных камзолах и тастарных комплексах головных уборов.

Фонды ИКМК содержат материалы, отражающие в определённой мере и одежду темниковских мишарей (Елатомского уезда Тамбовской губернии), особенно конца XIX – начала XX в.

Уникальные материалы по костюму мишарей названного уезда, относящиеся к середине XIX в., как и костюму касимовских татар, хранятся в Историко-архитектурном музее-заповеднике г. Истры («Новый Иерусалим») (ИИАМЗИ), а также в Нижегородском историко-архитектурном музее-заповеднике (НИАМЗ). Здесь же хранится и полный комплекс женской одежды сергачских



Сапожки женские читек.  
Мозаика по коже.  
Казанские татары. Сер. XIX в. НМ РТ

мишарей – рубаха *юле кцлмэк* и головной убор *башкигец*, богато орнаментированные аппликацией («лоскутный орнамент»).

Материалы по одежде и украшениям татар-мишарей Самарской и Саратовской губерний содержат фонды Саратовского областного музея краеведения (СМК). Коллекции приобретены главным образом в 20-е гг. XX столетия сотрудником музея В. И. Трофимовым, а также профессорами Д. П. Степановым и Б. М. Соколовым. Особую ценность представляет собой коллекция женских нагрудников, отражающая специфику в костюме мишарей кузнецко-хвалынской группы. Нагрудники вышиты канителью, металлическими (золотными, серебряными) или шёлковыми нитями в технике глади по чёрному сатину, с преобладанием вихревой розетки в центре орнаментального комплекса.

Кроме вещевого материала, здесь хранится и ценный изобразительный материал в виде зарисовок и фотографий. Так, оригинальный способ ношения тастара, характерного для кузнецко-хвалынских мишарей, показан на фотографии, сделанной в д. Мосеевка Кузнецкого уезда Саратовской губернии (инв. 51/13).

Фонды Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова (УОКМ) дают представление об одежде, головных уборах, обуви, украшениях татар

Симбирского и Карсунского уездов бывшей Симбирской, а также Хвалынского уезда Саратовской губерний.

Костюм мишарей Пензенского и Инсарского уездов Пензенской губернии и Петровского уезда Саратовской губернии в значительной степени отражают хранилища Пензенского объединённого краеведческого музея (ПОКМ). Эта коллекция выделяется содержанием в ней редких, порою уникальных предметов середины XIX в., особенно головных уборов. Такими представляются женские волосники *сылавыч*, наосники-чехлы *чэчкап*, перевязь *чапук*, нагрудники *алныча*, головные покрывала *тастар*, орнаментированные в технике золотошвейной глади.

Сравнительно небольшая коллекция одежды имеется в фондах Пермского областного краеведческого музея (ПКМ). Предметы соответствуют главным образом концу XIX – началу XX в., плохо аннотированы. Из верхней распашной одежды наиболее интересной является домотканая *чоба* (инв. 5979), типологически соответствующая середине XIX в., а из нижней – ранние домотканые туникообразные рубахи и передники. Дополнением и конкретизацией материалов этого музея можно считать немногочисленные, но хорошо аннотированные материалы Кунгурского краеведческого музея (ККМ), приобретённые в Кунгурском уезде Пермской области.



Перстень. Металл, литьё, яшма.  
Казанские татары.  
Кон. XIX в. НМ РТ



Перстень-печать.  
Серебро,ковка, гравировка, сердолик.  
Татары. 1768 г. Казанская губерния. НМ РТ



**Туфли женские башмак.**  
Бархат, вышивка канителью.  
Казанские татары.  
Кон. XIX – нач. XX в. НМ РТ



**Туфли женские башмак.**  
Мозаика по коже.  
Казанские татары.  
Нач. XX в. НМ РТ



**Сапожки женские читек.**  
Мозаика по коже.  
Казанские татары.  
Кон. XIX – нач. XX в. НМ РТ



Головной убор (волосник) *сарау*. Бархат, золотное шитьё. XIX в.  
Сибирские татары. ТГИАМЗ

Ценный материал по одежде и украшениям татар Уфимского Приуралья содержится в фондах Национального музея г. Уфы Республики Башкортостан (БКМ). Здесь, наряду с широко распространёнными в конце XIX – начале XX в. уборами, имеется серия старинных головных уборов середины XIX в. К таким можно отнести, например, мужской головной убор, кроенный из шерстяной ткани с околышем, богато орнаментированный тамбур-

ной вышивкой цветочно-растительного характера (инв. 6063). Из женских головных уборов к ранним же относятся большой бархатный калфак молодой женщины, искусно орнаментированный золотошвейной гладью (инв. 3176), и большое головное треугольное покрывало пожилой женщины *өрпәк* (инв. 3093/473).

Общее представление об одежде крещёных татар-нагайбаков дают коллекции районных краеведческих музеев в г. Чебаркуле (Чебаркульский р-н Челябинской области) и в с. Фершампенуаз (Нагайбакский район Челябинской области). Здесь имеются материалы, отражающие местные особенности головных уборов, верхней одежды, рубах и женских украшений.

Важную роль в исследовании играют материалы многочисленных районных и школьных музеев, отражающие локальные особенности народного костюма. Наиболее значительными в этом отношении являются музеи городов (Альметьевск, Бугуруслан, Чистополь, Бугульма, Мамадыш и сёл (Большие Тарханы, Ципья и др.).

**2.2. Коллекции по костюму сибирских татар.** Изучение и атрибуция элементов народного костюма сибирских татар проводились на основе фондовых материалов следующих музеев РФ: Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (ТГИАМЗ) (Тобольск – 1994, 1998, 2002); Тевризский историко-краеведческий музей (Омская обл. – 1994); Большереченский



Амулет-украшение *томар* знатной сибирской татарки. Серебро с позолотой. Зернь, самоцветы. XIX в. ТГИАМЗ



Головной убор (волосник) *сарауц*. Бархат, золотное шитьё.  
XIX в. Сибирские татары. ТГИАМЗ

краеведческий музей (Омская обл. – 1994); Томский государственный объединённый историко-архитектурный музей (Томск – 1995); Этнографический музей Томского государственного университета (Томск – 1995) и др.

Особую историко-этнографическую ценность, безусловно, представляют собой коллекции ТГИАМЗ (г. Тобольск). Они чрезвычайно богаты и по содержанию (представлены все элементы, составляющие традиционный костюм), и по художественной ценности экспонатов – всего более 600 предметов. Здесь хранится уникальная коллекция ювелирных украшений (головные украшения – 50, шейно-нагрудные – 30, наручные – 60, множество мелких, но важных с точки зрения анализа деталей костюма и аксессуаров). Эта коллекция включает в себя большое количество драгоценных, порою уникальных предметов, которые в разные периоды истории сопровождали костюм сибирско-татарской знати. Судя по нашим материалам и специальным публикациям Е. Ю. Смирновой<sup>1</sup>, подобные украшения были малоизвестны и весьма редко встречались у основной (сельской) массы сибирских татар, во всяком случае в этнографически обозреваемый период времени. Большое значение для

воссоздания комплекса традиционной одежды сибирских татар имеют ранние (XIX – начала XX в.) фотографии и зарисовки. Их немного, около двух десятков, но они уникальны. На одной фотографии изображена семья рыбака из д. Ишкулово (заболотные татары) в традиционных одеяниях начала XX в. (инв. 11757), на двух других – тобольские татарки в старинных костюмах XIX в. (инв. 15559/22–23). В музее экспонируется интересный в этнографическом отношении «Портрет Кульмаметьевой» художника П. П. Чукомина, на котором тобольская



Миндалевидные сканые серьги.  
Сибирское ханство? ТГИАМЗ

<sup>1</sup> Смирнова Е. Ю. Женские украшения сибирских татар конца XIX – первой трети XX века // Материальная культура народов России. Культура народов России. – Том 1. – Новосибирск, 1995. – С. 216–229.



Тобольская татарка  
в праздничной одежде.  
Фото кон. XIX в. ТГИАМЗ



Амулеты-украшения *томар* знатной сибирской татарки.  
Серебро с позолотой. Зернь, самоцветы. Кон. XIX в. ТГИАМЗ



Головной убор знатной сибирской татарки.  
Золотное шитьё. XIX в. ТГИАМЭ



Головной убор колвак. Золотное шитьё. XIX в.  
Сибирские татары. ТГИАМЭ

татарка — потомок известного сибирско-татарского рода — изображена в полный рост во всём традиционном одеянии.

Тобольская коллекция представляет собой достаточно серьёзный источник по культурогенезу и этнической истории сибирских татар и татар в целом, однако она практически не введена в научный оборот. Некоторые предметы из этой коллекции, как увидим ниже, типологически и функционально связаны с ювелирными украшениями ханского периода татарской истории и генетически восходят к ювелирному искусству Золотой Орды (Улуса Джучи).

**2.3. Коллекции по костюму астраханских татар.** Этнографические коллекции по костюму астраханских татар широко представлены в Астраханском государственном объединённом историко-архитектурном музее-заповеднике (АМК) и Саратовском областном краеведческом музее (СМК). В фондах АМК хранится кол-

лекция одежды карагашей — более 100 предметов, включающая весьма любопытные старинные головные уборы (разные вариации тастаров, волосников и т. д.), нижнюю и верхнюю одежду, украшения. Она включает в себя и предметы из свадебной одежды карагаешской женщины. Это волосник *шлауш*, головное покрывало *тастар*, халат *каптал*, сапожки *ату*. Кроме того, в АМК содержатся экспонаты, объединённые под названием «Одежда астраханских татар» (более 50 предметов). Тщательное изучение их показало, что они представляют собой элементы, а порою и целые комплексы костюмов различных этнических групп татар как Нижнего, так и Среднего Поволжья, среди которых юртовцы, карагаши, мишари, казанские и городские астраханские татары. Обнаружена также любопытная серия реконструкций старинной одежды различных этнических групп астраханцев — красочные акварели, выполненные ногайским художником С. Батыровым.



Свадебная одежда астраханской татарки. Кундровцы. XIX в. Худ. С. Батыров. АКМ



Металлическая свадебная повязка моезбек. Кундровцы. АКМ



Астраханская татарка в праздничном костюме.  
Юртовцы. XIX – нач. XX в. АКМ



Комплекс традиционной одежды. Карагаши.  
XIX – нач. XX в. АКМ



Женская перевязь-амулет.  
Карагаши. XIX – нач. XX в. АКМ



**Женский пояс.**  
Серебро. Скать. Литъё.  
XIX в. Карагаши. АКМ



**Женский волосник шлауш.**  
Карагаши. XIX – нач. XX в. АКМ



**Женский волосник.**  
Карагаши. XIX в. АКМ



**Девушки-карагашки.**  
Нач. XX в. С. Сеитовка.  
Фото В. Н. Трофимова. СМК



Астраханская карагашка в традиционном костюме.  
XIX в. АКМ



Комплект традиционной одежды.  
Карагаши. XIX – нач. XX в. АКМ



Женский головной убор –  
покрывало кимешек. Карагаши.  
XIX – нач. XX в. АКМ



Женский сапозжок.  
Карагаши. XIX в. СМК



Женский нагрудник.  
Карагаши. XIX в. СМК



Свадебный наряд кон. XIX – нач. XX в.  
*Крымские татары. Золотное шитьё.*  
Crimean Tatar Crafts Collection of Azade-Ayse Rorlich.  
Los Angeles



Фрагмент золотого шитья. Крымские татары.  
XIX в. БМИККТ



Женская обувь. Золотное шитьё. Крымские татары. БМИККТ

Немалый интерес представляют собой портреты и семейные фотографии XIX – начала XX в., анализ которых позволяет выявить не только этноспецифические особенности их традиционного костюма, но и половозрастные. Часть экспонатов АКМ имеет особую ценность в силу их чёткой научной паспортизации. К таким экспонатам относятся, в частности, материалы начала XX в. П. А. Алексеева, собранные в сс. Сеитовка и Лапас (инв. № 3608, 3464), а также этнографические коллекции по одежде XIX в. из сёл Килинчи (инв. 9009–9010), Тат. Башмаковка (инв. 10023–10025).

Фонды СМК по количеству экспонатов, представляющих костюм астраханских татар, уступают АКМ, но по научной ценности в ряде случаев значительно превосходят их, поскольку комплектовались профессиональным этнографом, сотрудником музея В. И. Трофимовым. В музее хранится собранная им коллекция по одежде карагашей и юртовцев из сёл Сеитовка, Карагали, Килинчи, Яксатово, Хожетаевка,

Ясын-Саккан. Из головных уборов интересен карагашский волосник, головной убор наподобие *кимешек*, тюлевый, украшенный тамбурным шитьём, *тастар*, и особенно деталь свадебного головного убора *моезбек*. Совершенно уникальны ювелирные украшения: сканый женский пояс и бархатный нагрудник с металлическими накладками в форме «восточного огурца», а также женские сапожки с бархатными голенищами *ату*, головка и пятка которых орнаментированы специальными металлическими украшениями вроде цепочек. Особую научную ценность составляют фото (негативы), привезённые В. И. Трофимовым из этих экспедиций. На них изображены женщины и мужчины разных возрастных и социальных групп в будничных и праздничных нарядах.

**2.4. Коллекции по костюму крымских татар.** В 2003 г. с целью сравнительно-исторического анализа изучался и народный костюм крымских татар в фондах четырёх крымских музеев. Самой внушительной в плане типологичес-



Мужской пояс *учкур*. Кон. XIX – нач. XX в. Крымские татары.  
Crimean Tatar Crafts Collection of Azade-Ayse Rorlich. Los Angeles



Женский кисет *кэссэ*. Золотное шитьё по бархату.  
Кон. XIX – нач. XX в. Крымские татары. Crimean Tatar Crafts Collection  
of Azade-Ayse Rorlich. Los Angeles



Крымская татарка  
в традиционном костюме.  
XIX в. РКТМИ



Женский головной убор фес с теменной филигранной бляхой  
тепелик. Крымские татары. XIX в. РКТМИ



Крымская татарка в старинном  
женском головном покрывале  
марама. РКТМИ



Обшлак-манжета кѳапакѳ женского платья антер.  
Золотное шитьѳ. Крымские татары.  
XIX в. РКТМИ



**Женская бархатная сумочка.**  
Золотное шитьё. Крымские татары. ЯГОИЛМ



**Средневековый женский костюм.**  
Крымские татары. БМИККТ



**Женский пояс.** Кон. XIX в.  
Крымские татары. РКТМИ

кого разнообразия элементов костюма, техники и орнамента ткачества и золотного шитья, а также по широте диапазона хронологических рамок (XVIII–XX в.) представляют собой экспозиция и фонды Бахчисарайского музея истории и культуры крымских татар (БМИККТ). Информативны в научном отношении рисунки О. Федорюк – варианты визуально-художественной реконструкции этнолокальных комплексов крымско-татарской одежды XIX в., выполненные по материалам и зарисовкам У. Боданинского – первого директора музея, известного в Крыму учёного и знатока крымско-татарской культуры. Интересна коллекция этнографических зарисовок (118 ед. хр.) орнаментальных композиций крымско-татарской вышивки, выполненных в начале XX в. художницей В. В. Контрольской. Большая часть материалов Бахчисарайского музея отражает структуру и искусство орнамента костюма степной этнической группы крымских татар.

Народный костюм горно-прибрежной группы в большей степени отражают коллекции Ялтинского государственного объединённого историко-литературного музея (ЯГОИЛМ), около 1000 ед. хр. Его фонды формировались на основе дворцовых коллекций Крымского побережья и частных собраний известных крымских коллекционеров (Айвазовских, Э. Г. Тугендхольда, А. Л. Бертье-Делагарда). В них представлены различные виды тканей домашнего производства *атма*, в том числе и узорчатые, которые использовались и для пошива одежды, женские головные уборы покрывала *марама*, мужские пояса *учкѳур* и т. п. Исключительный интерес представляют вышитые предметы, особенно девичьи головные покрывала *шербенти*. Преобладающая техника вышивки – *татар эшлѳме* – этноспецифическая крымско-татарская глухая двухсторонняя гладь без предварительного настила, имеющая свыше шестидесяти оригинальных швов<sup>1</sup>. В вышивках использовались шёлковые, шерстя-

ные, а также серебряные и позолоченные нити, нередко и битъ. Особую ценность Ялтинского музея составляет шитая золотом верхняя (мужская, женская, детская) одежда, а также золотшвейные предметы, представляющие собой детали костюма – манжеты женского платья *аль кѳап*, головные уборы *шербенти*, подвязки для чулок *чорап баги* или, связанные с ним аксессуары (кисеты, сумочки для миниатюрного Корана – *касидѳ*). Шитьѳ выполнялось по однотонным дорогим тканям (бархату, атласу, кисее) серебряной или позолоченной нитью с использованием жемчуга, кораллов, бисера, металлических блѳсток.

В основу фондов Республиканского крымско-татарского музея искусств (РКТМИ, г. Симферополь), включающего более 400 предметов народной одежды и декоративно-прикладного искусства легли уникальные коллекции известного коллекционера, актѳра крымско-татарского ансамбля «Хайтарма» Аблямита Умерова и его супруги Хатидже Добра, вывезенные, дополненные и сохранѳнные ими в годы депортации в г. Ташкенте.

Среди экспонатов Крымского этнографического музея (г. Симферополь) представляют интерес ранние изобразительные материалы, в частности, копии с рисунков середины XIX в. художников Раффе, Паули, фотографии крымских татар в традиционной одежде.

В целом музейные коллекции по традиционной одежде волго-уральских татар, а также татар сибирских, астраханских и крымских довольно значительны. Основу их, особенно в центральных музеях, составляют дореволюционные собрания, отнюдь не равноценные между собой в научном отношении. Наряду с достаточно хорошо аннотированными коллекциями встречаются и коллекции «беспаспортные». Значительно лучше обстоит дело с научной обработкой материалов, поступивших в музеи в советское время. Они научно описаны, должным образом паспортизированы: указывается источник, год поступления, район и примерное время бытования, отмечается местное название и к какой именно группе татар принадлежит вновь

<sup>1</sup> Чепурина П. Я. Орнаментальное шитьѳ Крыма. Всесоюзное кооперативное объединѳнное издательство. – М. ; Л. – 1938. – С. 6.

поступивший элемент (или комплекс) костюма. Такие коллекции являются существенным дополнением к богатейшим дореволюционным собраниям, а иногда решающим и более надёжным источником. Музейные материалы в значительной степени отражают региональные особенности костюма по тем хронологическим периодам времени, в рамках которых ведётся исследование. Их научная значимость (особенно для середины XIX в.) прежде всего заключается в том, что они зачастую служат реальной иллюстрацией синхронной устной информации, полученной при полевых этнографических исследованиях, а также конкретным отражением фактов, изложенных в письменных источниках.

### 3. Письменные источники и литература

#### 3.1. Ранние письменные источники и этнографическая литература

Наиболее ранние, правда, фрагментарные и в значительной степени случайные письменные сведения по одежде волго-уральских татар и их предков имеются в записках восточных и западноевропейских путешественников. О том, что одежда болгар, хазар, печенегов схожа и представляет собой длинные куртки, в отличие от коротких курток русов, писали ал-Балхи<sup>1</sup>, ал-Истахри<sup>2</sup>. Ибн-Фадлан отмечал, что в качестве головного убора болгары носят шапку *киланис*<sup>3</sup>.

Из средневековых западноевропейских путешественников некоторые сведения по одежде народов России, в том числе и татар, остави-

ли Плано Карпини<sup>4</sup>, позже С. Герберштейн<sup>5</sup>, А. Олеарий<sup>6</sup>, Корнелий де Бруин<sup>7</sup>. Сведения эти нередко сопровождаются рисунками и гравюрами. Так, в «Записках о московитских делах» барона С. Герберштейна помещена гравюра с изображением одежды русских и татар в XVIII столетии<sup>8</sup>, где крайняя справа фигура значится как «татарин в своём туземном вооружении». На нём высокая шапка, отороченная мехом. Особенно достоверным представляется комплекс женского костюма знатной татарки, приведённый в сочинении Корнелия де Бруина «Путешествие через Московию Корнелия де Бруина». Прежде всего обращает на себя внимание головной убор. Это женский колпак в виде высокого конуса. Вся его поверхность покрыта многочисленными бляшками, гранёными камнями и различными бусами. К височной части убора с каждой стороны прикреплено по три длинных шнура, унизанных бусами и заканчивающихся четырёхлепестковыми подвесками. Головной убор надет поверх платка, завязанного спереди за два соседних конца «по-татарски». На рисунке де Бруина привлекает внимание и рубаха с традиционным для казанских татар верхним воланом и нагрудным украшением вроде *изу*. В руке женщины конец накосного украшения наподобие *тезмэ*, бытовавшего у казанских татар вплоть до начала XX в.<sup>9</sup>

Весьма скудные и фрагментарные сведения по одежде татар и их предков встречаются в русских летописях. Так, в «Воскресенской

<sup>4</sup> Плано Карпини. Любопытное путешествие к татарам в 1246 г. — М., 1795.

<sup>5</sup> Герберштейн С. Заметки о Московии, пер. Анонимова. — СПб, 1866.

<sup>6</sup> Олеарий А. Путешествие в Московию Корнелия де Бруина / пер. с фр. П. Барсова. — М., 1870.

<sup>7</sup> Корнелий де Бруин. Путешествие через Московию / пер. П. Барсова. — М., 1873.

<sup>8</sup> Герберштейн С. Записки о Московитских делах. — СПб., 1908 (пер. А. И. Малеина с латинского издания 1556 г.).

<sup>9</sup> Впервые анализ ранних изобразительных материалов приведён в статье: Мазанов А. А. Использование изобразительных материалов для изучения этнографии татарского народа // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. — Казань, 1976.

<sup>1</sup> Хвольсон Д. А. Известия о Хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах. — СПб, 1869. — С. 120 (прим. 40).

<sup>2</sup> Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. — СПб, 1870. — С. 212.

<sup>3</sup> Ковалевский П. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. — Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1956. — С. 36, 213.

летописи» (985 г.) имеются сообщения о том, что болгары носят сапоги — «все в сапозях»<sup>1</sup>. В летописях XV—XVI вв.<sup>2</sup> имеются сведения о тканях и других материалах, в частности, о дорогих камнях, которые поступают в Казань из разных мест: Бухары, Шемахи, Турчан, Персии, Армении и т. д. Русские летописи XVI в. иногда содержат миниатюры с изображением казанцев в традиционных костюмах. Так, на одной из них<sup>3</sup> на мужчинах запечатлена длинная, ниже колен, одежда с длинными же рукавами. Комплекс наплечной одежды на другой завершает лёгкий безрукавный плащ наподобие *ябынчы*. Головными уборами являются небольшие полусферические шапки-шляпы с загнутыми кверху полями. На придворной женщине, изображённой ещё на одной миниатюре<sup>4</sup>, надета длинная, с длинными же (превосходящими размеры рук) рукавами рубаха, поверх которой накинута безрукавная одежда в виде широкого драпирующего плаща. На голове женщины неглубокая, в виде мужской тюбетейки вышитая шапочка, которая надета поверх нижнего платка-волосника. Несмотря на определённый схематизм, подобные миниатюры всё же дают представление об особенностях и способах ношения одежды татар этого периода.

Начало научным исследованиям по этнографии волго-уральских татар, в том числе и их традиционной одежды, приходится на середину — конец XVIII в., на период больших академических экспедиций. Один из отрядов первой (северной) экспедиции посетил северные районы Среднего Поволжья и Приуралья в 1733 г. Руководитель этого отряда Г. Ф. Миллер в своём сочинении сообщает: «На прочих же рисунках изображено с платья кунгурских и уфимских татарок, которых мне случалось видеть в полном их уборе между реками Окою и Кунгуром и между Кунгуром и Рифейскими

горами, и с оного я приказал снять рисунки»<sup>5</sup>.

Члены второй академической экспедиции, особенно И. И. Лепехин, И. Г. Георги, также сообщили ценные сведения по теме. Так, И. И. Лепехин в комплексе женской одежды татар из окрестностей реки Черемшан отмечает наличие женского головного покрывала *тастар* и шапочки *кашпау*, приводит их описания<sup>6</sup>. Работы всех этих исследователей особенно ценны в их иллюстративной части. Так, рисунки у Г. Ф. Миллера имеют краткие аннотации: «Уфимская татарка», «Кунгурская татарка». По этим аннотациям мы всё же не можем выяснить, к какой конкретно группе приуральских татар принадлежит изображённый на рисунках комплекс костюма. Более того, И. Г. Георги, несколько позднее собиравший аналогичный материал по казанским татарам, в своей работе<sup>7</sup> опубликовал копию рисунка Г. Ф. Миллера «Уфимская татарка» и назвал её казанской («Казанская татарка спереди» и «Казанская татарка сзади»). К сожалению, приведённый в работе И. Г. Георги рисунок с неверной аннотацией позднее публикуется и в других изданиях, особенно на страницах иллюстративных журналов<sup>8</sup>.

Одним из научных центров по изучению этнографии тюркоязычных народов (казахов, башкир, татар) в этот период являлась Оренбургская комиссия, начальником которой в течение двух лет был В. Н. Татищев — основоположник русской этнографии. Заложенная В. Н. Татищевым традиция изучения культуры и быта тюркских народов была продолжена П. И. Рычковым, который определённое внимание в своих исследованиях

<sup>5</sup> Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов: яко, черемис, чуваш, вотяков. — СПб., 1791. — С. 15—16.

<sup>6</sup> Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. — Ч. 1. — СПб. — С. 160—161.

<sup>7</sup> Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — Ч. II. — СПб., 1799.

<sup>8</sup> Мазанов А. А. Использование изобразительных материалов для изучения этнографии татарского народа // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. — Казань, 1976.

<sup>1</sup> ПСРЛ. — СПб., 1852. — Т. II. — С. 296.

<sup>2</sup> Там же, Т. XIX. — С. 229—230.

<sup>3</sup> ГИМ. Отдел рукописей. Царственная книга «Бегство казанцев из города после вступления русских» (список 149, л. 618).

<sup>4</sup> ГИМ. Отдел рукописей. Царственная книга «Русские берут в плен женщин и детей» (список 149, л. 621).

уделял и одежде татар Южного Урала. В частности, он сообщает, что здешние татарки на голове «имеют из старых серебряных копеек низанные колпаки, как называют они кошбаны»<sup>1</sup>, и подчёркивает участие татар в заграничной коммерции: «благодаря их усилиям в край поступают полушёлковые ткани, парча, полотна, индийские кисейные ткани»<sup>2</sup> и т. д.

К последней четверти XVIII в. относится топографическое описание Симбирского «наместничества», составленное Т. Г. Масленицким, где приводятся данные по одежде татар-мишарей этого региона. Летом они ходят «в узорчато вышитых и крепко подпоясанных рубахах». Богатые женщины «верхнее одеяние шьют из простых, шёлковых, а иногда и дорогих материй или из тонких сукон, пояс носят шёлковым или серебряным набором украшенный... Носят они с плеча наискось пущенную перевязь, усыпанную корольками или золотыми, а иногда и одними только серебряными монетами. Голову покрывают шапками, унизанными корольками или фатами, которые висят по спине... Простые женщины носят одеяние китайчатое и из сукна собственного рукоделия, увёртывают головы полотенцем и повязывают сверх оною платком, шишечкою, с двумя висящими из-под оною косами сзади»<sup>3</sup>. Эти чрезвычайно важные для темы извлечения из рукописи Масленицкого были опубликованы в 1851 г. В. М. Мильковичем<sup>4</sup>.

В 1803 г. увидело свет описание путешествия в Казань, Вятку и Оренбург поэта и публициста Максима Невзорова, где также приводится ряд любопытных сведений по одежде татар, отмечается, в частности, высокий зимний головной убор «с длинными ушками, из разных мехов по краям шапки»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Рычков П. И. Топография Оренбургская, т. е. обстоятельное описание Оренбургской губ. — Ч. 1—2. — СПб., 1762. — С. 125, 206.

<sup>2</sup> Там же. С. 305—306.

<sup>3</sup> Масленицкий Т. Г. Топографическое описание Симбирского наместничества, 1783. Рукопись, лл. 20—27.

<sup>4</sup> Милькович В. М. Быт и верования татар Симбирской губернии в 1783 г. // Симбирские губернские ведомости. 1851. — № 44, 45.

<sup>5</sup> Невзоров М. И. Путешествия в Казань, Вятку, Оренбург в 1800 году. — Ч. 1. — М., 1803.

Новый значительный этап в изучении этнографии волго-уральских татар знаменовало собой открытие Казанского университета (1804 г.). С этого времени ведущая роль в исследованиях культуры и быта народов края принадлежит университетским учёным. Так, одним из выдающихся исследователей этнографии казанских татар первой половины XIX в. был профессор университета К. Ф. Фукс. Его работа «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении», опубликованная в 1844 г., написана на основании серьёзного знания городских татар и особенно высших слоёв в лице торговцев. В частности, в ней описаны женские и девичьи комплексы одежды и украшений в купеческих семьях. Хотя описание в целом краткое и неполное, отдельные архаические элементы костюма преподносятся им с довольно подробной детализацией. В частности, им отмечается наличие камзола с длинными рукавами на меху, жилена из парчи (у богатых) и камзола из китайки и нанки, украшенного позументом (у бедных). У К. Ф. Фукса впервые находим упоминание о головном уборе *калфак* и о бытовании в прошлом у казанских татар женского головного убора вроде «сахарной головки из шёлковой материи, покрытой русскими вызолоченными рублёвками»<sup>6</sup>.

В 1878 г. при Казанском университете создаётся «Общество археологии, истории и этнографии» (ОАИЭ), в «Известиях» (ИОАИЭ) и практической деятельности которого нашли отражение многие проблемы этнографии татар, в том числе и вопросы, связанные с народной одеждой. В изданиях общества публикуется целая серия небольших статей профессоров Казанского университета, посвящённых татарским женским украшениям. В статье «О предметах украшения татарских женщин» Н. Ф. Катанов<sup>7</sup> справедливо отмечает

<sup>6</sup> Фукс К. Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. — Казань, 1844. — С. 18.

<sup>7</sup> Катанов Н. Ф. О предметах украшений татарских женщин // ИОАИЭ. — Т. XXIII. — Вып. 5, 1908. — С. 385—387.

склонность татарок к украшениям из монет. В данной работе он в основном останавливается на ассортименте монет и монетных имитаций, которые использовались в качестве украшений. В двух других работах о татарских перстнях и бляхах<sup>1</sup> Н. Ф. Катанов акцентирует внимание главным образом на их религиозном аспекте, оставляя в стороне историко-этнографический план исследования.

Сходна по характеру с этими двумя работами и статья Н. Ф. Высоцкого<sup>2</sup>, в которой рассматриваются серьги казанских татарок также скорее как мусульманский амулет, а не предмет украшения.

В тесной связи с деятельностью ОАИЭ состояли крупные татарские учёные-просветители Ш. Марджани и К. Насыри. В известном историко-этнографическом труде Ш. Марджани «Мустафад-эл-ахбар фи ахвали Казан вэ Болгар»<sup>3</sup> имеются ценные сведения по одежде казанских татар, в частности, отмечается наличие у них в прошлом белой женской рубахи, верхней одежды *чоба*. Более подробно учёный останавливается на традиционном одеянии женщин: на голове у них — *өрпәк*, на груди — *күкрәкчә*, рубаха с длинными рукавами. Именно такой комплект одежды, по его мнению, наиболее чётко согласуется с нормами ислама. Кроме того, он подробно описывает материалы изготовления одежды (шёлк, бурлат — кумач, чыт — ситец), способы декоративного оформления женских калфаков драгоценными камнями (жемчуг, бирюза, изумруд и др.) и золотыми монетами, отмечает изменения в покрое женской рубахи конца XIX в., которые особенно наглядно проявились в одежде знати (наличие оборок и воланов, изменения в покрое рукавов

и др.). Фактически Ш. Марджани является одним из первых исследователей, который воочию заметил и описал начальный этап процесса трансформации народного татарского костюма в общенациональные формы.

У К. Насыри<sup>4</sup> сведения по одежде казанских татар более конкретны и касаются правобережных районов Волги. При описании элементов костюма у К. Насыри заметно стремление к системной подаче материала. Так, при анализе одежды наиболее важным моментом у автора является покрое, что и сегодня признаётся одним из основных принципов типологии народной одежды.

Работа Н. Н. Вечеслава<sup>5</sup> «Описание костюмов русских и инородческих крестьян Казанской губернии» интересна тем, что автор показывает в ней отдельно одежду казанских татар и кряшен. Эти описания отражают одежду татар Мамадышского, Чистопольского, Царёвококшайского, Лаишевского и Тетюшского уездов Казанской губернии. Но сведения эти единичны и, по словам самого автора, не могут считаться абсолютно достоверными, т. к. описания составлялись им лишь со слов корреспондентов.

Определённое количество источников по теме содержат географические, экономико-статистические и медико-антропологические сочинения середины XI — начала XX в. Это работы П. В. Знаменского<sup>6</sup>, А. Н. Спасского<sup>7</sup>, М. Лаптева<sup>8</sup>, А. Ф. Риттиха<sup>9</sup>, которые мало чем отличались одна от другой, по крайней мере, в тех местах, где речь идёт о костюме. Однако в компилятивной в целом работе А. Ф. Риттиха содержится уни-

<sup>4</sup> Насыри К. Избранные произведения. — Т. 1. — Казань, 1974.

<sup>5</sup> Вечеслав Н. Н. Описание костюмов русских и инородческих крестьян Казанской губернии. — Казань, 1879.

<sup>6</sup> Знаменский П. В. Казанские татары. — Казань: Типо-лит. Имп. ун-та. 1910.

<sup>7</sup> Спасский А. Н. Очерки по родинovedению. Казанская губерния. — Казань, 1913.

<sup>8</sup> Лаптев М. Материалы для этнографии и статистики России. Казанская губерния. — Казань, 1870.

<sup>9</sup> Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. — Часть IV. — Казань, 1870.

<sup>1</sup> Катанов Н. Ф. Несколько слов по поводу русских и татарских перстней, принадлежавших А. А. Сухареву и А. Г. Соловьёву // ИОАИЭ. — Т. XX. — Вып. 1. — Казань, 1904; О некоторых восточных вещах казанского городского музея // ИОАЭИ. — Т. XXX. — Вып. 1. — Казань, 1919.

<sup>2</sup> Высоцкий Н. Ф. О некоторых типах русских оберегов и об одном татарском амулете // ИОАЭИ. — Т. XXV. — Вып. 6. — Казань, 1909.

<sup>3</sup> Марджани Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вэ Болгар / төрж. Ә. Хәйруллин. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. — 81 б.

кальная фотоиллюстрация с изображением группы городских татар середины XIX в. в традиционных костюмах.

Чрезвычайно ценными являются и опубликованные рукописные (архивные, музейные) источники по традиционной одежде периферийных, мало изученных с точки зрения народного костюма групп населения. Так, в работах В. М. Черемшанского<sup>1</sup>, Н. С. Попова<sup>2</sup>, З. Х. Мозеля<sup>3</sup>, С. Буевского<sup>4</sup>, П. И. Небольсина<sup>5</sup>, Е. Н. Бектеевой<sup>6</sup>, Ф. М. Старикова<sup>7</sup>, В. Н. Витевского<sup>8</sup> приводятся фрагментарные, но весьма важные заметки по одежде татар восточных районов обследованной территории, по уездам Пермской, Уфимской, Оренбургской губерний. Сведения по одежде татар (прежде всего мишарей и касимовских) западных губерний (Тамбовской, Рязанской, Пензенской, Симбирской и Саратовской) имеются в работах В. В. Вельяминова-Зернова<sup>9</sup>, Е. А. Малова<sup>10</sup>,

В. К. Магницкого<sup>11</sup>, В. И. Трофимова<sup>12</sup>, Б. И. Соколова<sup>13</sup>, И. Н. Юркина<sup>14</sup>.

Материалы по костюму татар в виде фотографий и зарисовок с небольшими комментариями, к сожалению, недостаточно хорошо аннотированные, имеются в популярных и научно-популярных изданиях и журналах XIX в., которые при тщательном анализе и сопоставлении с другими источниками дают конкретный материал по теме исследования<sup>15</sup>.

Заметная роль в своде источников принадлежит татарской художественной и публицистической литературе рубежа XIX–XX вв. Даже при беглом знакомстве с общественно-литературным журналом «Шура» бросается в глаза обилие историко-этнографического и чисто этнографического материала. Так, в публицистических очерках писатель и переводчик

<sup>1</sup> Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. — Уфа, 1859.

<sup>2</sup> Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1813. — Ч. III.

<sup>3</sup> Мозель З. Х. Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния. — СПб., 1864.

<sup>4</sup> Буевский С. Жители Кунгурского уезда // Учёные записки Императорского университета. — Кн. 1. — Казань, 1858.

<sup>5</sup> Небольсин П. Н. Отчёт о путешествии в Оренбургский и Астраханский край. Вестник Императорского русского географического общества. — Ч. IV. — Кн. 1 — СПб., 1852.

<sup>6</sup> Бектеева Е. Н. Нагайбаки (крещёные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. — 1902. — Вып. 2.

<sup>7</sup> Стариков Ф. М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением о современном быте оренбургских казаков. — Оренбург, 1890.

<sup>8</sup> Витевский В. Н. Нагайбаки Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Волжско-Камское слово, 1882. — № 12, 74, 138 (Имеются материалы в фотокопиях).

<sup>9</sup> Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. — Ч. 1. — СПб., 1863; Ч. 2. — СПб., 1864; Ч. 3. — СПб., 1856.

<sup>10</sup> Малов Е. А. Сведения о мишарах. Этнографический очерк // ИОАИЭ. — Т. IV. — 1883.

<sup>11</sup> Магницкий В. К. К вопросу о тамбовских и казанских татарах // ИОАИЭ. — Т. XII. — Вып. 5. — 1895; Несколько данных о мишарах и селениях... Казанской и Симбирской губерний // ИОАИЭ. — Т. XII. — Вып. 4; Новые данные о мишарах // ИОАИЭ. — Т. XIII. — Вып. 6; Нечто о чувашах, татарах и мишарах (мещера, мещеряки, «можары») // Действия Нижегородской губернской архивной комиссии. — Сб. III. — Н. Новгород, 1898.

<sup>12</sup> Трофимов В. И. Татары-мишари Саратовской области. — Материалы к истории колонизации татар. Рукопись. СМК. Научный архив № 9, оп. 1, ед. хр. 96; Он же. Татары Саратовского края. — Саратов : Изд-во Нижне-Волжского краеведческого музея. — 1928. — Листовка № 5.

<sup>13</sup> Соколов Б. И. Краткий отчёт о деятельности отдела этнографии Нижне-Волжского областного научного общества краеведения за 1922—1925 гг. Татары Петровского уезда // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения : этногр. сб. — Саратов, 1928.

<sup>14</sup> В Ульяновском краеведческом музее хранятся рукописи краеведа И. Н. Юркина, в которых содержатся данные по одежде мишарей Корсунского уезда Симбирской губернии (ф. 269, оп. 1, д. 12).

<sup>15</sup> Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. — Т. VIII. Ч. 1. Среднее Поволжье. — М., 1901; Живописный альбом. Народы России. — СПб., 1880. Изд-во картографического заведения А. Ильина; Костюмы инородцев — жителей России // Иллюстративная неделя. — 1875. — № 22; Народы России (татары) // Нива. — 1874. — № 22—23; Народы России. Живописный альбом. — СПб., 1878; Народы России. Волжские татары // Досуг и дело. — Вып. III. — СПб., 1879; Одежда тамбовских татар и мордвы // День. — 1865. — № 31.

З. Башири<sup>1</sup> тщательным образом описывает быт (в том числе и традиционный костюм) мишарей Инсарского уезда Пензенской губ. С подобными публикациями о жизни саратовских мишарей выступает писательница Мухбуджамал Акчурина<sup>2</sup>.

Натуральное бытописание чрезвычайно характерно для творчества татарских писателей. Так, в произведениях Г. Ибрагимова<sup>3</sup> приводятся подробнейшие (порою в нюансах) описания одежды приуральских татар по возрасту, полу, социальному положению.

Зарисовки народного быта в татарской художественной и публицистической литературе настолько тщательны и достоверны, что причисление их к важному этнографическому источнику не вызывает сомнений.

В целом же, как видим, вплоть до середины XX столетия специальных исследований в области татарского народного костюма не предпринималось.

**3.2. Современная научная и научно-популярная литература.** Советский период, создание группы этнографии при Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР во главе с выдающимся учёным-татароведом, профессором Н. И. Воробьёвым ознаменовал собой новый этап в истории изучения культуры и быта татар. Глубокий интерес учёных вызывает и предмет нашего исследования, и связанные с ним области народного искусства: ткачество<sup>4</sup>, вышивка<sup>5</sup>, украшения<sup>6</sup>, обувь<sup>7</sup> и др.

<sup>1</sup> Башири З. // Шура. — № 1—10. — Казань, 1910.

<sup>2</sup> Акчурина М. // Шура. — № 20. — Казань, 1910.

<sup>3</sup> Ибрагимов Г. «Яшь йөрәкләр», 1912 («Молодые сердца» на русском языке, 1980).

<sup>4</sup> Воробьёв Н. И. Ткачество глазовских татар // ИОАИЭ. — Казань, 1929.

<sup>5</sup> Воробьёв Н. И. Татарская народная вышивка. — Казань, 1931; Адольф Е. Э. Вышивка казанских татар // Материалы Центрального музея ТАССР. — № 1. — Казань, 1927. — С. 5—10.

<sup>6</sup> Адлер Б. Ф. Коллекция Сиклера // Казанский музейный вестник. — № 2. — Казань, 1922; Дульский П. М. Искусство казанских татар. — М., 1925; Материалы по татарскому орнаменту // Труды КИИИС. — Вып. IV. — Казань, 1936; Поздеева Л. М. Старинное шейно-нагрудное украшение казанских татарок // Материалы Центрального музея ТАССР. — Вып. 2. — Казань, 1930.

<sup>7</sup> Залкинд Г. М. Кустарная промышленность

Несомненно, значительным шагом вперёд в деле изучения народной одежды татар явились труды Н. И. Воробьёва по материальной культуре казанских татар<sup>8</sup>, а также коллективный труд ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН СССР «Татары Среднего Поволжья и Приуралья»<sup>9</sup>. В этих работах одежде и украшениям посвящены специальные разделы. На новом фактическом материале Н. И. Воробьёв не просто описывает предметы костюма, он старается преподнести их в динамике и тем самым поставить вопрос о генезисе культуры татарского народа. Впервые учёный пытается проследить эволюцию формы отдельных элементов костюма, наметить их истоки и аналоги им у других народов. Но эта работа была затруднена в силу недостаточной изученности татарской народной одежды с точки зрения её этнолокальных и региональных особенностей.

Из работ второй половины XX столетия, особенно значимой для исследуемой темы является монография Р. Г. Мухамедовой<sup>10</sup>, где уделяется внимание выделению локальных комплексов одежды татар Окско-Сурского междуречья. В монографии содержится множество уникальных сведений, способствующих воспроизведению ранних донациональных форм костюма, уделяется большое внимание выявлению этноспецифических и общенациональных моментов в традиционной одежде татар-мишарей. В 2008 г. доработанный и прекрасно иллюстрированный вариант этой книги был опубликован в издательстве «Магариф».

Несомненную ценность представляют собой монографии Ю. Г. Мухаметшина<sup>11</sup> по материальной культуре татар-кряшен и

Татарстана. История и процесс производства обуви и головных уборов. — Казань, 1931.

<sup>8</sup> Воробьёв Н. И. Материальная культура казанских татар. — Казань, 1930; Казанские татары. — Казань, 1953.

<sup>9</sup> Татары Среднего Поволжья и Приуралья. — М.: Наука, 1967.

<sup>10</sup> Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. — М.: Наука, 1972.

<sup>11</sup> Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры. — М.: Наука, 1977.

Ф. Л. Шарифуллиной<sup>1</sup> по традиционной культуре касимовских татар. В этих работах главы, посвящённые традиционной одежде и украшениям, отличаются системно выстроенной фактологической базой.

Интересна серия популярных изданий – Ф. Ф. Гуловой<sup>2</sup>, Л. Л. Сперанской<sup>3</sup>, Г. Ф. Сулеймановой-Валеевой и Р. Г. Шагеевой<sup>4</sup>, С. В. Суловой<sup>5</sup> и в особенности научные труды Ф. Х. Валеева<sup>6</sup>, в которых народный костюм и отдельные его составляющие (ткачество, вышивка, украшения, кожаная мозаика) рассматриваются в искусствоведческих аспектах.

Этнографические исследования этого периода, специально посвящённые одежде и украшениям татар Поволжья и Приуралья, как правило, связаны единством методики исследования, разработанной авторами тома «Одежда» Историко-этнографического атласа татарского народа. Это монографии и статьи автора<sup>7</sup>, посвящённые различным этнотер-

риториальным группам татарского народа. Особое внимание в них уделялось типологии одежды, головных уборов, украшений, обуви, приёмам их декоративного оформления и территориальному распространению выделенных типов.

С 2000-х гг. после завершения работы над Атласом исследование народного костюма осуществлялось в рамках исторической этнологии. Большое количество научных публикаций было посвящено проблемам настоящего исследования – кросс-культурному (синхронному и диахронному) сравнительно-историческому анализу как отдельных традиционных типов одежды, головных уборов, украшений татар, так и генезису их этнотерриториальных костюмных комплексов<sup>8</sup>.

---

тюркско-казахских татар (по материалам музейных коллекций) // Астраханские татары. — Казань, 1992; Традиционная одежда молькеевских крышен // Молькеевские крышени. — Казань, 1993; Традиционная одежда нагайбаков (компонентный историко-этнографический анализ) // Нагайбаки. — Казань, 1995.

<sup>8</sup> Сулова С. В. Западносибирские «сараяцы» как историко-этнографический источник // Сибирские татары. — Казань, 2002. — С. 114–126; Самодийско-угорские сюжеты в народной одежде зауральских татар и башкир // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск; Омск, 2001. — С. 164–165; Сибирско-татарская коллекция ювелирных украшений Тобольского музея как историко-этнографический источник // Татарская археология. Казанское и другие татарские ханства: археология, эпиграфика, искусство. — № 1–2 (10–11). — Казань: Институт истории АНТ, 2004. — С. 210–229; О тюрко-татарских традициях в народной русской культуре // Алтаистика жэне түркология. — № 4(8). — Астана: Turkakadem, 2012. С. 115–127; О подходах и методах изучения этнокультурных взаимосвязей в Евразии (татарский народный костюм) // Интеграция культуры Казахстана в мировое культурное пространство: динамика и векторы. — Алматы, 2013. — С. 196–200; Вопросы формирования традиционных костюмных комплексов татар Приуральяского региона. Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения. — Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. — С. 141–143; Особенности формирования татарской одежды Урало-Сибирского пограничья (по материалам этнографических экспедиций 80-х гг. XX в.) // Этнологические исследования в Татарстане — Вып. VII. — Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. — С. 58–75; Из истории костюма тюркских народов Евразии. Этнокультурные параллели в традиционной одежде вол-

<sup>1</sup> Шарифуллина Ф. Л. Касимовские татары. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1991.

<sup>2</sup> Гулова Ф. Ф. Татарская народная вышивка. — Казань, 1980; Татарская национальная обувь. — Казань, 1983.

<sup>3</sup> Сперанская Л. Л. Костюм казанских татар. Альбом / пред. Р. Г. Мухамедовой. — Казань, 1972.

<sup>4</sup> Сулейманова-Валеева Г. Ф., Шагеева Р. Г. Декоративно-прикладное искусство казанских татар. — М.: Советский художник, 1990.

<sup>5</sup> Сулова С. В. Татарские ювелирные украшения. — Казань, 1980.

<sup>6</sup> Валеев Ф. Х. Орнамент казанских татар. — Казань, 1969; Народное декоративное искусство Татарстана. — Казань, 1984.

<sup>7</sup> Сулова С. В. Женские украшения казанских татар середины XIX — начала XX в. Историко-этнографическое исследование. — М.: Наука, 1980; Традиционная одежда пермских татар // Пермские татары. — Казань, 1983; Женские нагрудники татар Поволжья и Приуралья как исторический источник // Из этнической истории татарского народа. — Казань, 1985; Традиционная одежда приуральских татар середины XIX — начала XX в.: к проблеме этнокультурного районирования татарского этноса в Приуральском регионе // Приуральские татары. — Казань, 1990; Опыт этнокультурного районирования татар средневожского региона (по материалам женских украшений Историко-этнографического атласа татарского народа) // Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья. — Казань, 1991; Кос-

По материалам Атласа с целью оказания практической помощи современным коллективам художественной самодеятельности, художникам, костюмерам в подборе и изготовлении татарской одежды опубликованы книги известного татарского этнографа Р. Г. Мухамедовой<sup>1</sup>. В 2004 г. увидел свет красочный альбом искусствоведа Л. И. Саттаровой, посвящённый казанской узорной коже, где впервые описан полный технологический процесс работы<sup>2</sup>.

В качестве значимого источника в монографии используются типологические и картогра-

го-уральских и крымских татар // Крымское историческое обозрение. — № 1. — Казань; Бахчисарай: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. — С. 318—333; Ногайский след в традиционной культуре волго-уральских татар: народный костюм // Традиционная культура тюркских народов в изменяющемся мире. — Казань, 2017. — С. 424—427.

<sup>1</sup> Мухамедова Р. Г. Татарская народная одежда. — Казань, 1997; Традиционная одежда кряшен. — Казань, 2004.

<sup>2</sup> Саттарова Л. И. Казанская узорная кожа. Культура и традиции. — М., 2004.



Русские берут в плен женщин и детей.  
Копия рисунка из Царственной книги (Лицевой летописный свод). Худ. А. А. Мазанов

фические материалы историко-этнографических атласов других народов России<sup>3</sup>, а также этнографические, снабжённые, как правило, синхронными этнокультурными картами, фундаментальные академические исследования. В Волго-Уральском регионе это работы С. Н. Шитовой<sup>4</sup> по народной одежде башкир, В. Н. Белицер по народной одежде мордвы и удмуртов<sup>5</sup>, Т. Л. Молотовой<sup>6</sup>, I. Lehtinen<sup>7</sup> — марийцев, Н. И. Воробьёва<sup>8</sup>, Е. А. Ягафовой<sup>9</sup>, — чувашей. В Сибирском регионе большой интерес представляют исследования Н. А. Томилова<sup>10</sup>, Е. Ю. Смирновой<sup>11</sup>, Е. А. Михайловой<sup>12</sup> в Кавказском регионе — многочисленные работы С. Ш. Гаджиевой<sup>13</sup>, Е. Н. Сту-

<sup>3</sup> Историко-этнографический атлас Сибири. — М.; Л., 1961; Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX — начало XX века). — М., 1967; Булатова А. Г., Гаджиева С. Ш., Сергеева Г. А. Одежда народов Дагестана. Историко-этнографический атлас. — Пушкино, 2001.

<sup>4</sup> Шитова С. Н. Народная одежда башкир // Археология и этнография Башкирии. — Т. III. — Уфа, 1968; Башкирская народная одежда. — Уфа: Китап, 1995.

<sup>5</sup> Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. — ТИЭ. Новая серия. — Т. 101. — М.: Наука, 1973; Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу. — М.: Наука, 1951.

<sup>6</sup> Молотова Т. Л. Марийский народный костюм. — Йошкар-Ола, 1992.

<sup>7</sup> Lehtinen I. Naisten korut. Keske-Venäjällä ja Lansi-Siperiassa. Women's jewellery in Central Russia and Western Siberia. Museovirasto. 46 — Helsinki, 1979; Tscheremissischer Schmuck. Ethnographische Untersuchung. Suomalais — Ugrilainen Seura. Museovirasto. — Helsinki, 1994; Marien Mekot. Volgansuomalaisen kansanpukujen muutoksista. — Helsinki, 1999.

<sup>8</sup> Воробьёв Н. И. и др. Чуваша. Этнографическое исследование. — Ч. 1. — Чебоксары, 1956.

<sup>9</sup> Ягафова Е. А. Самарские чуваша. Историко-этнографические очерки. Конец XVII — начало XX в. — Самара, 1998.

<sup>10</sup> Томилов Н. А. К истории головных уборов сибирских татар // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978.

<sup>11</sup> Смирнова Е. Ю. Одежда татар Среднего Прииртышья: этнокультурные связи и контакты. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004.

<sup>12</sup> Михайлова Е. А. Съёмные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. — СПб.: МАЭ РАН, 2005. — С. 12—120.

<sup>13</sup> Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана. XIX — начало XX в. — М.: Наука, 1981; Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. — М.: Наука, 1976.



Мишерячки. Гравюра из книги Палласа «Путешествие по разным провинциям российского государства. 1794 г.

денецкой<sup>1</sup>; в Средне-Азиатском — исследования И. В. Захаровой, Р. Д. Ходжаевой<sup>2</sup>, О. А. Сухаревой<sup>3</sup>, Н. П. Лобачевой<sup>4</sup>, Г. П. Васильевой<sup>5</sup>, Л. А. Чвырь<sup>6</sup>; в Центрально-Азиатском — работы Л. Л. Викторовой<sup>7</sup>, М. Boyer<sup>8</sup>. Особый интерес по народному костюму крымских татар представ-

ляет собой книга Л. И. Рославцевой<sup>9</sup>, по декоративно-прикладному искусству — монография Н. М. Акчуриной-Муфтиевой<sup>10</sup>.

#### 4. Изобразительные материалы

Наряду с литературными данными в исследовании привлечены многочисленные изобразительные материалы, научная ценность которых при использовании в комплексе с другими источниками чрезвычайно велика. В период с 1971 по 2003 г. фонды отдела этнографии пополнились тысячами фотографий, снятых автором и другими исследователями, и множеством рисунков, сделанных этнохудожником А. А. Мазановым во время наших этнографических экспедиций, а также в библиотеках, музеях и архивах Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Уфы и многих других городов России.

Кроме иллюстраций, сопровождающих ранние письменные источники (летописи,

<sup>1</sup> Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX вв. — М.: Наука, 1989.

<sup>2</sup> Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда. — Алма-Ата, 1964.

<sup>3</sup> Сухарева О. А. Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской женской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. — М., 1979.

<sup>4</sup> Лобачёва Н. П. Из истории каракалпакского костюма. К проблемам Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана // СЭ. — № 4, 1984; О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. — М.: Наука, 1989; Особенности костюма народов Среднеазиатско-Казахстанского региона // Среднеазиатский этнографический сборник. — Вып. IV. — М., 2001.

<sup>5</sup> Васильева Г. П. Головные и накосные украшения туркменок XIX — первой половины XX в. // Костюм народов Средней Азии. — М., 1979; Этно-территориальные комплексы туркменских женских и девичьих украшений // Среднеазиатский этнографический сборник. — Вып. IV. — М., 2001.

<sup>6</sup> Чвырь Л. А. Таджикские ювелирные украшения. К проблеме историко-культурного районирования. — М.: Наука, 1977.

<sup>7</sup> Викторова Л. Л. Монгольская одежда // Одежда народов зарубежной Азии. — МАЭ. — Т. XXXII. — Л., 1977; Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. — М.: Наука, 1980.

<sup>8</sup> Boyer M. Mongol jewellery. By Martha Boyer. — Kobenhavn, 1952.

<sup>9</sup> Рославцева Л. И. Одежда крымских татар конца XVIII — начала XX в. Историко-этнографическое исследование. — М., 2000.

<sup>10</sup> Акчурина-Муфтиева Н. М. Декоративно-прикладное искусство крымских татар XV — первой половины XX в. (этапы развития, типология, стилистика, художественные особенности). — Симферополь, 2008.

записки путешественников), несомненный интерес представляют собой и ранние материалы в виде отдельных рисунков, гравюр, художественных полотен, особенно выполненные художниками с натуры. Так, образцы одежды середины XVIII в. запечатлены на гравюре И. Б. Лепренса<sup>1</sup> с изображением татарина и

<sup>1</sup> ГИМ. Гр. И. Б. Лепренса. Отд. ИЗО. Я. 25; № 48.

молодой татарки в высоких конусообразных головных уборах, на рисунке молодой татарки художника В. Худякова<sup>2</sup>, на гравюре Заунера «Татарин около пчелиного улья»<sup>3</sup>. Интересен выполненный маслом «Семейный портрет

<sup>2</sup> ГРМ. Гр. 5812 В. Худякова. Альбом. Художественный автограф.

<sup>3</sup> ГИМ. Гр. Заунера. «Татарин у пчелиного улья». Отд. ИЗО. Я. 25; № 184.



Мишарка. XVIII в.  
Копия с книги И. Г. Георги



Татарин в своём туземном вооружении.  
Копия гравюры из книги С. Герберштейна.  
Худ. А. А. Мазанов



Казанская татарка  
спереди и сзади.  
Копия рисунка  
из книги И. Г. Георги.  
Худ. А. А. Мазанов



Казанские татары. Копия гравюры И. Б. Лепренса. ГИМ



Царица Сююмбике с сыном. Неизвестный художник. XVII в.



**Женщина казанских татар.**  
Копия с картины А. Е. Мартынова. 1808 г.  
Худ. Д. Н. Залялетдинов



Татарин у пчелиного улья.  
Копия гравюры И. Заунера.  
ГИМ. Худ. Д. Н. Залялетдинов



Татарская девочка.  
1884 г. Акварель А. Рейнхольма



Молодая горожанка. Сер. XIX в.  
Фотокопия с картины К. Ф. Гуна



Татарский наряд. Сер. XIX в. Худ. К. Ф. Гуна

царицы Сююмбике» из собраний НМ РТ<sup>1</sup>. Несомненную историческую ценность представляют собой рисунки и гравюры, сделанные по рисункам академика исторической живописи Е. М. Корнеева с изображением одежды казанских татар конца XVIII – начала XIX в.<sup>2</sup>, а также три неопубликованные гравюры художника А. Е. Мартынова, оригиналы которых хранятся в Государственном Русском музее в г. Санкт-Петербурге<sup>3</sup>. При просмотре

гравюр А. Е. Мартынова обращает на себя внимание головной убор на девицах-татарках. Он представляет собой высокий красный конус с шариком на верху и позументной отделкой, нижняя часть убора унизана четырьмя рядами позолоченных монет. Именно такие уборы, по сообщению К. Ф. Фукса<sup>4</sup>, встречались у татарок до середины XIX в.

Особое место среди изобразительных материалов середины XIX в. занимают рисунки и акварели известного латышского художника К. Ф. Гуна<sup>5</sup>. Из общего количества

<sup>1</sup> НМ РТ «Семейный портрет царицы Сююмбике» (инв. 944/1305).

<sup>2</sup> Корнеев Е. М. Народы, обитающие в Российской империи. — СПб., 1800.

<sup>3</sup> ГРМ. Отд. Гравюр (инв. 27061, 27062, 27064).

<sup>4</sup> Фукс К. Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении... С. 18.

<sup>5</sup> Эллит А. Карл Фёдорович Гун. — Рига, 1955.



Казанские татары в традиционных костюмах.  
Сер. XIX в. Фото из книги А. Ф. Риттиха

этнографических рисунков (128), хранящихся в Государственном Русском музее, 56 относится к татарам. Они выполнены в 1862–1863 гг. во время пребывания художника в г. Елабуге. Небольшие, почти миниатюрные по размеру рисунки и акварели Гуна выполнены с исключительной документальной точностью. Так, зафиксированные им сельские комплексы одежды мусульманок и кряшенок Вятской губернии, комплексы девичьей одежды городских татарок дают чёткое представление о форме, покрое и способах ношения традиционных элементов костюма.

Несомненный интерес представляют собой тщательно прорисованные акварели «Татарин

из Параньги» и «Татарская девочка из деревни Бирского уезда» Агатона Рейнхольма, сделанные художником во время известной финской экспедиции к татарам в 1884 г. Серия акварелей этого художника впервые экспонировалась в Казани в 2005 г. в рамках выставки «Казань в истории финских экспедиций», организованной Институтом России и Восточной Европы (Хельсинки).

Анализ источников (полевых, музейных, письменных и изобразительных), имеющаяся по теме научная литература говорят о представительном, научно-полноценном материале по народному костюму татар, позволяющем в целом решить поставленные в исследовании задачи.



Городские астраханские татары в традиционных костюмах.  
XIX в. Фото. АКМ



Мишари Пензенской губ. 1862 г. Фото Н. Орлова



Казанские татары. Худ. К. Ф. Гун. 1862 г.



**Казанская татарка.**  
Сер. XIX в. Худ. В. И. Штернберг



**Татарские дети на дореволюционной открытке.**  
Худ. Е. М. Бём



**Молодая татарка. XVIII в.**  
Копия гравюры А. Мартынова.  
Худ. А. А. Мазанов



**Казанские татарки.**  
Д. Бердибяковы Челны Лаишевского уезда  
Казанской губ. Худ. К.Ф. Гун. 1862 г.



Семья татар.  
Сер. XIX в. Фото А. Карелина



Казанская татарка  
на дореволюционной открытке



Татарская городская семья в традиционных одеждах.  
Фото сер. XIX в.



ГЛАВА II

ТАТАРСКИЙ КОСТЮМ  
КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС

### 1. Костюм в системе народного декоративно-прикладного искусства

Татарский костюм сложился как особая система народного декоративно-прикладного творчества, своеобразный синтез оседло-земледельческой и степной кочевнической культуры. В наиболее развитых видах народного декоративно-прикладного творчества, связанных с воспроизводством костюма: кожаная мозаика, золотное шитьё, тамбурная вышивка, ювелирное искусство, закладное ткачество, чётко просматриваются традиции древней тюрко-татарской городской культуры. Особая роль в этом принадлежит Казанскому ханству — государству с высокоразвитыми ремесленными традициями, истоки которых связаны с городскими ремёслами Волжской Булгарии и Золотой Орды (Улуса Джучи).

Со времён Волжской Булгарии народное искусство находилось под воздействием художественных традиций и эстетических канонов тюрко-исламских цивилизаций Востока и это ярко отразилось на технико-технологических приёмах изготовления, на функциональном назначении предметов костюма и на специфике тюрко-исламской орнаментики. Благодаря тесным торговым связям со Средней Азией, а через неё с Персией, Китаем и Индией в обиход татар рано вошли бархат, атлас, цветные шерстяные и шёлковые ткани (*адрэс, бикасаб, бинарес* и др.). Одновременно с тканями поступали и восточные камни: бирюза, аметист, сердолик и т. д. Тонкое сукно ввозилось из европейских стран. Широко использовались русские товары — парча, кожа-юфть и др.

Естественно, основными потребителями шёлка, парчи и других дорогостоящих тканей, мехов и украшений была татарская, особенно городская знать. Одежда из богатой и тяжёлой шёлковой ткани (рубахи, камзолы, джиляны, женские покрывала), а также массивные женские украшения из серебра и золота хорошо сочетались. Подобный монументальный стиль в одежде придавал знати признаки величия и власти. Это хорошо

отражает иллюстративный материал первой половины XIX в.

Привозные ткани, особенно хлопчато-бумажные и полушёлковые, фурнитура и декоративные детали для оформления костюма издавна пользовались спросом и среди сельского населения. Они использовались в комплексе праздничного костюма основной массы татарских крестьян. Повседневная же одежда изготавливалась из материалов собственного производства.

Наиболее распространённой отраслью домашней промышленности, связанной с изготовлением одежды, было ткачество. Ткани со сложными полихромными узорами выполнялись особыми и редкими мастерами. Татарскими ткачихами был освоен практически весь известный арсенал техники домашнего ткачества. Орнамент в декоративных тканях создавался главным образом в закладной, браной (выборной, настильной) и реже — многоремизной техниках.

Старинной традиционной для татар и тюркского мира в целом является закладная техника ткачества. Формы и мотивы закладных узоров обнаруживают много общего с орнаментом тканых изделий узбеков, каракалпаков, казахов, киргизов, и особенно азербайджанцев и башкир. Старинные заклады отличаются особой монументальностью. Крупные геометрические узоры на матово-красном фоне в большинстве случаев располагаются на концах полотнищ тремя бордюрными полосами: основной широкой в центре и двумя-четырьмя узкими по сторонам. Полихромными закладными узорами орнаментировались женские тастары — головные уборы мишарей, касимовских татар. Наиболее трудоёмкая в исполнении закладная техника к концу XIX в. практически вышла из употребления, уступив место браной технике — самой распространённой форме узорного ткачества большинства народов Восточной Европы. Орнамент браных (выборных) полотнищ, используемых для пошива одежды, как правило, включает сложные, поражающие необыкновенной

ажурностью геометрические формы. Браное ткачество у татар появилось в XVI в. и связано, как полагают исследователи, с расселением в крае русских<sup>1</sup>.

Для одежды в основном использовались ткани простого переплетения. Из белых шелковистых волокон льна изготавливали ткани для праздничного и обрядового костюма. Грубые ткани из пряжи пеньки шли на пошив повседневной и рабочей одежды. Для пошива одежды использовалась однотонная ткань (белая, крашенная *буяк*) и пестрядь *алача*. Произведённая в домашних условиях пряжа до появления в середине XIX в. ярких анилиновых красителей окрашивалась обычно растительными красителями, что придавало узорным тканям особую мягкую матовую окраску. В целом способы окрашивания тканей были едиными у всех народов Поволжья, но у татар больше использовалась кора деревьев<sup>2</sup>. Применение различных видов пряжи (льняной, хлопчатобумажной, шерстяной) в одном изделии создавало возможность высокохудожественного сочетания её в одном орнаменте, позволяло разнообразить фактуру и цветовую гамму полотна.

Из однотонной материи, пожалуй, наибольшее применение при пошиве одежды получила белая некрашенная ткань. Белый цвет, как и у других тюркских этносов, чаще использовался в одежде старшего поколения. Для крашенины использовались в основном два цвета: синий и буро-красный. Эти же цвета брались главным образом и для окрашивания ниток для пестряди. В пестроткани они нередко сочетались с белым. Иногда для усиления контрастности вводились строчки жёлтого и чёрного цветов. Сочетая цвет, масштаб и повторяемость отдельных элементов узора, ткачиха создавала ткани различного назначения.

Так, для верхней одежды *чоба*, нижней поясной одежды *ыштан* пестрядь изготавливали в частую, мелкую полоску. Пестрядь в клетку чаще шла на изготовление мужских и женских рубах. Наряду с общими чертами, в колорите тканей наблюдалась приверженность отдельных территориальных групп к несколько своеобразной палитре. Например, при пошиве женских и мужских рубах казанские татары Заказанья и Предволжья, а также северо-западной Башкирии предпочитали синюю крашенину. Крашенина буро-красного цвета здесь наряду с пестротканью в полоску использовалась для пошива нижней поясной одежды. Распространения белой холщовой женской рубахи в середине XIX в. приходится в основном на районы проживания мишарей Окско-Сурского бассейна. На этой же территории одновременно с белыми рубахами у женщин бытовали и рубахи, сшитые из клетчатой пестряди.

В районах Пермского и Башкирского Приуралья, в частности, у пермских татар, фоном для клеток пестроткани часто служили оранжевый или жёлтый цвета. Традиционное цветовое решение тканых изделий у татар референтной группы допускало присутствие различных оттенков почти всех цветов, кроме чёрного. Однако на тканых узорах приуральских татар чёрный цвет присутствует. Исследователи объясняют это влиянием традиций башкирского ткачества<sup>3</sup>. В Приуралье композиция из сравнительно крупных клеток нередко дополняется мелкими многоцветными ткаными узорами — розетками, выполненными в полихромной браной технике (многоуточной, выборной). В отличие от классических (двухуточных) браных узоров, которые располагались обычно сплошными полосами, многоуточные полихромные выборные узоры располагались разбросом по всему полю тканого полотна. Само полотно для пошива одежды ткалось из льняных и хлопчатобумажных нитей

<sup>1</sup> Валиев Ф. Х. Народное декоративное искусство Татарстана. — Казань, 1984. — С. 13.

<sup>2</sup> Сафина Ф. Ш. Ткачество татар Поволжья и Урала. Конец XIX — начало XX в. Историко-этнографический атлас татарского народа. — Казань, 1996. — С. 33.

<sup>3</sup> Сафина Ф. Ш. Ткани домашнего производства. (Конец XIX — начало XX в.) // Пермские татары. — Казань, 1983. — С. 97.



**Вышивка гарусом на нижних нагрудниках *кюкрэчэ*.**  
Тамбур (свободный и ковровый шов). XIX в.  
Казанские татары. НМ РТ

**Счётная вышивка.**  
Фрагмент декора женской  
рубахи. Сер. XIX в. *Мишари*.  
НМ РТ

(основа — пестрядь), а выборные узоры обычно выполнялись фабричной шерстяной пряжей самых разных расцветок, их тонов и полутонов. Выборная техника орнаментации ткани применялась при изготовлении ткани для верхней одежды *чоба*, для обрядовой нижней одежды жениха *кияч ыштан* и для женских передников. Многокрасочные выборные узоры украшали полотенцеобразный головной убор молькеевских кряшенок. Но женские рубахи с многоцветными выборными узорами в XIX — начале XX в. всё же больше отличали районы Приуралья.

Одним из наиболее популярных и любимых традиционных художественных рукоделий татарок была вышивка. Она не требовала сложных технических приспособлений и поэтому ею могла заниматься каждая женщина. В отличие от художественного ткачества, которое было заменено фабричными тканями, вышивка гораздо дольше сохранялась в быту и выполняла свои традиционные, во многом аналогичные

художественному ткачеству функции, связанные, в частности, с декоративным оформлением народного костюма, особенно головных уборов, рубах, передников, нагрудных украшений.

Наиболее характерной и повсеместно распространённой была полихромная вышивка, особенно тамбурная. Тамбуром вышивали контур узора, им же заполняли внутреннее поле. У татар в прошлом были распространены низкий тамбур *элмэ* и высокий — *күперткэн элмэ*. Низкий тамбур выполнялся специальным тамбурным крючком сравнительно крупными стежками, обычно тонкой шёлковой нитью. Такая вышивка была плоской и напоминала изящный рисунок. Высокий тамбур выполнялся кручёными шёлковыми нитями или гарусом очень мелкими стежками, которые придавали рельефность вышивке и создавали эффект аппликации шнуром<sup>1</sup>. Непревзойдённого мас-

<sup>1</sup> Гулова Ф. Ф. Татарская народная вышивка. — Казань, 1980. — С. 10—11.

терства достигли казанские мастерицы при декоре головных уборов жемчугом, бисером, вышивкой синелью и оригинальной ушковой техникой аппликации. Для мишарей весьма характерной была счётная вышивка, «вышивка по выдергу» или цветная перевить. Она выполнялась тонкими шерстяными нитями по разреженному холсту обычной иглой на пяльцах. Более тонкой нитью обвивались образовавшиеся после разрежения ткани нити основы и утка. Цветная перевить использовалась при орнаментации концов головного убора *тастар*. Появление у мишарей этой техники и характерных зооморфных и антропоморфных мотивов, вероятно, связано с влиянием традиций русского населения, особенно, верховьев р. Оки<sup>1</sup>. Была распространена и вышивка гладью. Шёлковой полихромной гладью пользовались при заполнении внутреннего поля узоров. Контуры же самих узоров, как правило, выполняли тамбурным швом. Гладью украшались головные уборы, передники, нагрудные и накосные украшения. Достаточно распространённой у мишарей и кряшен была и вышивка в технике «крест». Кряшены вышивали «крестом» головные уборы *сүрәкә*, свадебные мужские рубахи. Известно, что ещё в начале XIX в. темниковско-азеевские мишари вышивали «крестом» традиционные белые домотканые рубахи<sup>2</sup>.

Золотное шитьё – древний, глубоко традиционный вид татарского народного творчества. Шитые серебром и золотом декоративные детали костюма являются наиболее выразительной и изящной составляющей их художественного оформления. В мужских и особенно женских ансамблях костюма чаще всего расшивались головные уборы. Это шитые золотными узорами волосники – *салауш*, нагрудники, перевязи мишарок, головные уборы кряшенок – *сүрәкә*, знаменитые казанско-

татарские калфаки с характерным для них золотым орнаментом в виде цветочного букета, золотого пера и «птичек счастья». Золотной вышивкой украшались и другие детали костюма – воротники, обувь, аксессуары. По изяществу и блеску исполнения они сравнимы с ювелирными украшениями татарских мастеров. В региональных ансамблях татарского костюма эти виды декора удивительно гармонично сочетались друг с другом.

Непосредственно связанным с обликом традиционного костюма является и производство узорной обуви с использованием уникальной техники – кожаной мозаики. Однотонные и орнаментированные ичиги (вышивка, аппликация) издревле были характерными для большинства восточных тюрко-монгольских этносов. Масса свидетельств этому приведено в специальном исследовании<sup>3</sup>. Однако «казанские» сапожки были особыми. Они изготовлялись из высококачественного цветного сафьяна, вырезанного фрагментами в виде затейливого растительного орнамента. В местах соединения разноцветные частички кожи сшивались шёлковыми, иногда и золотными нитями особым вышивальным швом «втачку»<sup>4</sup>. Мозаичная обувь составляет специфику именно татарской обуви.

Художественную завершённость и национальный колорит татарскому, особенно городскому костюму, придавали ювелирные женские украшения. Многие татарские украшения были совершенно оригинальными и не встречались у других народов региона, за исключением этнически родственных башкир. Это, к примеру, сканные миндалевидные серьги – *сырга*, нагрудное украшение *яка чылбыры*, ювелирный вариант нагрудной перевязи *хәситә*. При изготовлении украшений особенно часто применялись чеканка, литье, гравировка. В виде мотива гравировки нередко выступали связанные с восточными традициями благожелательные

<sup>1</sup> Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. — Казань, 2008. — С. 275.

<sup>2</sup> Суслова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала... С. 98.

<sup>3</sup> Саттарова Л. И. Казанская узорная обувь. Культура и традиции. — Тверь, 2004. — С. 10–19.

<sup>4</sup> Гулова Ф. Ф. Татарская национальная обувь (искусство кожаной мозаики). — Казань, 1983. — С. 22–25.



Шитьё бисером на детском головном уборе.  
XIX в. НМ РТ



Орнаментированные  
концы гастаров.  
Вышивка синелью.  
Петельный ковровый шов.  
Сер. XIX в. Касимовские  
татары. РЭМ



Фрагмент аппликации на девичьем калфаке.  
Ушковая техника. Бисер. Сер. XIX в. Казанские татары. НМ РТ





Фрагмент золотого шитья на женском калпаке. XIX в. АКМ



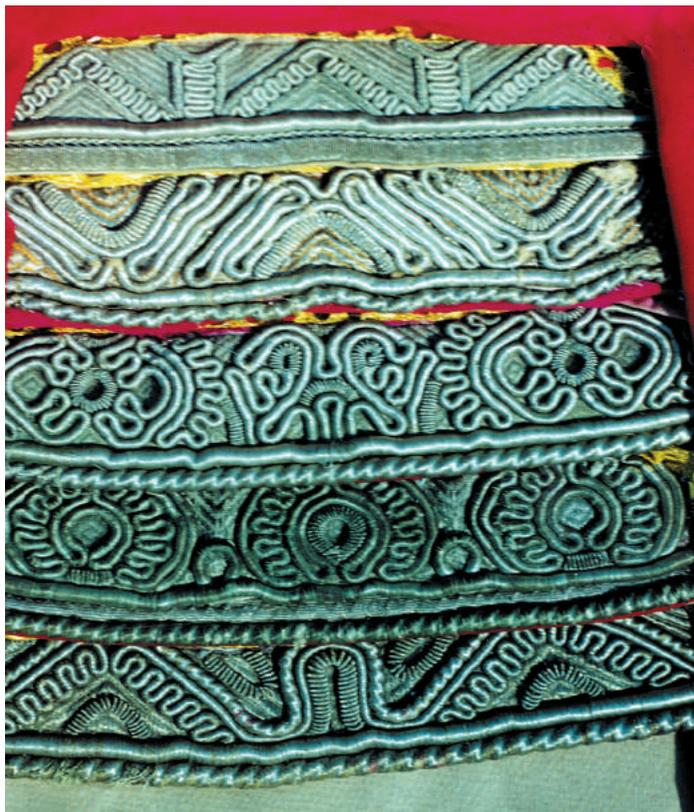
Образцы вышивки крестом на женских передниках кряшен. Сер. XIX в.  
Альметьевский р-он Татарстана. АОЭ

надписи, выполненные арабской вязью, когда текст сливался с растительным узором в единую орнаментальную композицию. Гравировка на изделиях сопровождалась чернью, реже инкрустацией из другого металла. Наиболее квалифицированные мастера владели и техникой филигрانی: ажурной, бугорчатой, накладной – самым сложным и трудоёмким видом тореvтики, известным в Казанском Поволжье с домонгольского времени. Наивысшего совершенства она достигла у татар в XVIII–XIX вв. Имела распространение и связанная с филигранью зернь: мелкие металлические шарики, напаянные на ажурный орнамент. Проблема генезиса татарской ажурной (плоской) филигрانی интересовала многих известных исследователей, которые указывали на её особый характер и связывали

с различными художественными традициями (византийскими, среднеазиатскими, славяно-русскими, болгарскими, золотоордынскими). Особого внимания заслуживают работы М. Г. Крамаровского. Исследователь считает очевидной идею «генетической преемственности казанской скани как одной из ветвей джучидской художественной школы, поскольку обе они развивались в рамках одного типа филигрانی – спирального»<sup>1</sup>.

Высшим достижением татарских ювелиров была т. н. бугорчатая филигрань – *күперткән жепкыр*. Её можно считать этноспецифическим элементом национальной культуры, поскольку

<sup>1</sup> Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки / авт.: Елихина Ю. И., Крамаровский М. Г., Полякова Г. Ф. – СПб., 2000. – С. 272–278.



Золотной орнамент  
на начельшах *сърэка*.  
Сер. XX в. Кряшны. АОЭ

она не известна сопредельным народам региона, с которыми татары находились в постоянных контактах<sup>1</sup>. Технология бугорчатой филигрании сходна с изготовлением ажурной. Принципиальная разница заключается в том, что её орнамент строился из плотных завитков вальцованной проволоки в форме конуса, возвышающегося выше каркаса. Бугорчатой филигранью выполнялись ювелирные украшения для женщин высшего сословия. Заметим, что бугорчатая филигрань на металлической основе, начиная с XII в., представлена в русской культовой традиции, а бугорчатая филигрань без основы, весьма схожая с казанско-татарской, известна в светской традиции западно-европейских стран (Италии, Франции)<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. — М. : Наука, 1973. — 283 с.

<sup>2</sup> Доница Л. Н., Сулова С. В. Технично-технологические особенности казанско-татарской фи-

Накладная филигрань, в отличие от ажурной и бугорчатой, получившая наибольшее развитие у ювелиров Востока, для татарской ювелирной традиции была малохарактерна, на что указывали и другие исследователи<sup>3</sup>. Однако по бытованию она достаточно широко представлена в комплексе украшений татарской знати (обычно это коранницы), особенно в ранние периоды национальной истории.

Из драгоценных и полудрагоценных камней часто использовались топазы, аквамарины аметист, яшма, сердолик и бирюза, которые располагались на поверхности изделия обычно в виде розеток.

лигрании: ретроспективный этно-археологический анализ // Поволжская археология. — № 4 (22), 2017. — С. 222—236.

<sup>3</sup> Валеева-Сулейманова Г. Ф. Татарская филигрань: в контексте генезиса и развития ювелирного искусства // Из истории татарского народного искусства. — Казань, 1995. — С. 68.



**Фрагмент кожаной мозаики.**  
Авторская разработка Н. Х. Кумысниковой.  
Нач. XXI в.

**Фрагмент кожаной мозаики на женском сапожке.**  
Сер. XIX в. Казанские татары. АОЭ



Фрагмент нашивной бляхи.  
Чеканка насечкой. НМ РТ



Фрагмент нашивной бляхи.  
Бугорчатая филигрань, самоцветы. Казанские  
татары. Сер. XIX в. НМ РТ



Фрагмент нагрудного украшения *хасита*.  
Ажурная (плоская и бугорчатая) филигрань.  
Сер. XIX в. Казанские татары. НМ РТ



Костюм пожилой горожанки.  
*Казанской татары.*  
Кон. XIX – нач. XX в. НМ РТ



Костюм молодой женщины.  
*Казанские татары.*  
Казанская губерния.  
Пер. пол. XIX в. НМ РТ

## 2. Структура костюма

Татарский костюм как уникальный этнокультурный комплекс включал в себя изготовление тканей, сложных и богато орнаментированных головных уборов, производство различных видов обуви, высокохудожественных ювелирных украшений, вплоть до мелких аксес-

суаров, дополняющих ансамбль костюма. Все элементы комплекса выступали согласованно, сочетаясь друг с другом по форме, цвету, материалу изготовления, образуя единый стильовой ансамбль.

Основополагающие элементы народной одежды издавна были общими для всех групп татар, проживающих и в Татарстане, и на



Костюм знатного татарина. Сер. XIX в.  
Худ. Д. Н. Залялетдинов



Костюм знатной казанской татарки-горожанки.  
Нач.-сер. XIX в. Копия с гравюры А. Мартынова.  
Худ. Ф. Г. Солнцев



Мужской городской костюм.  
Казанские татары. Первая пол. XIX в.  
НМ РТ

обширной территории Российской Федерации. Общим признаком до национальных форм татарской одежды является монументальность. Ещё в середине XIX в. повсеместно и мужчины, и женщины носили длинные, широкие, туникообразного покроя рубахи и длинную со сплошным остовом распашную верхнюю одежду. У женщин многослойную монументальность подчёркивали массивные нагрудные, накосные и наручные украшения и сложные, как правило, сочетающиеся с большими покрывалами, головные уборы. Нижним головным убором мусульманина являлась четырёхклинная, полусферической формы тюбетейка. При выходе из дома в холодное время года мужчины поверх тюбетеек, а женщины поверх покрывал надевали полусферическую меховую или стёганую с меховым околышем шапку. Повсеместно бытовали мужские матерчатые кушаки и традиционная кожаная обувь: ичиги и башмаки с мягкой и жёсткой подошвой. Рабочей обувью на селе были лапти. Их носили с суконными или вязаными чулками белого цвета.

При наличии общих этнических черт народный костюм в каждом конкретном случае был своеобразен. Ни один элемент его даже у представителей одной группы этноса (территориальной, возрастной и др.), как правило, не повторял другой. Все они соотносились между собой как вариации культуры, без которых, как известно, не могут существовать сами народные традиции. С глубокой древности народный костюм формировался как взаимное множество местных традиций, сближавшихся и вырабатывающих общие черты в ходе своего развития в процессе этнокультурной и этноконфессиональной консолидации народа.

В середине XIX в. традиционная одежда у татар ещё преобладала. Об этом говорят музейные коллекции, литературные и архивные сведения, материалы этнографических экспедиций. Продолжали бытовать многочисленные этно-территориальные, этноконфессиональные, а внутри их возрастные, социальные и другие комплексы костюма. Большую роль в формировании этнотерриториальных ком-

плексов народной одежды, наряду с особенностями этнической истории и неравномерностью социально-экономического развития групп этноса, особенностями природных условий обитания, этнического окружения и конфессиональной принадлежности, играли территориальная разбросанность татар, обусловленная сложной историей народа в целом. Так, территориальная удалённость мишарей Окско-Сурского междуречья, касимовских, приуральских и других групп татар от татар казанских способствовала формированию у них одновременно с общеэтническими и местных особенностей костюма. Это преимущественно касалось одежды женщин, что объясняется их более замкнутым образом жизни и большей приверженностью к традиционным морально-этическим нормам.

**Одежда.** Основу мужского и женского традиционного костюма составляют рубаха *күлмәк* и штаны *ыштан*, сшитые из сравнительно лёгких тканей. Вплоть до середины XIX в. древняя туникообразная рубаха (из прямого, перегнутого поперёк полотнища, без шва на плечах, с ластовицами, с широкими вставными боковыми клиньями, с центральным грудным разрезом) была единственной и общераспространённой. У татар, особенно казанских, преобладала рубаха с воротником-стойкой. Отложной воротник чаще встречался на обрядовых свадебных рубахах мужского распространения получила рубаха с боковым грудным разрезом. В отличие от русской косоворотки, разрез делался на правой стороне груди. От туникообразных рубах соседних народов – русских, мари, удмуртов и других – татарская рубаха отличалась длиной и шириной. Она шилась очень свободной и длинной до колен, с широкими и длинными рукавами и никогда не подпоясывалась, кроме кряшен («Без креста и пояса, как татарин»). Белые домотканые рубахи украшались вышивкой, позументной или многоцветной домотканой тесьмой.

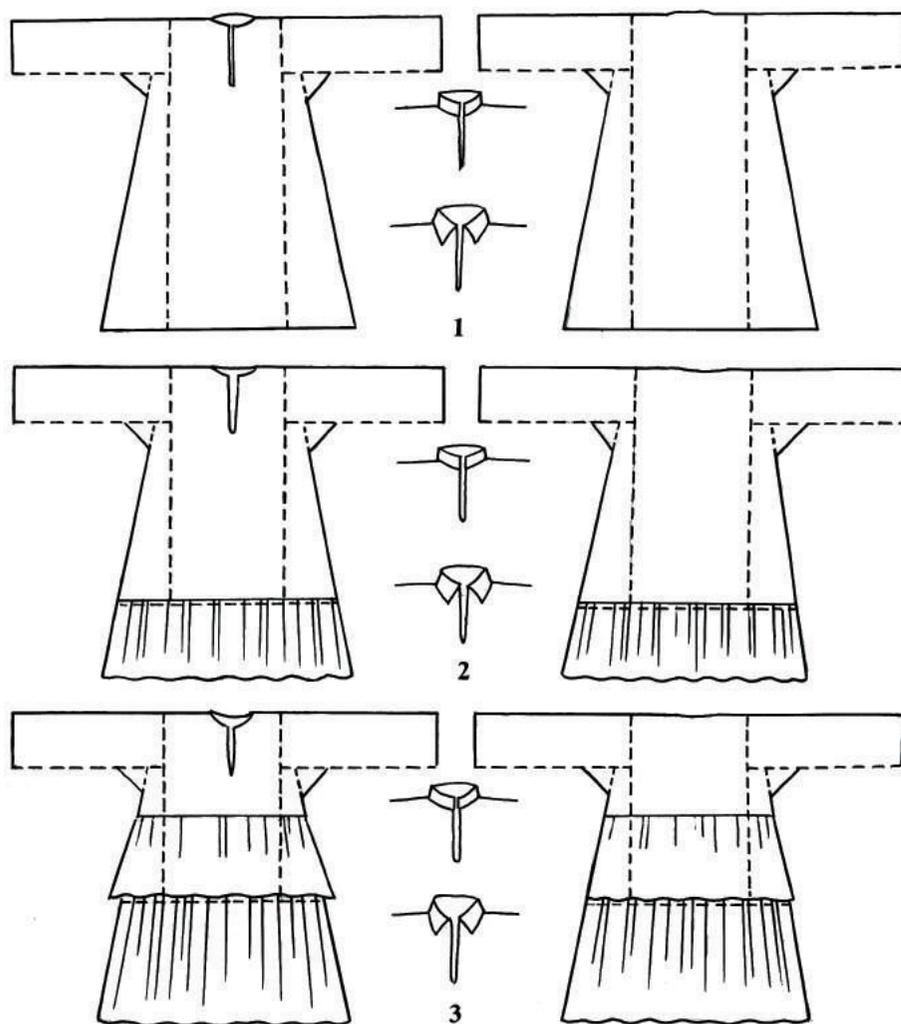
Женская туникообразная рубаха по покрою идентична мужской, что вообще характерно

для древних форм одежды. Рубахи шились длинными, почти до щиколоток. В середине XIX в. у татарок из состоятельных слоёв общества рубахи шились из дорогих покупных «китайчатых» тканей (лёгкого шёлка, шерсти, хлопчатобумажной материи и тонкой парчи). Декоративное украшение таких рубах сводилось главным образом к использованию воланов, разноцветных шёлковых и атласных лент и кружев, позументных кистей и тесьмы. Для казанских татарок и кряшенок была характерна рубаха с верхним воланом *өске итәкле күлмәк*. Для мишарок – с нижним. Красочной аппликацией – наличием ярких разноцветных матерчатых нашивок на груди, плечах, подоле – отличалась рубаха сергачских мишарей.

Неотъемлемой принадлежностью старинной женской рубахи являлся нижний нагрудник – *күкрәкчә*, *түшелдрек*. Его надевали вниз под рубаху с традиционно глубоким (без приполка) грудным разрезом с тем, чтобы скрыть распахивающуюся при движении щель на груди. Отсюда, вероятно, проистекает и необходимость украшения нагрудников (вышивка, аппликация), т. е. их декоративно-художественное значение.

Во второй половине XIX в. в обиход как мужчин, так и женщин входят рубахи современного покроя – из фабричной материи со скошенными плечами и круглыми проймами, обычно с отложным воротником. В декоративном оформлении большую популярность приобретают мелкие оборки *бала итәк*. Нередко вся поверхность подола женской рубахи украшалась горизонтальными рядами оборок. В начале XX в. рубахи такого покроя преобладали на всей территории проживания татар.

Штаны *ыштан* по покрою представляют собой широко известную поясную одежду тюркоязычных народов, получившую в этнографической литературе название «штаны с широким шагом». Мужские штаны шили обычно из полосатой ткани (пестряди), женщины предпочитали однотонные. Праздничные и свадебные жениховы штаны *кияч ыштан* шились из домо-



Варианты покроя женских туникообразных рубах середины XIX в.



Рубаха с цельным туникообразным остоном.  
Атлас с набивным орнаментом. XIX в.  
БКМ, инв. 5758



Рубаха с верхним воланом *өске итәкле кәлмәк*.  
Сер. XIX в. Казанские татары.  
Фонд Н. И. Воробьева. АОЭ



Рубаха мишарей Шадринского уезда Пермской губ.  
Апликация. Сер. XIX в. РЭМ, инв. 24955





Женщина в домотканой рубахе  
ёске итәкле қумәк. Сер. XIX в.  
Реконструкция С. В. Суловой.  
Худ. Д. Н. Зялялетдинов. ИЭКА



Девушка в рубахе ёске итәкле қумәк.  
Казанские татары. д. Кичучат  
Альметьевского р-на. Татарстан

тканины с мелкими и яркими браными узорами.

Весьма примечательной принадлежностью одежды, особенно в конце XIX – начале XX в., являлись передники *алъяпкыч*, *алчпрәк*. Узорчатые домотканые или расширенные полихромным, нередко ковровым тамбуром передники мусульманки носили поверх рубахи, а молодые кряшенки надевали их и с верхней одеждой. У мужчин неорнаментированные передники чаще бытовали в комплекте рабочей одежды. У пермских татар богато украшенные тамбуром передники составляли часть приданого невесты и использовались в качестве праздничного элемента в одежде жениха.

Верхняя одежда была исключительно распашной с рукавами или с проймами для продевания рук. В зависимости от назначения её изготавливали из фабричной (хлопчатобумажной,

шерстяной) ткани, из холста, сукна, полусукна домашней выработки, из меха (овчины, лисы и т. д.). Мужчины независимо от возраста и пола преимущественно носили двубортную с правосторонним (тюркским) запахом одежду, с цельной приталенной спинкой *чабулы киём*, с клиньями на боках ниже талии. Её обычно шили с наглухо закрытым воротом, с выкроенными плечиками. К такой одежде относятся: *камзол* – вид домашней одежды, *кәзәки* – распространённый вид демисезонной одежды, *бишмәт* – утеплённая ватой или овечьей шерстью зимняя одежда, *чабулы чикмән* – рабочая одежда из сукна домашней выработки, *чабулы тун* – меховая, нередко крытая тканью шуба. Одним из наиболее архаичных видов подобной одежды является *чоба* – лёгкая домотканая из чисто белого или в мелкую полоску льняного

или конопляного полотна у мужчин и многоцветная — у женщин. Ещё в начале XX в. она входила в число приданого невесты у татар Предкамья, Пермского и Уфимского Приуралья. Верхняя одежда с прямой спинкой *туры кием* — широкая и длинная, туникообразного покроя, как правило, не имела застёжек. Её носили свободной или подпоясанной кушаком: *жилэн*, *чапан* — мужская одежда-халат для посещения мечети, *туры чикмэн* — демисезонная рабочая и дорожная одежда, *толып*, *туры тун* — зимняя дорожная одежда. У кряшен значительное распространение, как и у русских, имела верхняя одежда с отрезной по линии талии спинкой и с борами *борчатка*. Обязательным атрибутом традиционной верхней одежды татарина является пояс *билбау*, *эзэр*. Использовались в основном матерчатые пояса: самотканые, сшитые из фабричной ткани, реже вязаные шерстяные. Среди музейных коллекций имеются широкие позументные, ковровые, бархатные,



Комплекс рабочей одежды с передником.  
Казанские татары. Нач. XX в. АОЭ



Женщина в рубахе бала итәкле құлмақ.  
Кон. XIX в. Д. Уразбахтино  
Мамадышского уезда Казанской губ.

а также из серебряных пластинок, соединённых между собой шарнирами, пояса *кәмәр* с массивными, богато украшенными серебряными пряжками.

Верхняя одежда женщин отличалась от мужской лишь некоторыми деталями декоративного плана: дополнительной отделкой мехами, позументом, вышивкой, художественной



Комплекс нижней мужской одежды.  
Кон. XIX – нач. XX в. АОЭ



Рабочая одежда татарского крестьянина.  
Кон. XIX – нач. XX в. Худ. Д. Н. Залялетдинов.



Мужская домотканая рубаша.  
Кон. XIX в. РЭМ, инв. 2433



Жениховы штаны *кляч ыштаны*. Сер. XIX в.  
Д. Малый Ашап Осинского уезда Пермской губ



Одежда священнослужителя. XIX в.  
Худ. Д. Н. Залялетдинов. АОЭ



Прямоспинный чAPAN муэдзина. Кон. XIX в.  
Д. Кугарчино Лаишевского уезда  
Казанской губ. АОЭ



Мужской тулуп. Д. Засеково Глазовского уезда  
Вятской губ. Кон. XIX в. АОЭ



Татарин из Параньги.  
Акварель А. Рейнхольма. 1884 г.



Мужские домотканые пояса. Нач. XX в.  
С. Курчеево Белебеевского уезда Уфимской губ.



Пряжка к мужскому поясу.  
Серебро, чеканка, сердолик, бирюза. XVIII в.  
Этнографический музей КФУ

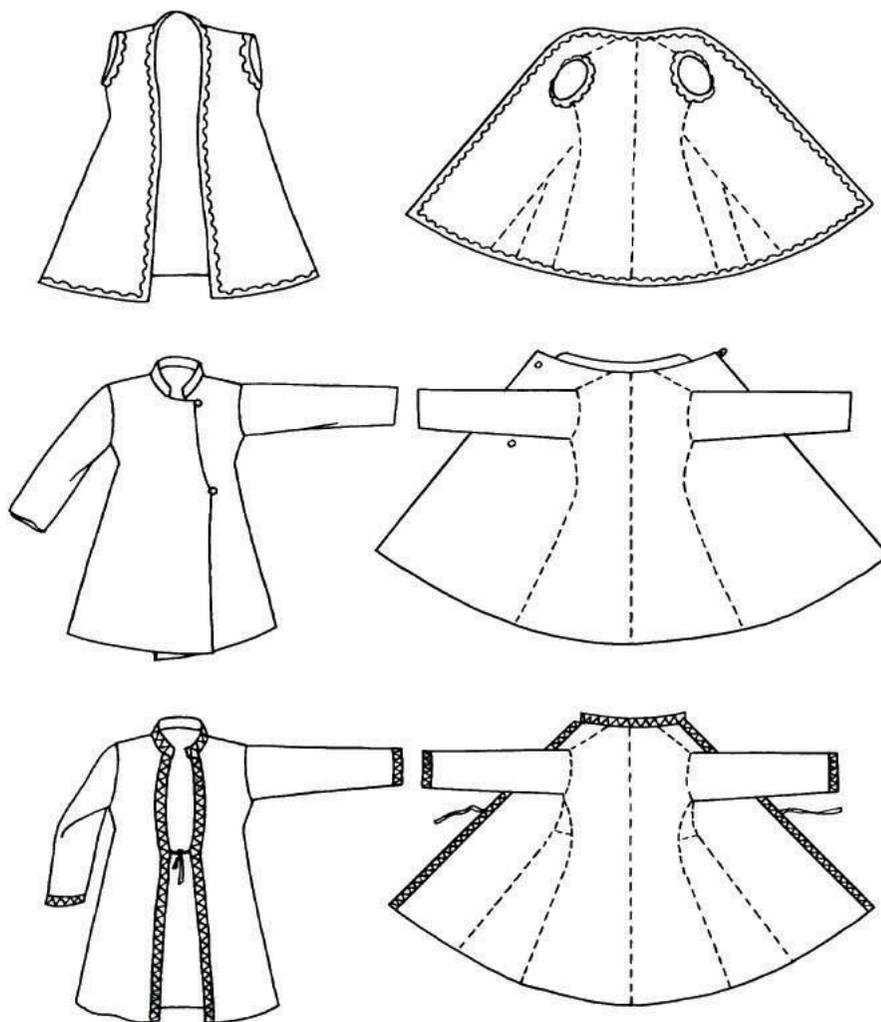
строчкой и т. д. Наиболее характерным для татарок видом лёгкой домашней и выходной одежды были камзолы, которые надевались поверх рубахи. Для придания спинке камзола большей приталенности её часто кроили из двух половинок (с вертикальным осевым швом), расширяющихся от талии к бёдрам с помощью боковых клиньев. Центральный и два боковых клина образовывали фалды *оч билле камзол* (трёхшовный). Молодые женщины шили камзолы пятишовными *биш билле*. Использование для пошива камзолов разнообразных покупных тканей, фурнитуры, сопровождающих аксессуаров способствовало восприимчивости к инновациям, образованию чрезвычайно множества вариаций. Камзолы шили длинными до колен



Татарин в верхней одежде с матерчатым поясом.  
Фото нач. XX в. АКМ

или короткими до бёдер, с короткими до локтей рукавами или без рукавов, с высокими бортами или с глубоким грудным вырезом, с запахом впереди или без запаха «встык». Края бортов, подола, проймы рукавов украшались полосками позумента, галуна, пушистыми птичьими перьями или мехом. В восточных районах региона со временем становится традиционным украшать камзолы и монетками, но не так обильно, как у башкир. Монетки пришивались на отделку камзолов (*ука* – тесьму).

**Головные уборы.** Мужские головные уборы делятся на домашние (нижние) и выходные (верхние). К нижним относится тюбетейка – *түбәтәй*, представляющая собой небольшую, надеваемую на макушку шапочку, поверх



Варианты покроя женской верхней одежды  
с цельной приталенной спинкой *чабулы кием*.

которой надевали всевозможные матерчатые и меховые шапки *бурек*, войлочные шляпы *тула эшлэпэ*, ритуальные уборы *чалма*. Наиболее ранний и широко распространённый тип тюбетейки кроился из четырёх клиньев и имел полусферическую форму. Для сохранности формы и из гигиенических соображений (способ вентиляции) тюбетейку простёгивали, закладывая между строчками скрученный конский волос или шнур. Использование при пошиве разнообразных тканей и приёмов орнаментации давало возможность ремесленникам создавать бесконечное множество их вариаций. Яркие вышитые тюбетейки предназначались молодёжи, а более скромные – старикам. Более поздний тип *кэлэпци* – с плоским верхом и твёрдым околышем – первоначально получил распространение у городских



Кряшенки в традиционной верхней одежде начала XX в. Д. Крещёные Казылы Лаишевского уезда Казанской губ.



Покрой женского бешмета. Сергачские мишари. НИАМЭ

казанских татар, вероятно, под влиянием турецко-исламских традиций *фэс*.

Верхний головной убор представляли собой круглые «татарские», конусообразной конструкции шапки, кроенные из 4 клиньев с меховым околышем *камалы бурек*, которые носили и русские, в частности в Казанской губернии. У горожан были распространены цилиндрические шапки с плоским верхом и твёрдым околышем из чёрного каракуля *кара бурек*, из серой бухарской мерлушки *данадар бурек*.

В женских головных уборах, особенно раннего периода, чётко улавливается возрастная дифференциация. Девичьи уборы имели шапкообразную *каттаджи* или калфакообраз-



Женский костюм с камзолом. Лямбирские мишари.  
Кон. XIX в. НМ РТ



Женский костюм с камзолом. Казанские татары.  
Кон. XIX в. НМ РТ



Камзол с цельной приталенной спинкой.  
Парча с крупным набивным орнаментом.  
Сер. XIX в. Казанские татары. РЭМ

ную форму. Косы располагались на спине и оставались открытыми или прикрывались специальным украшением — *чэч тәңкәсе*. Наиболее ранними из них были характерные для некоторых групп окско-сурских мишарей шапочки с открытым верхом *тайка* и шапочки с закрытым верхом — *такья*, *тупый*, встречавшиеся на северо-востоке волго-уральского региона. Ранние девичьи шапочки, в том числе и терминологически *такья*, перекликаются с традиционными

девичьими уборами других тюркоязычных народов Евразии.

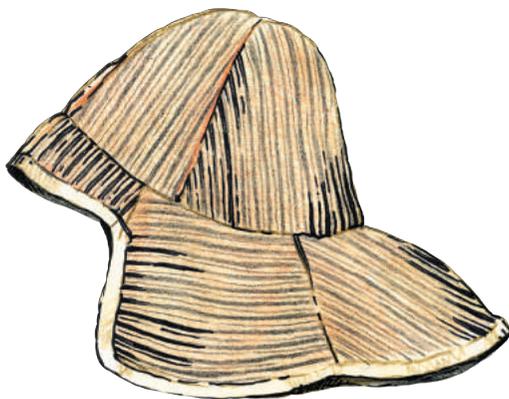
Самым распространённым девичьим убором был *калфак*. Он надевался на голову в комплекте со специальной повязкой-украшением *ука-чачак*, а конусообразный конец с кисточкой откидывался назад (или набок). Особенно широко был известен вязаный из хлопчатобумажных белых нитей *ак калфак*. Чаще он встречался у сельских девушек, особенно у кряшен. В городах (Казани, Уфе,



Головной убор касимовского татарина.  
Сер. XIX в. ИКМК, инв. 1029



Головной убор знатного мишарина.  
Бархат, золотное шитьё.  
XIX в. СМК, инв. 39110



Старинный головной убор  
татарина *калакчин*.  
Сер. XIX в. ПКМ



**Мужская тюбетейка.**  
Золотное шитьё. Кон. XIX в.  
*Пермские татары. ПКМ*



**Мужской тюбетейка.**  
Бархат. Золотное шитьё.  
Сер. XIX в. *Казанские татары. РЭМ*



Девичий калфак.  
Шёлк, бисер, ушковая аппликация.  
Казанские татары.  
XIX в. УКМ



Девочка в шапочке *такья* с накосным украшением  
*чәч тәңкәсе*. Казанские татары.  
Кон. XIX в. НМ РТ



Девичий вязаный калфак.  
Вышивка гладью. Казанские татары.  
Сер. XIX в. ОКМ

Касимове и др.) значительное распространение получили «городские» калфачки, вязанные из разноцветных шёлковых ниток, с поперечными полосами. Среди девичьих калфаков имеются совершенно уникальные бархатные и шёлковые экземпляры, богато орнаментированные вышивкой, синелью, а также аппликацией, выполненной в ушковой технике.

Традиционные головные уборы замужних женщин более разнообразны и сложны. В отличие от девичьих, они закрывали не только голову женщины, но и её шею, плечи, спину. При всём многообразии территориальных различий в формах, декоративных деталях головной убор татарки всегда включал три практически обязательные составные части. *Нижние уборы* – волосники призваны были собрать и закрыть волосы, и поэтому их формы в значительной степени связаны с причёской. Мусульманки заплетали волосы в две косы и отпускали их на спину, поэтому волосники у них чаще состояли из шапочки (или чехла) и



Девушка крещёных татар  
в матерчатом вышитом калфаке.  
Вид со спины. Д. Козяковы Челны  
Лаишевского р-на. Татарстан.  
Экспед. 1972 г.



Девичий калфак. Ситец, бар-  
хат. Аппликация. Кон. XIX в.  
Кряшены Казанской губ. НМ РТ



Девичий вязаный ак калфак.  
Нить льняная, бахрома. Казанские татары.  
Первая половина XIX в. НМ РТ



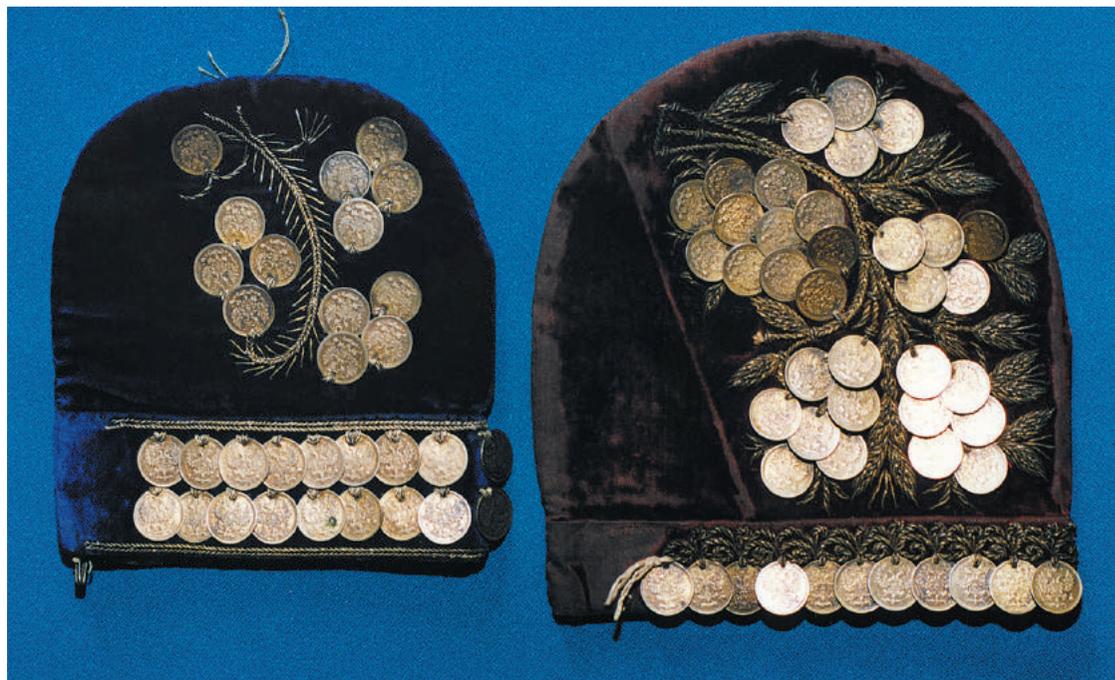
Девушка крещёных татар в ак калфак.  
Д. Альведино. Лаишевского райо-  
на. Татарстан. Худ. А. А. Мазанов.  
Экспед. 1972 г.

накосника. Кряшенки также заплетали волосы в две косы, но они их не отпускали вдоль спины, а укладывали, как русские женщины, вокруг головы под чепец. Основные уборы – покрывала особенно были характерны для пожилых женщин, у которых они отличались массой всевозможных деталей, объясняющихся как особенностями возраста, так и более ревностным отношением стариков к своим традициям. Они представляют собой самые различные по форме (полотенцеобразная, треугольная, квадратная), территориальной принадлежности и времени бытования уборы. Их терминологическое обозначение (*тастар*, *яулык*, *кыекча*, *өрпәк*) связано с различными древними культурными традициями. Термин *тастар*, например, иранского происхождения; *яулык*, *кыекча* – тюркского. Верхние уборы надевались (повязывались) поверх покрывала, прочно удерживая их на голове. Это всевозможные повязки-платки (короткие и длинные полотенца *тастмал*, *яулык*, *ак яулык*, четырёхугольные

свадебные покрывала кряшен *түгәрәк яулык*) и шапки. В национальный период в качестве верхних уборов используются матёрчатые шапки: *тупый*, *камчат бцрек*, *ука бцрек*.

Особый интерес представляют старинные (XVII – середина XIX в.) монетные шапки. Это каркасная шапочка на твёрдой основе *такыя бцрек*, которая имела вид высокого конуса, покрытого шёлковой материей, ушитого золочёнными рублевиками, кораллами и жемчугом; сверху конус оканчивался золочёным навершием. Она бытовала у казанских татар. И монетная шапочка на мягкой основе *кашпау*, характерная для мишарей Окско-Сурского междуречья и молькеевских кряшен.

Традиционные женские головные уборы – наиболее яркий и самобытный элемент, который лежит в основе выделения этно-территориальных вариантов костюма. Этноспецифическим головным убором татарок Казани и Заказанья был калфак. В отличие от девичьих, женские калфаки, как правило, имели



Женские калфаки, декорированные золочёной серебряной монетой.  
Кон. XIX в. Астраханские татары. АКМ



Девушка в costume середины XIX в.  
с калфак-чачак. Казанские татары. РЭМ



Девичий калфак-чачак. Трикотаж, синель.  
Сер. XIX в. Казанские татары. НМ РТ



Девичий калфак. Трикотаж, шёлк, ситец, аппликация.  
Сер. XIX в. Казанские татары. НМ РТ



**Женский калфак.**  
Бархат. Золотное шитьё.  
Сер. XIX в. Казанские татары. НМ РТ



**Женский калфак.**  
Бархат. Золотное шитьё.  
XIX в. Казанские татары. РЭМ



**Женщина в калфаке середины XIX в.**  
Золотное шитьё, самоцветы.  
Казанские татары. ОК РЭМ



**Пожилая казанская татарка в ерпак.**  
Сер. XIX в. РЭМ



Головной убор *кашпа* лямбирских мишарей.  
Реконструкция. АОЭ



Головное полотенце *ак юлык* в комплексе с *сырәке*.  
Кряшны. Д. Крещёные Казыли  
Лаишевского р-на. Рис. А. А. Мазанова



Кряшенка в головном уборе *сырәке*.  
АОЭ



Елабужские кряшенки  
в монетных комплексах *сырәке*. АОЭ



Способы повязывания женских таштаров.  
Мишари. Сер. XIX в. АОЭ



Головной убор камчат бирек крестьянки  
Мамадышского уезда. Казанская губ. XIX в. РЭМ



Тастар в комплексе с вязанным калфаком-  
волосником. Касимовские татары.  
XIX в. НМ РТ



Старушка в традиционном головном уборе.  
Д. Уразбахтино Мамадышского уезда.  
Казанская губ. Сер. XX в. АОЭ



Домотканые тастары.  
Мишари. Сер. XX в.  
Частная коллекция. АОЭ



Кряшенка в свадебном головном уборе  
*түгәрәк яулык*. АОЭ

твёрдый околыш (налобник). В периоды разных стилевых направлений моды они принимали самые разнообразные формы и размеры, отличались различными способами ношения (с покрывалом или без) и художественного оформления (золотное шитьё, шитьё жемчугом и бисером, вышивка синелью, инкрустация самоцветами, отделка мелкой золочёной монетой и др.). По сути своей калфак выполнял роль волосника, поэтому нередко надевался в комплексе с покрывалом. Основной головной убор пожилой казанской татарки представлял собой покрывалообразный *өрпәк* – огромная косынка с гипотенузой до 2,5 м. Изготавливали его из белого (нежно-кремового) коленкора, тюля, украшали богатой многоцветной тамбурной вышивкой. Лицевая часть убора *битлек* оформлялась позументом, несколькими монетками. Поверх *өрпәк*



Свадебное покрывало кряшен *түгәрәк яулык*.  
Вид со спины. Д. Крещёные Казыли  
Лаишевского р-на. Татарстан

надевалась традиционная для казанских татар шапка с широким меховым околышем и плоским верхом *камчат бцрек* или позументная шапочка *ука бцрек*.

Общим для всех групп мишарей окско-сурского междуречья являлось обязательное присутствие в женской одежде тастарного комплекса головного убора. *Тастар* – полотенеобразное, обычно белое головное покрывало, окаймлённое красной домотканой тесьмой, имеющее богато орнаментированные пришивные концы. У темниковско-азеевских мишарей он надевался поверх волосника-чепца с наконником-чехлом для кос *чэчкап*. Концы тастара украшались узорами тамбурной вышивки. У лямбирских мишарей тастарный комплекс включал те же составные элементы. Отличался лишь способ повязывания тастара, когда один из наиболее украшенных его концов располагали на голове, а другой – на спине. Поверх тастара надевали монетную шапочку *кашпау*. Специфика тастарного комплекса кузнецко-хвалынских мишарей заключается в особенностях его декоративно-художественного оформления: в применении высокохудожественного шитья золотом (гладь в прикреп). В технике золотошвейной глади украшались волосник-чепец *эчке чэчкап*, бархатные чехлы для волос *чэчкап*, концы тастаров. Весьма оригинальными были головные уборы сергачских мишарок. Молодые женщины надевали волосник *башкигец* в виде плотно облегающего голову капюшона, украшенного яркой аппликацией из кусочков материи. Поверх него повязывалось и завязывалось на затылке специальное покрывало в виде платка, сложенного на угол. Основным элементом головного убора пожилых женщин был тастар, но с одним широким и длинным концом, так же украшенным тканевой аппликацией. Такой тастар чалмообразно повязывался поверх волосника *солауц*, а его орнаментированный конец располагался на спине.

Спецификой отличался и тастарный комплекс касимовских татар. Волосник состоял из двух элементов: отдельно чепца и наконника чехла. В городе Касимове вместо волосника часто надевали и большой трикотажный калфак, на-

подобие девичьего казанско-татарского. Тастар повязывали поверх калфака, причём особым образом. Касимовские тастары обычно имели лишь один украшенный конец, который располагался на спине, а чаще на плече. Неукрашенный конец, обернув вокруг лица, пропускали под подбородком и закрепляли на виске специальной заколкой – украшением. У горожан тастары изготовлялись из светлой ажурной ткани фабричного производства и вышивались профессиональными мастерицами.

Своеобразными были традиционные головные уборы кряшен, что связано с ранней культурной изоляцией их от татар-мусульман и с особенностями их этнокультурного развития (воздействием, в частности христианской, особенно русской культуры). Головной убор казанских и западно-закамских кряшен состоял из волосника-чепца *мдлэнчек*, головного покрывала *сүрэкэ*, полотенеобразной повязки *ак яулык* и свадебного покрывала *тугэрэк яулык*. Происхождение этого убора (комплекса *сүрэкэ*) этнографы связывают с головным убором русских женщин *сорока*. Особенно оригинальными были головные уборы замужних елабужских кряшенок. Они включали волосник-чепец, головное покрывало *чукол*, налобную монетную повязку *маңгай тәңкәсе*, монетные височные украшения *чиггәчә* и в одетом виде напоминали древние «шлемовидные» уборы тюркских народов Евразии. Во время праздничных (обрядовых) торжеств замужние елабужанки надевали головное покрывало *сүрэкэ*, налобная часть которого была полукруглой и напоминала русский кокошник.

Головной убор молькеевских кряшен во многом аналогичен тастарному комплексу мишарей и соседствующих с ними чувашей. Он состоял из двух полотенеобразных покрывал: длинного – *тастар* и короткого – *чибар яулык*. В оформлении этих полотенец применялись высокохудожественное тканье выборного полихромного исполнения и тамбурная вышивка, домашнее кружево. Тастар дважды обёртывался вокруг головы и шеи с тем, чтобы орнаментированные концы свисали на спине один



Мужские ичиги и вышитые тамбуром наголенники аякчу. XIX в. НМ РТ



Женские праздничные каюлы читек. XIX в. РЭМ



Лапти чабата. Кон. XIX в. Мишари. Д. Кикино  
Чембарского уезда Пензенской губ.

выше другого. Поверх тастара назад концами завязывался *чибар яулык*. В середине XIX в. и ранее поверх тастара, как и лямбирские мишарки, молькеевские женщины надевали *кашбу* (*кашпау*) – древнетюркский шлемовидный головной убор со спинной лопастью, украшенный серебряными монетами, нукратками, бисером, кораллами. Девичья бисерно-монетная шапочка *такья* также облегла голову наподобие шлема, имела на верхушке шишак, на висках наушники, сзади бисерный назатыльник.

**Обувь.** Традиционная обувь волго-уральских татар в комплексах одежды разных полов отличалась лишь некоторыми нюансами (особенностями декоративного оформления, размерами голенищ, высотой каблука, особой приверженностью к использованию тех или иных типов). Обувь была разнообразной по материалу, технике изготовления, способу ношения и т. д. Как и другие элементы костюма, она делилась на нижнюю (непосредственно надевалась на босую ногу) и верхнюю.

На босую ногу татары надевали чулки *ок*, которые различались и по материалу, из которого их изготовляли, и по форме. Бытовали чулки суконные и вязаные из шерстяных ниток. Суконные чулки *тула ок* представляют собой наиболее оригинальную и широко распространённую разновидность нижней обуви. Их изготовляли из самодельного сукна *Тула*, обычно белого цвета длиной до колен. *Тула ок* чаще носили женщины-кряшенки в комплексе с повседневной лыковой или кожаной обувью. Мужчины предпочитали носить вязаные чулки из шерстяных ниток – *бэйлэгэн ок*.

Весьма оригинальный вид нижней обуви представляют собой наголенники *аякчу*, *аяк чолгау*. Они использовались для обёртывания голени, изготавливались из негрубого, чаще льняного полотна длиной 70–80 см. Носили их с ичигами или суконными чулками. О древности этого элемента говорит наличие обрядовых *аякчу*. Невеста дарила жениху *кияч аякчу* с орнаментированными концами.

Из верхней обуви наиболее распространённой была кожаная, широко бытовала, особенно



Миндалевидные серьги татар сыргасы.  
Серебро, позолота, филигрань, зернь, бирюза.  
Сер. XIX в. НМ РТ



Монетные серьги  
тәңкәле сырға. Нач. XX в.  
Кряшны. АОЭ

в сельской местности, лыковая и валяная обувь. Кожаная обувь была принадлежностью горожан и зажиточной части сельчан и духовенства. Она имела преимущественно башмаковидную форму, (т. е. отдельно кроились верх и подошва), была высокой (с голенищем) и низкой (без голенища). Высокая до колен обувь – сапожки из мягкой кожи с мягкой же подошвой *читек* изготавливались из юфти, хрома и сафьяна. Однотонные чёрные ичиги носили главным образом мужчины. Носили их и женщины, только у них сапожки были короче и без отворотов. Праздничным вариантом женской обуви были узорные *каюлы читек*, выполненные в традиционной технике кожаной мозаики. Мужчины узорной обуви не носили. Только изредка задник на ранних мужских ичигах орнаментировался яркой мозаичной композицией. Ичиги скорее представляли собой кожаные чулки, но были более универсальны. Особенно они устраивали старшее поколение. Если однотонные ичиги были мало оригинальны и являлись характерными для большинства тюрко-монгольских народов, то мозаичная обувь, безусловно, составляет

этноспецифику именно татарской обуви. При выходе из дома на ичиги надевали короткую кожаную обувь на твёрдой подошве, а зимой – полуваленки. Ичиги скорее представляли собой кожаные чулки, но были более универсальны. Особенно они устраивали старшее поколение. Бытовали и сапоги на твёрдой подошве *итек*.

Из низкой кожаной обуви более обыденной и повседневной были калоши *кәвеш*, *ката*, которые использовали и как самостоятельную обувь, и в комплексе с ичигами. Выходной обувью являлись туфли *башмак*. Отличительной особенностью выходных татарских башмачков является то, что головка и задник у них кроились отдельно и лишь сходились в середине борта, образуя специфическую выемку. Женские башмачки, нередко с каблукком, изготавливались из мозаичной кожи, бархата, богато расшивались золотой и серебряной канителью, бисером, речным жемчугом. Туфли с остроколенным и слегка поднятым носком считались наиболее традиционными.

Лыковая обувь, особенно лапти *чабата* представляли у татар рабочую обувь как



**Накосное украшение чулпы.**  
Серебро, позолота, чеканка. XVIII в.  
Казанские татары. НМ РТ



**Накосники чулпы.** XIX в.  
Казанские татары. НМ РТ



**Коянтэле чулпы** в составе девичьего украшения  
*чэч тэңкэсе*. Казанские татары. АОЭ



**Накосное украшение чуллы.**  
Серебро, позолота, филигрань, аметисты, бирюза.  
Сер. XIX в. Казанские татары. НМ РТ



Шейно-нагрудное украшение *яка чылбыры*. Серебро, позолота, филигрань, самоцветы, бирюза.  
XIX в. Казанские татары. ОК РЭМ

наиболее лёгкую и удобную при полевых работах. Преобладали татарские лапти с «личиком» прямого и подошвой косога плетения *татар чабатасы*. Бытовали лыковые плетёные башмачки *чабата башмак*, *юкэ башмак* в форме

традиционных кожаных *ката*, нередко с кожаной или деревянной подошвой. Лапти были едва ли не единственной обувью кряшен. Насколько сильными были традиции использования этой обуви у кряшен свидетельствует тот факт, что



Казанская татарка в яка чылбыры.  
Фото. XIX в.

нагайбаки степного Оренбуржья (переселенцы из Казанской губ.) вплоть до середины XX в. продолжали носить лапти, с большими трудностями перекупая лыко у заезжих торговцев.

В северных уездах Пермской, Уфимской губерний получила некоторое распространение меховая (охотничья) обувь – бышимлы, кынжырьйк, которая шилась мехом наружу из невыделанной конской, коровьей шкуры с низким холщовым голенищем.

Зимой повсеместно носили короткие и высокие валенки *киез итек, пима, пуйма*. Особой популярностью у зажиточных татар пользовались цветные «кукморские» валенки, обычно белые с красным орнаментом. Татары периферийных областей приобретали их у приезжих из-под Казани торговцев.

**Украшения.** Среди украшений известны как мужские, так и женские. У мужчин в высшем сословии бытовали драгоценные перстни, перстни-печатки и пряжки для поясов, которые к середине XIX в. практически вышли из быта, изредка встречаясь в праздничном наряде городской знати. Мужские, как, впрочем, и женские, пояса с пряжками *кэмэр, ксак* с богатым ювелирным набором из накладных блях более



Перевязь *хэситэ* из блях.  
Серебро, позолота, ажурная и бугорчатая филигрань, самоцветы, бирюза.  
Сер. XIX в. Казанские татары. НМ РТ



**Перевязь хаситэ из блях на матерчатой основе.**  
Ажурная и бугорчатая филигрань, чеканка, самоцветы, бирюза.  
XIX в. Казанские татары. НМ РТ



**Перевязь чапук.**  
XIX в. Мишари. Д. Кикино Чембарского уезда  
Пензенской губ. АОЭ



**Бархатный нагрудник алынча.**  
Золотное шитьё. XIX в. Мишари.  
СМК, инв. 3802

известны в традиционных комплексах одежды астраханских, крымских татар. Не вызывает сомнений, что подобный элемент мужского костюма в более раннее время широко бытовал и у средневековой казанско-татарской знати, о чём говорят многочисленные музейные экспонаты, хранящиеся в фондах РЭМ, ГИМ, НМ РТ. Это мужские пояса-пряжки, выполненные, в отличие от астраханских (кавказской работы), крымско-турецких, в традиционной именно для казанско-татарских ювелиров технике.

Ассортимент женских украшений был значительно шире и по назначению, и по типологическому разнообразию, что связано с общемусульманской традицией, когда состоятельность мужчины определяется богатством одеяний и количеством драгоценных украшений у его жены.

Из головных украшений у всех групп татар имели место налобные повязки и височные украшения, которые практически являлись частью того или иного территориального комплекса

головного убора. Так, например, налобная цепочка из сканых блях – *баш хаситәсе* являлась принадлежностью раннего (до середины XIX в.) каркасного головного убора казанских татарок. Шитые золотом, бисером, украшенные порою и чеканными металлическими бляхами волосники-повязки бытовали в покрывалообразных головных уборах сибирских (*сараяу*), астраханских (*шлауш*) татарок и мишарок (*салавыч*) Окско-Сурского междуречья, монетные повязки *маңгай тәңкәсе* – в головных уборах елабужских кряшенок.

Среди головных украшений, пожалуй, самое широкое распространение у всех этнотерриториальных, возрастных и социальных групп татарок, кроме кряшенок, имели накосники. Они были чрезвычайно разнообразны по форме, материалу и технике изготовления, по особенностям декоративно-художественного оформления и способам ношения. Кроме многочисленных вариаций монетных накосников широко бытовали накосники в виде фигурных блях. Бляхи выпол-



Ожерелье. Филигрань, бирюза. XIX в.  
Казанские татары. НМ РТ



Воротниковая застёжка *яка чылбыры*.  
Металл, позолота, филигрань, аметисты, бирюза.  
Сер. XVIII в. Казанские татары. НМ РТ



Парные браслеты. Чеканка. XIX в.  
Казанские татары. НМ РТ

нялись в технике филигрании, штамповки, литья, украшались самоцветами, зернью, цветочно-растительным орнаментом или арабской вязью при использовании гравировки, черни, чеканки. Наиболее традиционной была бляха лопастной формы, сканая или гравированная. Массивные наконечники – *чулпы* из 6–9 блях, соединённые в 2–3 ряда коромыслищем – *көянтәле чулпы*, крепились сразу к обеим косам или же использовались при оформлении конца матерчатых монетных девичьих наконечников – *тезмә*, *чәч тәңкәсе*, бытовавших у казанских, сибирских татар и женских наконечников (чехлов для кос) – *чәч кап* – у мишарей Окско-Сурского междуречья.

Одним из наиболее архаичных и в то же время устойчиво сохраняющихся элементов в костюме татарок являются серьги *алка*. Впервые их надевали девочки в трёх-четырёхлетнем возрасте и носили до глубокой старости. Это известные ещё с болгарских времён серьги в форме «знака



Браслет *беләзек*. Чеканка, сердолик, бирюза.  
XIX в. Казанские татары. НМ РТ



Браслет *белэзек*. Серебро, сердолик, бирюза.  
Казанские татары. XIX в. НМ РТ

вопроса» и многочисленные варианты монетных, кольцевых «лунницеобразных» серёжек, и серьги, состоящие из двух-трёх вертикально соединённых фрагментов с подвесками, из которых наиболее излюбленными и популярными были серьги, состоящие из двух филигранных блях с мелкими листовидными подвесками, с основным щитком миндалевидной формы. Преобладающим художественным мотивом была розетка из мелкой бирюзы в центре щитка. По формально-морфологическим признакам миндалевидные серьги можно было бы разбить на огромное количество вариантов и по форме малой бляхи (розетковидные, круглые, листовидные, треугольные и т. д.), и по деталям формы основной бляхи (миндалевидные с подвесками, миндалевидные с фестонами, миндалевидные прорезные и т. д.), и по характеру подвесок (из сканых бляшек, монет, камней, проволочных фигурок и т. д.), и даже по особенностям соединения частей серьги между собой. Встречались серьги, выполненные из сплошных гравированных пластин или витые из проволоки.

Миндалевидные сканые серьги представляют собой этноспецифический элемент традиционной культуры казанских татар, хотя бытовали они практически повсеместно. Основное их название – *алка*, *сырга*. У кряшен Казанской губернии встречалось наименование *кандала сырга* (серьга «клоп»). Любопытно, что в отдалённых, часто этнически пёстрых районах в Приуралье, Западной Сибири их называли бо-



Браслет *белэзек*. Филигрань, сердолик, бирюза.  
XIX в. Казанские татары. РЭМ

лее конкретно *татар сыргасы*, *казан сыргасы* (татарские серьги, казанские серьги).

Кроме своих традиционных, женщины-татарки носили и серьги, заимствованные у других народов – у русских, жителей Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Например, русские серьги настолько широко вошли в быт татар, что воспринимались народом уже как свои, традиционные. И изготовляли их, вероятно, сами татарские ювелиры. Так, на Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1923 г. бисерные серьги (НМ РТ, инв. 34318 и колл. № 201(42), бесспорно, русские были представлены как образцы татарских ювелирных украшений.

Шейно-нагрудные украшения татарок кроме декоративной функции выполняли и утилитарную роль: скрепляли или прикрывали своими деталями традиционно глубокий разрез женской рубахи. Это прежде всего матерчатые нагрудники, отличающиеся по форме, декоративному

убранству, наименованиями. Так, у казанских татар преобладали нагрудники, украшенные позументом и ювелирными накладными бляхами, у сергачских мишарей, кряшен, сибирских татар — чешуеобразно ушитые монетами, у кузнецко-хвалынских мишарей — богато расшитые золотной гладью, у зауральских татар, как и у сопредельных башкир, — сплошь зашитые кораллами и бисером, у астраханских татар — ювелирными поделками в форме «восточного огурца» и т. д. Судя по музейным материалам, в прошлом у казанских, сибирских, астраханских татар в высшем сословии, вероятно близком к ханскому окружению, бытовали драгоценные ювелирные аналоги подобным нагрудным украшениям. Они выполнены из чеканных позолоченных пластин в форме лунницы — *айчык*, инкрустированных драгоценными камнями и самоцветами.

Другим оригинальным нагрудным украшением обычно на матерчатой основе была перевязь. В силу своей самобытности это украшение отмечается всеми авторами, которые хотя бы вскользь касались татарского костюма. У мусульманок перевязь была обычно снабжена амулетом-коранницей. У кряшен и тех групп татар, которые не отличались особой приверженностью к исламским канонам, роль амулета-оберега на монетной перевязи, как и у других народов региона, зачастую выполняли раковины-каури. Несмотря на общую «охранную» сущность этих украшений, они, как и нагрудники, заметно различались по форме, декору, названиям. Так, у казанских татар перевязь — *хэситэ* украшалась драгоценными накладными бляхами. В коллекциях РЭМ, НМ РТ имеются старинные образцы таких перевязей и без матерчатой основы, выполненные из крупных позолоченных сканых блях, инкрустированных драгоценными камнями. У мишарей перевязь — *чапук* украшалась карманцем — амулетом, расшитым тамбуром (а у кузнецко-хвалынских — золотным шитьём «вприкреп» и серебряными монетами). У астраханских татар близкая к мишарским вариациям сумочка-карманец также украшалась золотным шитьём, но отличающимся от кузнецко-хвалынского и по технике настила золотной нити, и по

орнаменту. В Зауралье кроме монет в декоре перевязей — *эмейлек* использовались кораллы.

Особо эффектным и оригинальным шейно-нагрудным украшением казанских татарок, которое в XIX в. имело распространение и у других групп этноса, была воротниковая застёжка с подвесками — *яка чылбыры*. Такие застёжки крепились к специальным съёмным парчовым или бархатным воротникам. *Яка чылбыры* нередко представляют собой изысканные ювелирные изделия, многие образцы которых являются верхом достижения татарского ювелирного искусства. Вариации их многообразны и в отношении формы составных деталей украшения, и в плане использования ювелирной техники (филигрань, зернь, чеканка и т. д.), и декоративно-художественного оформления самоцветами и драгоценными камнями.

Многочисленные типы ожерелий — из монет, сканых или чеканных блях, из самоцветов и цепочек с подвеской в виде металлической коранницы и др. — сопровождали девичью и женскую одежду, особенно с конца XIX столетия, когда монументальные матерчатые украшения, соответствующие ранним комплексам одежды, выходили из повседневного быта.

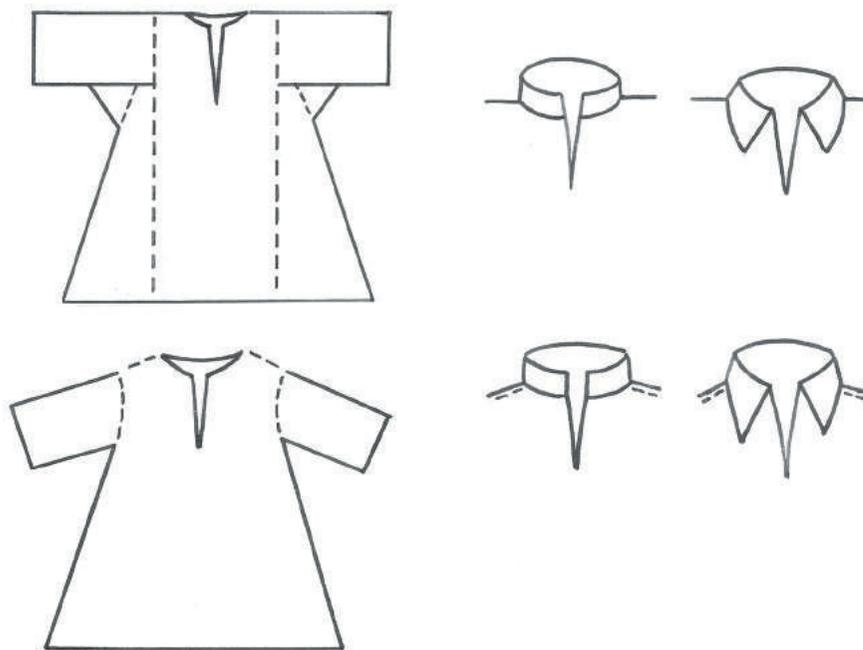
Широко распространёнными украшениями рук являлись браслеты, перстни, кольца. Браслеты *белэзек* татарки носили постоянно, как правило попарно — по одному на каждой руке, что являлось средством сохранения добрых отношений между мужем и женой. Этим объясняется огромное разнообразие их типов и приёмов украшения: тончайшая золочёная филигрань, инкрустированная драгоценными камнями в высшем сословии, и простенькие гравированные браслеты из низкопробного серебра у низших слоёв. То же касается и перстней, ибо «два-три перстня татарка носила ежедневно, собираясь же в гости, она унизывала ими едва ли не каждый палец»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Репринтное воспроизведение. — Казань, 1991. — С. 30.



### ГЛАВА III

## ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ПО МАТЕРИАЛАМ НАРОДНОГО КОСТЮМА: КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ



Традиционные покрои рубах. Сер. XIX в. и кон. XIX – нач. XX в.

Этнокультурные взаимосвязи выявляются на базе разработанной для волго-уральских татар типологии<sup>1</sup> с применением кросс-культурного (синхронного и диахронного) сравнительно-исторического анализа.

### 1. Конструкция (покрой) нижней и верхней одежды

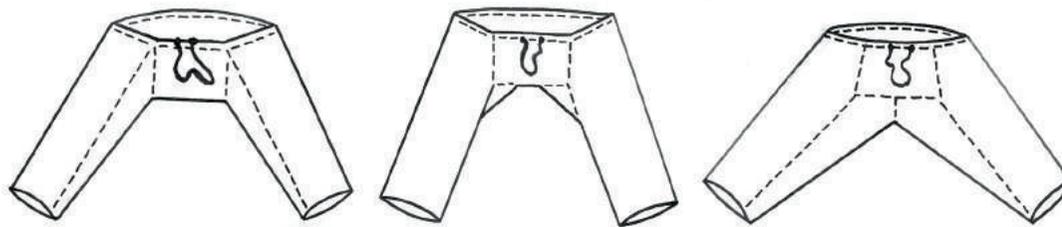
Покрой – конструктивные основы костюма, в котором наиболее ярко проявляется специфика культурных традиций этносов<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Сулова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.) Историко-этнографический атлас татарского народа. – Казань, 2000.

<sup>2</sup> Сухарева О. А. Опыт анализа покроя традиционной «туникообразной» среднеазиатской женской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 77.

**Рубаха.** В середине XIX в. у всех групп волго-уральских татар бытовала туникообразная рубаха с центральным грудным разрезом. В отличие от туникообразных рубах соседних финно-угорских и славянских народов, татарская рубаха, как мужская, так и женская, была очень свободной и длинной, с длинными рукавами, что сближает её с туникой тюркских народов Средней Азии и Казахстана, тюркских народов Дагестана, например, ногайцев<sup>3</sup>. Среднеазиатская одежда туникообразного покроя, как известно, не имеет ничего общего с греческой туникой, несшитой одежды из куска ткани, обёртываемой вокруг тела и набрасываемой на плечи. Как и у волго-уральских татар, она делается из прямого куска ткани, перегнутой вдвое на плечах, так что из одного куска образуется основа одежды – её стан.

<sup>3</sup> Булатова А. Г., Гаджиева С. Ш., Сергеева Г. А. Одежда народов Дагестана. Историко-этнографический атлас. – Пушино, 2001. – Карта 1.



Традиционные покрои нижней поясной одежды

Прямые невырезанные рукава пришиваются к стану по прямой нитке; с боков, под рукавами, захватывая их, помещаются боковины<sup>1</sup>.

Сравнительный кросс-культурный анализ показывает, что основные типы покроя рубахи были едины для волго-уральских, сибирских и астраханских татар. Крой рубахи у крымских татар (особенно в горных районах) своеобразный, связанный с турецкими традициями<sup>2</sup>. В то же время некоторые исследователи<sup>3</sup> находят в нём отличия, не связанные с турецкими традициями, например, наличие ластовиц и подкройных боковин в туникообразных рубахах, бытовавших в прибрежных районах. Это даёт возможность строить предположение об определённой (завуалированной сильным воздействием турецкой культуры) общности в покрое костюма волго-уральских, сибирских, астраханских и крымских татар, связанной с туникой тюркских этносов Евразии в целом.

**Нижняя поясная одежда.** Древние связи волго-уральских татар с тюркско-татарским миром наблюдаются и в принципах кроя нижней поясной одежды. Это так называемые «штаны с широким шагом» *ыштан*. Их шили широкими у пояса, длиной до щиколотки, без

карманов; укреплялись они на бёдрах или на поясе при помощи гашника *ычкыр*. Штаны состояли из двух штанин с клиньями и прямоугольной вставки между ними. В зависимости от размеров вставки и клиньев менялась ширина и глубина шага. Покрой «с широким шагом» являлся преобладающим в поясной одежде практически всех тюркских народов Средней Азии и Казахстана<sup>4</sup>. У некоторых этнотерриториальных групп волго-уральских татар, в частности, у касимовских, костромских<sup>5</sup>, бытовал покроем штанов с ромбовидной (реже трапециевидной) вставкой, названный нами для волго-уральских татар (особенно казанских) нетрадиционным<sup>6</sup>. Заметим, однако, что этот тип нижней одежды (с ромбовидной вставкой), наряду с описанным выше (с прямоугольной вставкой), был распространён у сибирских<sup>7</sup>, астраханских<sup>8</sup>, крымских татар<sup>9</sup>, а также у ногайцев и кумыков Дагеста-

<sup>4</sup> Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX — начало XX в.). — М., 1982. — С. 62.

<sup>5</sup> Шарифуллина Ф. Л. Касимовские татары. — Казань, 1991. — С. 72.

<sup>6</sup> Сулова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар... Табл. II (д, е).

<sup>7</sup> Смирнова Е. Ю. Традиционная одежда тоболо-иртышских татар конца XIX — первой трети XX в. // Народы Сибири и сопредельных территорий. Межведомственный сборник научных статей. — Томск, 1995. — С. 203, 207.

<sup>8</sup> АОЭ. Материалы этнографической экспедиции С. В. Суловой (1989 г.).

<sup>9</sup> Рославцева Л. И. Одежда крымских татар... С. 85.

<sup>1</sup> Сухарева О. А. Опыт анализа покроя... С. 79.

<sup>2</sup> Рославцева Л. И. Одежда крымских татар конца XVIII — начала XX в. Историко-этнографическое исследование. — М., 2000. — С. 19.

<sup>3</sup> Курyleв В. П. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства. — М., 1976. — С. 115.

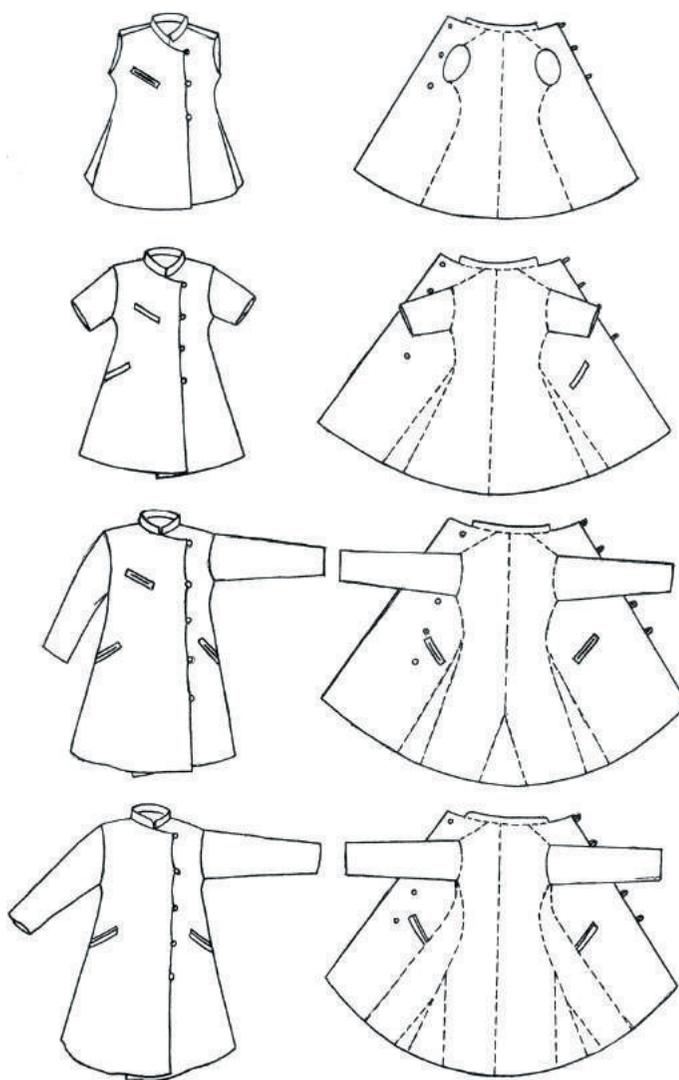
на<sup>1</sup>, в наибольшей степени связанных с древними кипчако-ногайскими культурными традициями.

**Верхняя одежда.** У казанских татар преобладал покрой верхней одежды с цельной

приталенной спинкой *чабулы киеш*, в отличие от татар-мишарей и приуральских татар, где преимущественно бытовала прямоспинная верхняя одежда нередко с боковыми клиньями. Тот же прямой покрой бытовал у сибирских татар<sup>2</sup>. Судя по работам известного исследовате-

<sup>1</sup> Булатова А. Г., Гаджиева С. Ш., Сергеева Г. А. Одежда народов Дагестана... Карта 1; Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. — М., 1976. — С. 99.

<sup>2</sup> Смирнова Е. Ю. Традиционная одежда тобо-иртышских татар... С. 203.



Варианты покроя верхней одежды  
с цельной приталенной спинкой *чабулы киеш*

ля Н. Ф. Прытковой, в частности материалам «Историко-этнографического атласа Сибири»<sup>1</sup>, подобный покрой верхней одежды был характерен для тех народов, в этногенезе которых значительную роль сыграли древнеугорские племена. Это предположение в значительной степени согласуется и с нашими материалами.

Любопытными аналогами в покрое отдельных типов верхней женской одежды у астраханских карагашек<sup>2</sup>, крымских татарок-степнячек<sup>3</sup> и волго-уральских татар, главным образом заказанско-западно-закавказских кряшен и нагайбаков<sup>4</sup> является наличие подкройных бочков. Исследования С. Ш. Гаджиевой<sup>5</sup>, Л. И. Рославцевой<sup>6</sup>, Е. Н. Студенецкой<sup>7</sup> позволяют эту особенность назвать «ногайской».

Определённый интерес вызывает и бытовавшая у волго-уральских татар плечевая одежда, наподобие турецкой *фередже* (*парандже*). Самые ранние сведения о *фередже* в Крыму, например, как об одежде бахчисарайской знати, относятся к середине XVII в.<sup>8</sup> В Крым *фередже*, очевидно, попала из Турции, где она носилась в рукава, будучи уличной одеждой мусульманки. К концу XIX в. *фередже* постепенно выходит из употребления. Эта плечевая одежда стала использоваться как головная накидка мусульманки. Крымские татарки «при недалних отлучках со двора *фередже* набрасывают на голову вместо

чадры или покрывала»<sup>9</sup>. Близкий по назначению элемент верхней одежды, но под названием *жилэн* был известен и волго-уральским татарам, особенно городским. Это длинная, с открытой грудью, с длинными, иногда дополнительно пристёгивающимися ложными рукавами одежда без застёжек. Передние полы цельные, с запахом справа налево. Встречалась и другая разновидность выходного *жилэн*: с высокими бортами и застёжками от горловины до талии. *Жилэн (фередже)* использовали как покрывало-накидку на голову при выходе на улицу и сельчанки, например, в Бугульминском, Бугурусланском уездах Самарской губ.<sup>10</sup> Пожилые женщины накидывали его на голову таким образом, что пройма рукава изнутри приходилась на голову, а молодые покрывались им симметрично<sup>11</sup>.

## 2. Головные уборы

Самый яркий материал в плане выявления этнокультурных взаимосвязей дают сохранившиеся полностью или рудиментарно архаические типы головных уборов.

**Волосники.** Особый интерес в этом отношении представляют собой нижние головные уборы — волосники, хотя и незаметная на первый взгляд деталь женского головного убора. Волосники призваны были собрать и скрыть волосы, и поэтому их формы в значительной степени были связаны с причёской. Они представляют несомненный интерес и в плане эволюции этнорегиональных комплексов костюма в единые общенациональные формы.

Рассмотрим наиболее интересные по своим этноинформативным характеристикам типы. Волосник-чепец — в простейшей форме — это повязка без твёрдого налобника, край которой

<sup>1</sup> Прыткова Н. Ф. Типы верхней одежды народов Сибири // КСИЭ. — Вып. 15. — М., 1952. — С. 21; Историко-этнографический атлас Сибири. — М.; Л., 1961. — С. 237.

<sup>2</sup> АОЭ (1989 г.). Материалы этнографической экспедиции С. В. Суловой (1989 г.)

<sup>3</sup> Рославцева Л. И. Одежда крымских татар... С. 36.

<sup>4</sup> Сулова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар... Табл. XII.

<sup>5</sup> Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев...

<sup>6</sup> Рославцева Л. И. Одежда крымских татар... С. 36.

<sup>7</sup> Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX в. — М., 1989. — С. 150—155.

<sup>8</sup> Рославцева Л. И. Одежда крымских татар... С. 36.

<sup>9</sup> Миллер В. Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. Крымские татары. — М., 1887. — Вып. I. — С. 81.

<sup>10</sup> Сулова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар... С. 124.

<sup>11</sup> АОЭ. Материалы этнографических экспедиций Ф. Л. Шарифуллиной (1977 г.), С. В. Суловой (1996 г.).



Сибирская татарка в волоснике *сарауц*  
в комплексе с шёлковой шалью.  
Из фондов музея с. Большеречье Омской обл.



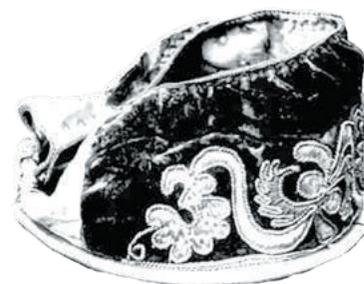
*Калфак*. Вышивка бисером. XIX – нач. XX в.  
Пермские татары. ПКМ



Волосник *сарауц*. Вышивка бисером.  
XIX – нач. XX в. Сибирские татары.  
ТГИАМЗ



Волосник *салавыч*. Шёлк. Золотное шитьё.  
XIX в. Кузнецко-хвалынские мишари.  
ПОКМ



Волосник *сарауц*. Золотное шитьё. XIX в.  
Сибирские татары. ТГИАМЗ



Волосник *салауц*. Золотное шитьё.  
XIX в. Кузнецко-хвалынские мишари.  
ПОКМ



Волосник *сарауц*. Золотное шитьё. XIX в. Сибирские татары. ТГИАМЭ

собирался на шнур, благодаря чему она принимала форму чепца. Как показывают материалы историко-этнографического атласа, подобные волосники у волго-уральских татар в середине XIX века были достаточно распространённым явлением, особенно у мишарей и кряшен. В начале же XX в. они имели лишь ограниченное бытование. Определённую ясность в этом вопросе может внести сравнительно-исторический анализ аналогичных по форме и назначению женских волосников сибирских татар — *сарауц*.

*Сарауц* глубоко архаический элемент женского головного убора сибирских татар, который в середине XIX в. надевали с большими покрывалообразными уборами: полотенеобразным тастаром или треугольным покрывалом *кыйек* (*кыекча*). В фондах ТГИАМЭ (г. Тобольск) хранится около десятка *сарауцев*. И по материалу изготовления, и по характеру декоративно-художественного оформления, и, наконец, в плане хронологической характеристики они заметно различаются между собой.

Наиболее древними (первая половина XIX в.) являются волосники-повязки, выполненные золотным шитьём на шёлке (ТГИАМЭ, инв. 3271, инв. 4701). Орнамент на этих *сарауцах*, по сравнению с другими, архаичнее, сложнее и более плотный. На общем фоне «растительности» в нём угадываются древние знаки и символы (солярные, например), фантастические зооморфные изображения. В них используется

особый вид золотной вышивки, когда контур орнамента выкладывается золотной верёвочкой, свитой из шести-восьми нитей — *тофта*<sup>1</sup>.

Не менее древними являются *сарауцы*, выполненные золотным шитьём *вприкреп* по бархату. Тяжёлая золотная гладь на этих уборах, архаичная композиция орнамента, напоминающая тюркские вариации «древа жизни», легко увязываются с вышивкой на аналогичных головных повязках *салауц*, *салавыч* татар-мишарей, особенно их южной кузнецко-хвальинской подгруппы (Саратовская губ.).

Нечто среднее между западносибирскими волосниками и татарскими калфакками представляют собой бархатные *сарауцы* (ТГИАМЭ, инв. 17166/24) с весьма характерной для поздних вариаций калфачков вышивкой бисером в виде крупного цветочного орнамента. Вероятно, подобные вариации поздних *сарауцев* можно считать одной из переходных форм от традиционных западносибирских повязок к казанско-татарским калфаккам по происхождению.

Вопрос о происхождении *сарауцев* до сих пор остаётся открытым, хотя определённый сравнительно-исторический и ретроспективный анализ их предпринимался сибирскими учёны-

<sup>1</sup> Сулова С. В., Фасхутдинова Л. Ф. Золотное шитьё сибирских татар (к вопросу об этнических и этнокультурных взаимосвязях) // Этнологические исследования в Татарстане. — Казань : Институт истории АН РТ, 2008. — С. 70—71.

ми<sup>1</sup>, из которого следовало, что у поволжских татар-мусульман повязки типа *сарауц* отсутствуют.

Под разными наименованиями головные повязки (в том числе девичьи) известны практически всем народам (тюркским, финно-угорским, славянским, монгольским) как Волго-Уральского, так и Сибирского регионов, поэтому при синхронном анализе материала мы рассматривали волосники в комплексах именно женских уборов, принимая во внимание и их терминологическое обозначение.

<sup>1</sup> Томилов Н. А. К истории головных уборов сибирских татар // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск : Наука, 1978. — С. 182; Смирнова Е. Ю. Одежда татар Среднего Прииртышья: этнокультурные связи и контакты. — Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. — С. 60–64.



Тастарный комплекс головного убора астраханской татарки-карагашки с волосником *шлауш*. АКМ



Волосник *маңгайча*. XIX в.  
Пермские татары. ПКМ

По нашим материалам в середине XIX в. (вероятно, и ранее) головные повязки-волосники *салауц*, *салауш*, *салавыч*, *салауч* той же конструкции, что и *сарауц*, *сараоч* сибирских татар, являлись частью тастарного комплекса женского головного убора татар-мишарей Окско-Сурского междуречья.

Подобный комплекс убора астраханских «ногайских» татарок (карагашей) также состоял из волосника-повязки или чепца *шлауш*, на лобная часть которого оформлялась множеством фигурных цепочек, монеток, бусинок и тастара часто треугольной формы *кыйик тастар*<sup>2</sup>. Комплекс головного убора с волосником *силяуш* был характерен и для ногайских женщин<sup>3</sup>.

Аналогичный тастарный комплекс бытовал у касимовских татар. Волосник *селәвес* с вышивкой золотного шитья, как у соседних мишарей, у касимовцев не сохранился. Лишь изредка приходилось видеть волосники с налобной частью, орнаментированной разноцветными полосками ткани<sup>4</sup>. Вероятно, это связано с тем, что касимовские татары, будучи в основном горожанами (г. Касимов Рязанской губ.), раньше мишарей включились в этноконсолидационные процессы татар, основанные в значительной степени на казанско-татарской городской куль-

<sup>2</sup> Сулова С. В. Костюм астраханских татар... С. 84.

<sup>3</sup> Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев... С. 150.

<sup>4</sup> Шарифуллина Ф. Л. Касимовские татары... С. 74.

туре. Не случайно в середине XIX в. касимовские женщины в комплексе с тастаром надевали и калфаки. Аргументом в пользу этого служит и тот факт, что женские казанско-татарские калфаки, в отличие от девичьих, непременно были с украшенным вышивкой околышем (ободком-повязкой). Кроме того, женский калфак, как правило, представлял собой нижний убор (волосник), который традиционно надевался в комплексе с верхним убором – покрывалом-платком.

Как уже было упомянуто, у казанских татар (городских и районов Заказанья) древних повязок-волосников, наподобие *сарауц*, *салавыч*, обнаружить не удалось. Однако большие треугольные покрывала *өрпәк* (аналог *кыекча*) с украшенным начельшем имели место в головных уборах пожилых женщин. У периферийных же их групп, где эволюция культуры, как известно, шла с определённым отставанием, следы бытования волосников налицо. Так, казанские татары Оренбургской, северо-восточных уездов Уфимской и особенно Пермской и Вятской губерний однотипный *сарауцу* волосник-повязку *сарынья*, *маңгайча* также использовали с большим треугольным покрывалом *кыекча*. Пермско-вятский волосник украшался спереди позументом, монетками.

Уместно вспомнить в этой связи и древние башкирские *хараусы*, которые достаточно хорошо изучены башкирскими учёными, и использовании которых С. Н. Шитова связывает с тастарами<sup>1</sup>. Башкирские *хараусы*, вероятно, также представляют собой не что иное, как украшаемую деталь женского волосника, который вместе с тастаром давно вышел из быта. На смену ему, как и у татар, пришли калфаки в комплексе с головным платком.

Анализ сюжетов, связанных с волосниками-повязками типа сибирских *сарауцев*, показал, что в начале и середине XIX в. у волго-уральских татар (особенно мишарей Окско-Сурского междуречья), башкир, сибирских татар, аст-



Женский волосник *шлауш*.  
XIX – нач. XX в. Карагаши. АКМ

раханских карагашей и ногайцев существовал, по сути, единый комплекс женского головного убора, состоящий из волосника (*сарауц*, *салауц*, *соловес*, *шлауш*, *хараус*) и большого полотенеобразного или треугольного покрывала (*тастар*, *кыйик тастар*, *кыекча*). Судя по материалам Л. И. Рославцевой, у крымских татарок степной группы также существовали схожие треугольные покрывала *дастар*<sup>2</sup>, которые, вероятно, употреблялись в комплексе с волосником, наподобие ногайского *силяуш* или карагашского *шлауш*. Заметим, что в этнокультурной истории всех этих народов очевиден кипчакско-ногайский компонент.

Весьма оригинальный нижний убор представляет собой *чэчкап* – волосник-чепец с накосником в виде узкого мешочка-чехла с отверстием для кос. Женщина убирала волосы под чепец, а косы пропускала в накосник-мешочек. Одновременно с термином *чэчкап* для обозначения этого волосника бытовал и термин *салавыч*. В середине XIX в. *чэчкап* как преобладающее явление был распространён у татар-мишарей Рязанской, Тамбовской,

<sup>1</sup> Шитова С. Н. Башкирская народная одежда. — Уфа, 1995. — С. 82–84.

<sup>2</sup> Рославцева Л. И. Одежда крымских татар... С. 43.



Волосник салавыч с накосником-чехлом чэчкап.  
Золотное шитьё. XIX в. ПОКМ



Волосник башкигец. Аппликация. XIX в.  
Сергачские мишари. АОЭ

Пензенской, Саратовской, отчасти Симбирской губ. Вариант волосника с непришитым к чепцу накосником чаще встречался у женщин Рязанской губ., в том числе и у касимовских татарок. В целом регион распространения волосников-чехлов позволяет связывать их генезис с кочевническими, в том числе и золотоордынскими традициями Средневековья. Об этом говорят находки каменных изваяний и идентичные археологические материалы из кочевнических погребений южно-русских степей<sup>1</sup>. Любопытно в связи с этим упомянуть и подобный нижний головной убор *шуткэку* ногаек и кумычек. Ногайский волосник-чепец плотно облегал голову и спадал с косами на спину<sup>2</sup>.

В середине XIX в. в головном уборе сергачских мишарок широко бытовал волосник с распущенным по спине полотнищем *башкигец* (*сылапцау*). Молодые женщины шили его из фабричной ткани с преобладанием красных, а старшие — светлых тонов. Подобной же формы волосники под названием *киемчек* в старину встречались в головных уборах татарок Сарапульского уезда Вятской губ. (д. Нарат). Лопасть *башкигец* орнаментировалась аппликацией из разноцветных кусочков материи: её нижний край украшался чёрной или тёмно-коричневой бахромой. *Башкигец* носился в комплексе с рубахой *юле кцлмэк* и представлял собой головной убор молодой, кормящей женщины. Подобные волосники перекликаются с нижними же головными уборами народов Средней Азии и Казахстана — *кимешек*. Этот тип волосника представляет собой наиболее архаичную форму головного убора волго-уральских татарок. В одетом виде он ассоциируется со способом повязывания фабричного платка на кромку

<sup>1</sup> Плетнёва С. А. Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях // МИА. — Вып. 62. — М.; Л., 1958 (табл. 37); Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М., 1966.

<sup>2</sup> Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев... С. 150.



Девушка казанских татар в миниатюрном  
*могезкалфак*. Фото нач. XX в.



Миниатюрный женский головной убор «каблучок».  
*Русские*. НМ РГ



Е. Гудкова. Самые необычные головные уборы русских жён  
([culture.ru/materials/194415/...](http://culture.ru/materials/194415/))



Знатная татарка в каркасном головном уборе.  
Копия рисунка из книги Корнелия де  
Бруина. 1714 г.

«по-татарски». Своеобразная трансформация волосников и передача их функций фабричным головным платкам обеспечили чрезвычайно многообразие способов их ношения. Наиболее распространённым способом было повязывание платка «по-татарски»: платок за два соседних угла завязывается под подбородком или на затылке (у молодых женщин), а полотнище свободно свисает на спине (наподобие волосника *башкигец*). Пожилые волго-уральские, сибирские, астраханские татарки-мусульманки и по сей день повязывают платок подобным образом.

Оригинальными волосниками казанских татарок являются калфаки, они всегда прикреплялись к волосам ближе ко лбу и сверху покрывались платком. Ношение калфака замужними женщинами в качестве самостоятельного убора (без покрывала) не выходило за пределы семейного круга или круга женщин. В середине XIX в. в комплексе

головного убора молодых замужних женщин, особенно в городах (Казани, Уфе, Касимове), использовались девичьи, вязаные из цветных шёлковых ниток с поперечными полосами калфачки без твёрдого околыша. Н. И. Воробьёв называл их городскими<sup>1</sup>.

В конце XIX – середине XX в. миниатюрные калфачки-наколки *мөгезкалфак*, также использовавшиеся в сочетании с фабричным платком, воспринимались как общенациональный убор молодых женщин (кроме кряшен). В качестве национального убора *мөгезкалфак* служил астраханским и сибирским татаркам. Одновременно с калфак-наколкой широкое распространение среди женщин получает волосник в виде миниатюрной бархатной шапочки с твёрдым околышем и плоским верхом – *түбәтәй-калфак* или *такыя-калфак*. Шапочка также крепилась на голове ближе ко лбу и надевалась с фабричным платком. Особенно характерной она была для пермских<sup>2</sup> и сибирских татар<sup>3</sup>.

Любопытно, что в более раннее время, начиная с конца XVIII и на протяжении всего XIX в., подобные же миниатюрные головные уборы – каблучок были распространены у русской знати, особенно в Тверской губернии. Их видим в музейных коллекциях, на женских портретах середины XIX в. А. Венецианова, А. Рябушкина. Под миниатюрный каблучок, который лишь прикрывал макушку, надевалась широкая жемчужная поднизь. В приведённых аналогиях можно уловить некую общеимперскую тенденцию в трансформации народного костюма как русских, так и татар.

**Шапки.** Интерес в плане культурогенеза представляют собой и верхние головные уборы, в частности женские шапки. Они надевались поверх покрывала, завершая конструкцию комплекса женского головного убора. Шапки были весьма разнообразны и чрезвычайно ха-

<sup>1</sup> Воробьёв Н. И. Казанские татары... С. 277.

<sup>2</sup> Сулова С. В. Традиционная одежда пермских татар... Рис. 3 а. — С. 109.

<sup>3</sup> Смирнова Е. Ю. Традиционная одежда тобольно-иртышских татар... С. 109.

рактельны для волго-уральских татарок. Особый интерес представляют старинные (XVIII – середина XIX в.) монетные женские шапки. О них писали И. Г. Георги<sup>1</sup>, И. И. Лепехин<sup>2</sup>, К. Ф. Фукс<sup>3</sup> и другие авторы. Эти сведения дополнены и материалами наших экспедиций. К середине XIX в. у волго-уральских татарок определяется два типа монетных шапок: на твёрдой основе (каркасная) и на мягкой основе.

Каркасные уборы татарок в целом сопоставимы с высокими каркасными головными уборами типа *саукеле* астраханских карагашей, ногайцев и ряда тюркских народов Казахстано-Среднеазиатского региона, истоки которых через степные традиции кипчакской аристократии уходят в глубокую древность. В памяти пожилых информаторов Закавказья подобный головной убор – в виде высокого конуса с золочёным наверхием – сохранился под названием *такья бцрек*. Поверхность его покрывалась многочисленными бляхами, самоцветами и бусами. Наряду с ранними письменными и полевыми источниками несомненную историческую ценность представляют собой и ранние изобразительные материалы (изображение знатной татарки начала XVIII в., приведённое в сочинении Корнелия де Бруин «Путешествие через Московию...», изобразительные материалы русских художников – Е. Корнеева, А. Мартынова и др.). К середине XIX в. монетные каркасные шапки типа «сахарной головки» выходят из быта.

Каркасные островерхие шапки знатных казанских татарок представляют чрезвычайный интерес с точки зрения генезиса «царственных» женских уборов ханского времени. Как показывает ретроспективный анализ, эволюция «царственных форм» костюма, в частности, головных



Реконструкция скифского головного убора (по Г. И. Бровке): Древняя одежда народов Восточной Европы. – М.: Наука, 1986

уборов, имеет самостоятельную линию развития, которая прекращается с утратой государственности или трансформируется в типологически схожие уборы городской социальной верхушки. В одежде царствующих династий и их окружения у разных этнических общностей, и тем более у этнически родственных (в частности, в тюрко-татарских ханствах), имелось много общего. В 2002 г. профессором Томского государственного университета Л. А. Чиндиной был обнаружен подобный убор в средневековом знатном сибирско-татарском женском погребении в районе г. Томска<sup>4</sup>. Интересной иллюстрацией этому служит наличие в костюме русской городской знати и в царских одеяниях XVI–XVII вв. большого круга тюрко-татарских заимствований как типологического, так и терминологического

<sup>1</sup> Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. – Ч. II. СПб., 1799. – С. 12.

<sup>2</sup> Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. – Ч. I. – СПб., 1771. – С. 160.

<sup>3</sup> Фукс К. Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. – Казань, 1844. – С. 18.

<sup>4</sup> Сообщение и материалы были представлены Л. А. Чиндиной на Международном симпозиуме «Интеграция этнографических и археологических исследований» в г. Омске в июне 2003 г.

характера<sup>1</sup>. Известные исследователи в области этнографии русского костюма (Г. С. Маслова, А. А. Лебедева, М. Г. Рабинович), считают, что основная волна этих заимствований приходится на золотоордынский период русской истории.

Не менее интересна и монетная шапка на мягкой основе *кашпау*, которая надевалась женщиной поверх покрывала. Выделяется три варианта *шапки*. Первый вариант, представляющий монетную шапочку с литым остроконечным верхом, бытовал вплоть до начала XX в. у молькеевских кряшен (Цивильский уезд Казанской губ). Второй вариант *кашпау* (в виде повязки с открытым верхом) имел распространение у мишарей Корсунского уезда Симбирской губ. Третий вариант *кашпау* (с цельным полусферическим верхом, украшенным спереди крупными, а сзади мелкими монетами и штампованными жетонами) удалось зафиксировать Р. Г. Мухамедовой во время экспедиции 1950 г. в мишарской д. Татарская Свербейка (Саранский уезд Пензенской губ.)<sup>2</sup>. «Эта шапка имеет налобную часть, украшенную рядами коралловых бус и рядом мелких монет. Спереди к *кашпау* прикреплены ушные подвески *колакчалар* и ожерелье из монет *тамакча*, а сзади — цепочка с подвешенными к ней мелкими монетами, которая свисала поверх орнаментированных концов *тастара*». Бытование *кашпау* у волгоуральских татар в целом связано с территорией Окско-Сурского междуречья. К концу XIX в. этот убор практически исчезает из повседневного быта. Мягкая монетная шапочка мишарей типа *кашпау* находит близкие аналогии (конструктивно и функционально: женский убор) в головных уборах тех народов региона (бесермяне, чуваша, елабужские кряшены, пермские татары, башкиры), формирование которых наиболее тесно связывается иссле-

дователями с ранне-тюркскими, прежде всего болгарскими традициями. Очевидно, именно этим объясняется отсутствие головного убора типа *кашпау* у сибирских, астраханских и тем более крымских татар.

**Тюрбанообразные уборы (тастарные комплексы).** При диахронном анализе тюрбанообразных головных уборов важно дифференцировать древнетюркские и ранние исламские традиции. Так, внешнее и конструктивное сходство мусульманской чалмы и древнетюркского тюрбанообразного головного убора может служить основанием для методически неверной историко-генетической интерпретации. К примеру, у тюркских и других народов Средней Азии женские чалмообразные (тюрбанообразные) головные уборы существовали задолго до принятия ислама<sup>3</sup>.

Полный комплекс женского тюрбанообразного убора (волосник-чехол для кос, специальное покрывало, закрывающее шею и грудь, полотнообразная чалма) или его отдельные рудименты сохранялись у тех групп татар, в одежде которых раннетюркские черты проявлялись ярче и сохранялись дольше. До начала XX в. такой убор бытовал в традиционных комплексах одежды отдельных групп кряшен (заказанско-западно-закамских, например), никак не связанных с культурными традициями ислама, и у сергачских мишарок Нижегородской губернии. Отдельные его рудименты зафиксированы у мишарок и касимовских татарок Окско-Сурского междуречья, у татарок степного Оренбуржья и Западной Сибири. У степной группы крымских татар, тесно связанных с ногайцами, сходное изображение тюрбанного комплекса имеется на рисунке И. Г. Георги (1770 г.). Любопытно, что у крымских степнячек роль полотнообразной чалмы (тюрбана) выполнял платочный комплекс головного убора. Аналогичное рудиментарное сохранение тюрбана вплоть до середины и конца XX столетия было характерно для окс-

<sup>1</sup> Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. — М., 1978. — С. 139—183.

<sup>2</sup> Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. — Казань : Магариф, 2008. — С. 155.

<sup>3</sup> Мешкерис В. А. Женские чалмообразные головные уборы на кумакских статуэтках из Согда // Костюм народов Средней Азии... С. 13—17.



Тюрбанообразный способ  
*кцкеш чыгарып* повязывания головного  
платка. Нач. XX в. *Мишари*. АОЭ



Тюрбанообразный способ повязывания головного  
платка в XX в. *Темниковско-азеевские мишари*.  
Д. Бастаново Сасовского р-на  
Рязанской обл. 1984



Тюрбанообразный головной убор  
в комплексе с покрывалом.  
XIX в. *Касимовские татары*. АОЭ



Кряшенка в тюрбанообразном  
головном уборе *ак яулык*. НМ РТ

ко-сурских мишарей («чалмообразный» способ повязывания платков – *күкеш чыгарып*) и для сибирских татар.

### 3. Обувь

Массу фактического материала для кросс-культурного анализа и умозаключений генетического характера содержит и традиционная обувь.

Наиболее оригинальную, древнетюркскую и в то же время широко распространённую, особенно в сельской местности, разновидность нижней обуви, как видели, представляют собой суконные чулки *тула оек*.

Судя по материалам историко-этнографического атласа «Одежда народов Дагестана», подобные суконные чулки *уюкъ* преобладали в этом регионе главным образом у ногайцев<sup>1</sup>. Грубое сукно домашнего производства для изготовления подобной обуви использовали и крымские татары (степняки)<sup>2</sup>. Суконные чулки носили татарки и башкирки Зауралья<sup>3</sup>, сибирские (тоболо-иртышские) татарки – *китэн сапма*<sup>4</sup>. Бытовали они и у других кочевых в прошлом народов. Это *кита байбак* у казахов, *байпак* у киргизов.

Другой своеобразный тип нижней обуви представляют собой наголенники *аякчу*, *аяк чолгау*. Функционально *аякчу* могут быть соотнесены с тканевыми ноговицами ногайцев, кумыков<sup>5</sup>, но по способам ношения и декоративного оформления они весьма специфичны. В частности, обрядовые татарские *аякчу* надевались таким образом, что орнаментированный кончик наголенника выставлялся наружу. Наиболее интересные образцы наголенников с богато

вышитыми тамбуром и художественно сотканными концами характерны для Предволжья, Предкамья, Закамья и Приуралья.

Из верхней мужской и женской обуви наиболее характерной была кожаная. Однотонные и орнаментированные (вышивка, аппликация) ичиги издревле были характерными для большинства тюркских и монгольских народов Евразии. Масса свидетельств этому приведено в специальном исследовании Л. И. Саттаровой<sup>6</sup>. Мозаичная же кожаная обувь, безусловно, составляет этноспецифику именно казанско-татарской обуви. Такая обувь, обычно женская (ичиги, башмачки), изготавливалась из высококачественного цветного сафьяна, вырезанного фрагментами в виде затейливого растительного орнамента. В местах соединения разноцветные частички кожи сшивались шёлковыми, иногда и золотными нитями особым вышивальным швом «втачку», подробное описание которого приведено в книге Ф. Ф. Гуловой<sup>7</sup>. Такой шов тщательно скрывал места соединения кожаных фрагментов, что и послужило основанием говорить о т. н. бесшовных казанских сапожках.

Л. И. Саттарова связывает зарождение казанского мозаичного шва с кожевенным делом Волжской Булгарии и Казанского ханства. Например, следы фигурных шёлковых швов на обнаруженном в Казанском Кремле (1988 г.) уникальном фрагменте узорной кожаной обуви позволяют восстановить характер арабескового узора, с завитками и трилистниками<sup>8</sup> – характерном мотиве орнамента казанско-татарской кожаной мозаики. Имеется достаточно оснований согласиться с этим утверждением. В Воскресенской летописи (985 г.) имеется сообщение о том, что болгары носят сапоги – «все в сапозях»<sup>9</sup>. О высоком качестве болгарской кожи говорят материалы ранних археологи-

<sup>1</sup> Булатова А. Г., Гаджиева С. Ш., Сергеева Г. А. Одежда народов Дагестана... Карты 44, 50.

<sup>2</sup> Рославцева Л. И. Одежда крымских татар... С. 15.

<sup>3</sup> Шитова С. Н. Башкирская народная одежда... С. 150.

<sup>4</sup> Смирнова Е. Ю. Традиционная одежда тоболо-иртышских татар... С. 211.

<sup>5</sup> Булатова А. Г., Гаджиева С. Ш., Сергеева Г. А. Одежда народов Дагестана... Карта 52.

<sup>6</sup> Саттарова Л. И. Казанская узорная обувь. Культура и традиции. Тверь, 2004. С. 10–19.

<sup>7</sup> Гулова Ф. Ф. Татарская национальная обувь... С. 22–25.

<sup>8</sup> Саттарова Л. И. Казанская узорная обувь... С. 15–18.

<sup>9</sup> ПСРЛ, СПб., 1852. — Т. 2. — С. 296.



Суконные чулки *тула оек*.  
Кон. XIX в. Д. Новый Баран Спасского уезда  
Казанской губ.

ческих раскопов, описанные и проанализированные Т. А. Хлебниковой в её кандидатской диссертации и позднее в очерке, посвящённом кожевенному делу булгар<sup>1</sup>. Характерные для булгар особенности кожаной обуви известны и в материалах Казанского ханства. При археологических работах в Казанском Кремле были обнаружены следы крупной кожевенной мастерской ханского времени. При изучении этих материалов Р. Р. Валеевым была выявлена любопытная закономерность: «для казанского сапожного производства XV – первой половины XVI в., как в целом и для булгаро-татарского кожевенно-сапожного дела, характерно изготовление сложносоставной или многодетальной обуви»<sup>2</sup>.

У зауральских татар, как и у башкир, широко бытовали оригинальные сапожки *сарык*, технология изготовления которых хорошо опи-

<sup>1</sup> Хлебникова Т. А. Кожевенное дело // Город Булгар. Очерки ремесленной деятельности. М. : Наука, 1988. — С. 245–258.

<sup>2</sup> Валеев Р. Р. Кожевенно-сапожное производство ханской Казани : автореф. дисс. — Казань, 2010. — С. 23.



Женские сапожки *сарык*. Нач. XX в.  
Зауральские татары. Д. Муслюмово  
Шадринского уезда Пермской губ.



Женские сапожки *сарык*. XIX в.  
Зауральские татары. Д. Бахарево  
Челябинского уезда Оренбургской губ.

сана башкирскими исследователями<sup>1</sup>. *Сарык* конструировались из особо кроеной сыромятной кожаной калоши и голенища из белого шерстяного сукна домашней выработки *сарык ката*. Суконное голенище пришивалось к кожаной калошке толстокручеными конопляными нитками ровным намёточным швом. Голенище под колено обычно подвязывалось специально изготовленными плетёными шнурками *куньсбау* из ярких шерстяных ниток. Мужские и женские *сарык* по принципу кроя были идентичны. Вариативность наблюдалась лишь при их декоративном оформлении. Мужские *сарык* в нижней части голенища украшались «язычковыми» нашивками из кожи. «Язычки» тщательно пришивались накладным швом, образуя специфический орнамент. Основу орнаментации женских *сарык* составлял расположенный на заднике сапожка сложный рисунок арочной композиции. Орнамент чаще выполнялся из цветного сукна. Его основными компонентами были завитки, зубчики, зигзаги, треугольники. Красный цвет орнамента при использовании зелёных, чёрных, жёлтых и других цветов оставался ведущим. *Сарык* представляют собой этноспецифический элемент башкирской народной одежды<sup>2</sup>. Типологически близкими *сарык* являются сапоги *царык* западносибирских татар, целиком изготавливаемые из сыромятной лошадиной или коровьей кожи<sup>3</sup>.

Из лыковой обуви в комплексах крестьянской одежды преобладали татарские лапти с «личиком» прямого и подошвой косо́го плетения — *татар чабатасы*. Личико делалось небольшим, а борта и пятка низкими. Этот вариант лаптей имел преимущественное распространение у казанских татар. Финно-угорские традиции просматриваются в т. н. «мордовских» лаптях с большой головкой «косо́го» плетения, с низкими бортами и кручеными ушниками. «Мордовские» лапти

более характерны для мишарей Окско-Сурского междуречья. Любопытно, что в Приуральском регионе они встречены у тех групп народа, история которых так или иначе связана с переселенцами-мишарями.

Распространение у татар и башкир северных уездов Пермской и Уфимской губерний меховой обуви с низким холщовым голенищем *бышимлы*, *кынжырыйк*, которая шилась из невыделанной конской, коровьей шкуры мехом наружу, легко увязывается с таёжными охотничьими традициями сибирских народов<sup>4</sup>.

#### 4. Украшения

Металлические украшения, в том числе ювелирные, представляют собой наиболее ценный источник при диахронном анализе этнокультурных взаимосвязей, выявлении генезиса народной культуры, особенно на ранних этапах её формирования.

##### Украшения головы

**Серьги.** Среди многообразия типов и вариантов татарских серёг особый интерес представляют собой серьги *алка*, *сырга* из двух вертикально соединённых сканых (реже сплошных) блях — малой и крупной миндалевидной формы, обычно со скаными же мелкими листовидными подвесками. В прошлом бытовало мнение, что у татар не было национального типа серёжек<sup>5</sup>. Накопленный автором материал позволяет не согласиться с таким выводом и совершенно определённо назвать эти серьги национальными. В материалах музейных коллекций они преобладают. В XIX в. (и ранее) в комплексе головных украшений казанских татарок эти серьги преобладали, а у крещёных татарок продолжали бытовать и в середине XX в. Миндалевидные

<sup>1</sup> Шитова С. Н. Башкирская народная одежда... С. 146–147.

<sup>2</sup> Шитова С. Н. Башкирская народная одежда... С. 147.

<sup>3</sup> Смирнова Е. Ю. Традиционная одежда тобольско-иртышских татар... С. 206.

<sup>4</sup> Шитова С. Н. Сибирские таёжные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография башкир. — Уфа, 1976. — С. 61.

<sup>5</sup> Воробьёв Н. И. Казанские татары... — С. 295.

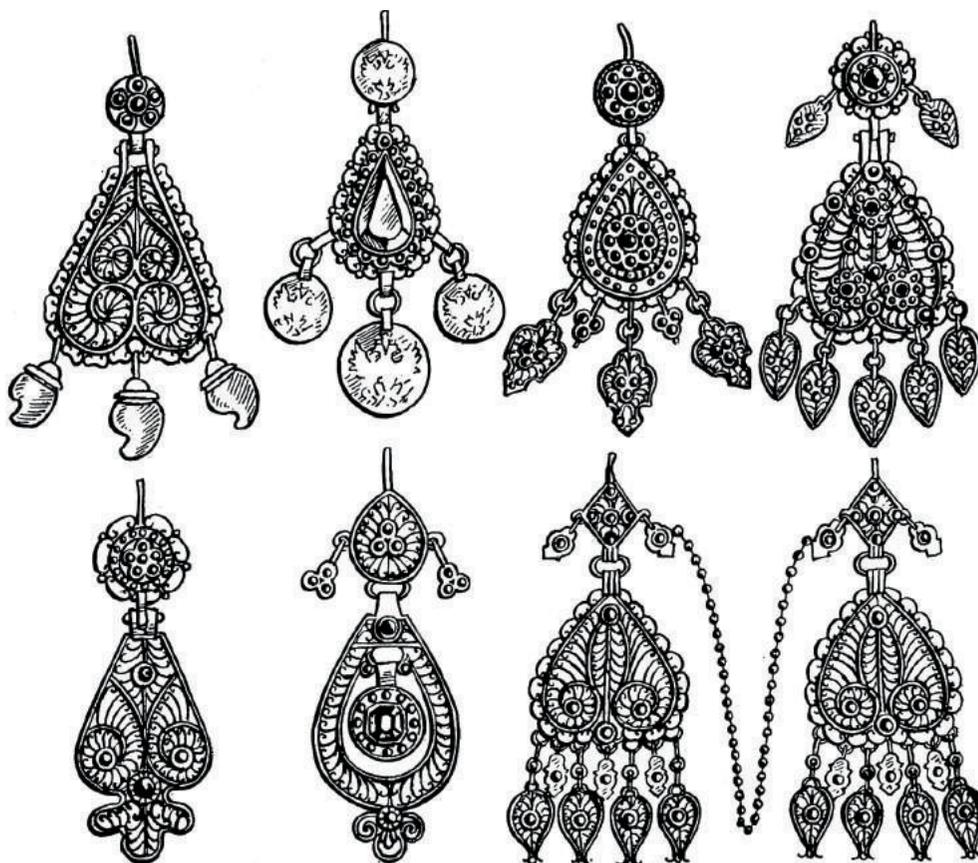
серьги формировались, очевидно, на основе местных ювелирных традиций. Известно, что техникой филигрانی прекрасно владели ещё болгарские ювелиры<sup>1</sup> и ювелиры Золотой Орды<sup>2</sup>. Ажурные серьги миндалевидной формы с подвесками были обнаружены при археологических

работах на Бабьем бугре в г. Булгаре в 1947 г.<sup>3</sup> Заметим, что сходство этих болгарских сережек с татарскими идёт гораздо дальше общей формы. Оно заметно и в деталях, даже в рисунке скани. В миндалевидных серьгах с многочисленными «шумящими» подвесками найдём, вероятно, и отзвук древних финских подвесок, широко

<sup>1</sup> Руденко К. А. Булгарское золото. Филигранные височные подвески. — Казань: Заман, 2011. — 256 с.

<sup>2</sup> Крамаровский М. Г. Золото чингисидов. Культурное наследие Золотой Орды. — Санкт-Петербург, 2001.

<sup>3</sup> Акчурина З. А., Ефимова А. М. Смирнов А. П., Хованская О. С. Исследование города Булгара. — КСИИМК. — Вып. XXVII, 1949. — С. 152.



Вариации миндалевидных серёг из фондов РЭМ и НМ РТ



Миндалевидные сканые серьги. д. Пелево Лаишевского р-на. Татарстан



Старинные миндалевидные серьги сибирских татар.  
Предположительно Сибирское ханство ТГИАМЭ



Сканный миндалевидный  
щиток болгарской серьги?  
Школьный музей с. Алькино  
Похвистневского р-на  
Самарской обл.  
Экспедиция 1997 г.

распространённых у народов края в прошлом<sup>1</sup>.

В фондах ТГИАМЭ (г. Тобольск) в качестве старинных сибирско-татарских значится любопытная пара серёг, которая, по нашему мнению, может рассматриваться как средневековый (ханский) прототип серёг миндалевидных, хотя это и неоспорно. По форме основного щитка (миндалевидные), характеру подвесок (в виде мелких монет) эти серьги идентичны казанско-татарским. По рисунку же скани и особенностям инкрустации самоцветами (отсутствие характерной для казанско-татарских серёг розетки из самоцвета, осыпанного мелкой бирюзой) они сопоставимы с золотоордынскими изде-

лиями<sup>2</sup>. Некоторое сомнение вызывают русские монеты рубежа XVII–XVIII вв., прикреплённые к серёгам в качестве подвесок. Однако они могли быть более поздними, да и подобного типа серёг у русских не было. Тобольские серьги крупные, их ушко дрововое. Это говорит о том, что они использовались в качестве височных подвесок к головному убору. Подобные крупные серьги (до 15 см) в период Казанского ханства были известны и казанским татарам. Например, «Портрет последней царицы Казанского ханства Сююмбике» неизвестного художника (копия XVIII в. с картины XVII в.). Они крепились к каркасному головному убору и нередко соединялись между собой подбородочными цепочками.

<sup>1</sup> Крыласова Н. Б. История Прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья. — Пермь: ПГПУ, 2001. — С. 61–73.

<sup>2</sup> Крамаровский М. Г. Золото чингисидов... Каталог: 409–410, 483–486.



Височно-шеечное украшение сибирских татарок.  
ТТИАМЗ

**Сырга.** Оригинальное височно-нагрудное украшение, представляющее собой височные подвески, соединённые ожерельем (цепочкой). Обычно это крупные (10–13 см) миндалевидные серьги, а в Приуралье встречались и подвески-чулпы лопастной формы. На период наших исследований наиболее чёткие сведения и даже использование подобного украшения в быту наблюдалось у кряшен в комплексе головного убора *сүрәкә*, свадебного наряда невесты *түгәрәк яулык*. Оно крепилось к височной части головного убора и соединялось с ним воедино. В начале и середине XX в. вместо подбородочной цепочки кряшенками часто использовалась лента или тесьма *сырга бавы*. *Сырга бавы* привязывалась за верхушки обеих серёжек-подвесок и перехваченная петлёй под подбородком (а иногда зацепленная за центральную монету шейно-нагрудного украшения *тамакса*), свисала на грудь. Миндалевидные серьги, соединённые между собой вместо ленты металлической цепочкой,

в качестве казанско-татарских числятся в коллекциях РЭМ (инв. 6800-13, инв. 25169-2).

Достаточно убедительно можно говорить о бытовании *сырга* и в более раннее время, возможно, и в период Казанского ханства. В собраниях А. Ф. Лихачёва в НМ РТ (г. Казань) хранится любопытное старинное украшение (инв. 10202). Это массивное позолоченное украшение состоит из крупных миндалевидных подвесок, соединённых цепью (ожерельем), украшенной пятью парами филигранных шариков, висящих на отрезках цепи. Оно крепилось к височной части каркасного головного убора вроде «сахарной головки», при этом подбородочное ожерелье украшало шею и грудь. Совершенно очевидно, что центральные детали этого старинного височно-нагрудного украшения (сканные миндалевидные бляхи) аналогичны древним миндалевидным тобольским серьгам и серьгам казанско-татарским. Функционально близкое украшение головного убора видим на изображении городской астраханской татарки в старинных одеяниях (АКМ).

В тюрко-монгольском мире имеется большой круг аналогий этому украшению татарок. Это *һырга* у башкир<sup>1</sup>, *халхап сырга* у каракалпаков<sup>2</sup>, *халкаб сирга* у узбеков<sup>3</sup>, *саукелини сыргасы* у казахов<sup>4</sup>. Известно оно ногайцам<sup>5</sup>, крымским татарам<sup>6</sup>, тюрко-монгольским этносам Алтая и Сибири, особенно забайкальским бурятам<sup>7</sup> и монголам<sup>8</sup>. «Гораздо дальше от исходного вида серёг отошли височно-нагрудные украшения бурят (как, впрочем, и монгол. — *Авт.*). И дело

<sup>1</sup> Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Зауральские башкиры // Археология и этнография Башкирии. — Т. 1. — Уфа, 1962. — С. 247.

<sup>2</sup> ККГМИ, инв. 3850, инв. 56, инв. 30.

<sup>3</sup> Музей искусств Узбекистана (Ташкент, инв. 7–203).

<sup>4</sup> Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда... С. 134.

<sup>5</sup> Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев... С. 171, рис. 2.

<sup>6</sup> Рославцева Л. И. Одежда крымских татар... С. 41.

<sup>7</sup> Михайлова Е. А. Съёмные украшения народов Сибири... С. 82.

<sup>8</sup> Boyer M. Mongol jewellery..., fig. 35–38.

не только в наличии нагрудных подвесок. Они могли присутствовать и в хакасских подвесках и серьгах, а также в серьгах хантов, хотя и в более примитивном виде»<sup>1</sup>. При сохранении у всех перечисленных народов общих конструктивных признаков этого оригинального украшения именно бурятско-монгольские вариации зачастую представляют собой настоящие шедевры ювелирного искусства.

В качестве археологических прототипов можно указать серьги из Новохарьковского могильника эпохи Золотой Орды, описанные Р. Р. Каримовой. К серьгам были прикреплены серебряные цепочки, при помощи которых они соединялись на груди под подбородком<sup>2</sup>. Интересной в этой связи представляется и выполненная Е. А. Халиковой реконструкция женского костюма по материалам Больше-Тиганского древнемадьярского могильника конца VIII – первой половины IX в.<sup>3</sup> Истоки культуры последнего через Приуралье восходят к памятникам Западной Сибири, Средней Азии и Казахстана<sup>4</sup>. Крупные височные подвески в женских погребениях указанного могильника были также соединены цепочками, лежавшими под нижней челюстью в области шеи, и, очевидно, при ношении свободно свисали вниз. Сейчас трудно сказать что-либо определённое о взаимосвязи всех этих украшений. Некоторые исследователи отмечают, и, вероятно, не без основания, что подобные украшения имелись у тех народов, отдельные племена которых по происхождению были близки народам Алтая и Южной Сибири<sup>5</sup>.

**Накосники.** Украшения для кос, как и у большинства тюрков Евразии, получили у татарок



Височно-шейное украшение  
казанских татарок из коллекции А. Ф. Лихачёва.  
НМ РТ, инв. 10202

самое широкое распространение. Украшению (скрыванию волос), как известно, придавалось магическое значение. Они были чрезвычайно разнообразны по форме и особенностям декоративного оформления, по способам ношения и технике изготовления.

*Чулпы* (*чэчбау*) – накосники – в виде узкой ленты-тесьмы, вплетаемой в косы, на которую с помощью кольца крепились звенящие подвески из монет, самоцветов или подвески, плетёные из проволоки, изготовленные из разнообразных блях. *Чулпы* бытовали у всех групп волго-уральских татар (за исключением кряшен). *Чулпы* из монет, собранных в той или иной композиции, характерны для большинства тюркских народов Евразии. *Чулпы* щитковые с подвесками – плетёные или литые «под плетень» (НМ РТ, инв. 1568) – в середине XIX – начале XX в. среди татарок имели незначительное распространение. Шире они бытовали, вероятно, в более раннее

<sup>1</sup> Михайлова Е. А. Там же.

<sup>2</sup> Каримова Р. Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). — Казань, 2013. — С. 31.

<sup>3</sup> Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник // СА. — 1976. — № 2. — С. 168.

<sup>4</sup> Халикова Е. А. Зауральские истоки культуры протовенгров // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. — Уфа, 1976. — С. 52.

<sup>5</sup> Шитова С. Н. Женская одежда... С. 294.

время. Они напоминают т. н. «умбовидные» наконники, широко распространённые в средневековых финно-угорских погребениях Волго-Камья, особенно в марийских древностях<sup>1</sup>.

Чрезвычайно широко были распространены *чулпы* с бляхой в основе с прикреплёнными к ней подвесками из серебряных монет, которые изготавливались профессиональными ювелирами. Наиболее распространёнными были *чулпы*, имеющие в основе бляху лопастной формы – ажурную филигранную или сплошную (гравированную) со значительным преобладанием ажурных. Они широко бытовали у башкирок, астраханских и сибирских татарок, у многих тюркских народов, проживающих да-

леко за пределами Волго-Уральского региона – у узбечек<sup>2</sup>, казашек<sup>3</sup> и др. Татарские филигранные *чулпы* лопастной формы представлены в разделе «Искусство Ближнего Востока XVIII–XX вв.» (МАЭ, экспозиция 2015 г.).

Археологические материалы указывают на то, что татарские наконники с бляхой в основе очень древние и восходят, вероятно, к наконным украшениям болгарских женщин. Наконники ранних болгар, по сравнению с татарскими, были значительно сложнее по форме. Они состояли из надетых на ремешки спиральных бронзовых

<sup>1</sup> Крыласова Н. Б. История Прикамского костюма... С. 72–73.

<sup>2</sup> Музеи искусств Узбекистана в г. Самарканде (инв. Э-79-228) и в г. Ташкенте (инв. 7–36).

<sup>3</sup> Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда XIX – начала XX в. – Алмата, 1964. – С. 133.



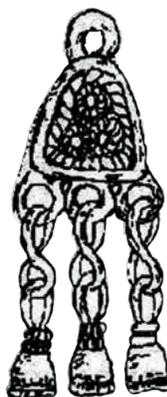
Женский костюм  
с височно-шейным украшением.  
Реконструкция по материалам  
Больше-Тигановского могильника



Наконник *чулпы* плетёный.  
Казанские татары. НМ РТ

пронизок и прикреплённых к ним конусовидных или литых «шумящих» блях-подвесок<sup>1</sup>, общей формой напоминающих традиционные татарские украшения (например, миндалевидные серьги с подвесками или *чулпы* из блях с подвесками). Они были характерны и для женского наряда древневенгерских племён, обитавших на территории Средней Волги и Нижней Камы, которые участвовали в сложении этноса и культуры Волжской Булгарии<sup>2</sup>.

Аналогичные т. н. «арочные» наконники из ажурных литых и штампованных блях с подвесками, как и упомянутые выше «умбовидные», были чрезвычайно характерны для женского наряда средневекового финно-угорского населения Пермского Предуралья<sup>3</sup>. Е. П. Казаков считает, что «арочные» шумящие подвески из Приуралья и Прикамья попали и в Волжскую Булгарию. Известно, что на Билярском городище была найдена литейная форма для изготовления «арочных» наконников, что свидетельствует об их производстве непосредственно в домонгольской столице Волжской Булгарии<sup>4</sup>. Более того, А. М. Белавин высказал предположение о том, что, «возникнув в VIII в., шумящие наконники прошли длительную эволюцию и развились в наконники типа татарских *чулпы*, прослеживаемые в этнографическое время у тюркских народов<sup>5</sup>. Нам остаётся только присоединиться к этому компетентному мнению известных археологов. В этом убеждает и тот факт, что у золо-



Арочные наконники  
Пермского Предуралья  
(Крыласова Н. Б.  
История Прикамского  
костюма...)



Наконник *чулпы* литой  
«под плетень». Сер. XVIII в.  
Казанские татары.  
НМ РТ, инв. 1568

тоордынских женщин и кочевников Восточной Европы наконники типа *чулпы* не выявлены.

*Чәч тәңкәсе (тезмә)* — наконники в виде простёганных одной или двух-трёх (обычно скреплённых между собой перемычками) полос ткани или позументных лент, прикрывающих обе косы сверху донизу, украшенных монетами, бляхами, бусинами. Нижний конец наконника *койрык* обычно оформлялся в зависимости от региональных традиций подвесками типа *чулпы*, колокольчиками или позументными кистями. *Чәч тәңкәсе* — преимущественно девичье украшение казанских татар и крышен. Бытовало оно и у касимовских татар, и у сергачских миша-

<sup>1</sup> Халикова Е. А. Погребальный обряд Танкевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. — Казань, 1971. — С. 79.

<sup>2</sup> Халикова Е. А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. — СА. — №3. — 1976. — С. 155.

<sup>3</sup> Крыласова Н. Б. История Прикамского костюма... С. 61–73.

<sup>4</sup> Культура Биляра. — М., 1985. — Табл. XXXVI — 9.

<sup>5</sup> Белавин А. М. О своеобразии ювелирной продукции Волжской Булгарии X—XIII вв. // Актуальные проблемы исторической науки : тезисы. — Пермь. — С. 20.



Реконструкция женского костюма с умбовидными накосниками (Крыласова Н. Б. История Прикамского костюма...)



Накосник *чулпы* из блях лопастной форм. Серебро, позолота, филигрань, зернь, сердолик, бирюза. Сер. XIX в. Казанские татары. НМ РТ

рей. Его носили в комплексе головного убора *ак калфак* или с большим бархатным калфаком.

Ближние аналоги накоснику *чәч тәңкәсе* из одной простёганной полосы ткани, ушитой монетами, известны у башкир, у соседних финно-угорских народов края: мордвы, удмуртов, восточных марийцев. Аналоги татарским *чәч тәңкәсе* чётко просматриваются в накосных украшениях народов Казахстана и Средней Азии, например, в накосниках из двух скреплённых между собой полос материи с нашитыми на них монетами, бляхами — у казахов, туркмен.

Происхождение накосных украшений типа *чәч тәңкәсе* Н. И. Воробьёв связывал с твёрдыми женскими головными уборами, которые имели сзади длинный, спускающийся вдоль кос «хвост»<sup>1</sup>. Однако, судя по рассмотренным аналогиям, генезис накосника *чәч тәңкәсе* представляется более сложным конгломератом финно-угорских и разновременных тюркских компонентов, включая, вероятно, и ранний кипчако-ногайский кочевнический субстрат.

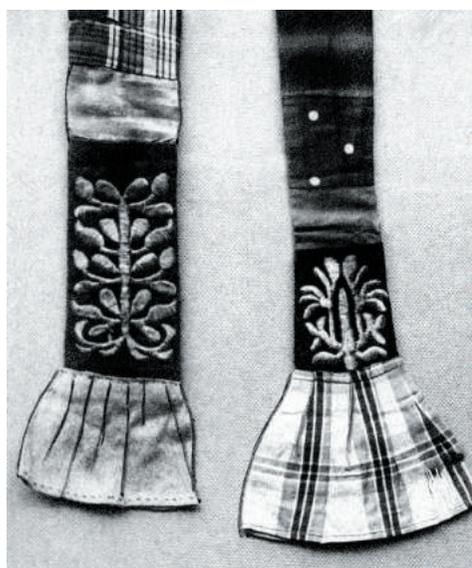
<sup>1</sup> Воробьёв Н. И. Казанские татары... С. 282.

*Чэчкап* (дословно: мешочек для кос) – накосник в виде матерчатого чехла, одеваемого на косу; украшался монетами, вышивкой или оборкой и крепился у основания кос. Нередко конец *чэчкап* также оформлялся подвесками из монет или блях. Накосник-чехол является элементом тастарного комплекса женского головного убора южной (чокающей) группы мишарей. Не исключено, что в более раннее время он бытовал и у казанских татар. Во всяком случае в татарском селе Мокрые Курналы Лаишевского уезда Казанской губернии встречалась некая промежуточная форма накосников: коса находилась почти в футляре, благодаря часто посаженным с обратной стороны накосника матерчатым перетяжкам. Накосник-чехол был известен и кряшенам Чистопольского уезда<sup>1</sup>. Термин *чэчкап*, обозначающий мишарские накосники-чехлы, использовался нередко и для девичьих накосников *чэч тәңкәсе*, и особенно у кряшен. И это не случайно: кряшены дольше и в наибольшей степени, по сравнению с казанскими татарами, сохраняли в традиционном костюме древнетюркские традиции. Заметим, что башкирский накосник – типологический эквивалент татарскому *чэч тәңкәсе*, также называется *сәскап*<sup>2</sup>. Известно, что целый ряд названий татарских украшений восходит к корням древнетюркского языка, в том числе с выделением слов, общих с определённой группой тюркских языков, например, с кыпчакской<sup>3</sup>.

Любопытными аналогами с точки зрения генезиса накосников-чехлов являются нижние головные уборы ногаек – мешочки для волос *шуткэу*, описанные С. Ш. Гаджиевой. «В шуткэу сперва опускали косы, а затем его как чепец надевали на голову. Убор плотно облегал голову и спадал с косами на спину»<sup>4</sup>. Сопоставимым в



Девичьи накосники *чэч тәңкәсе*. НМ РТ



Накосники-чехлы *чэчкап*.  
Золотное шитьё. XIX в. Мишари.  
ПОКМ, инв. № 15058, 15068

<sup>1</sup> Вечеслав Н. Н. Описание костюмов русских и инородческих крестьян Казанской губернии. — Казань, 1879. — С. 39.

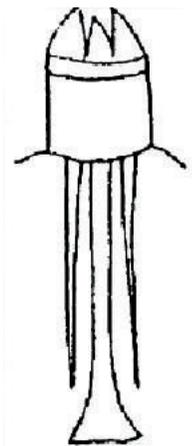
<sup>2</sup> Шитова С. Н. Башкирская народная одежда... С. 124.

<sup>3</sup> Рамазанова Д. Б. Названия одежды и украшений в татарском языке в ареальном аспекте. — Казань, 2002. — С. 305–306.

<sup>4</sup> Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев... С 150.



Туркменские серебряные украшения XIX — начала XX вв. ([www.chrone-tm.org](http://www.chrone-tm.org); [www.princeclausfund.org](http://www.princeclausfund.org)).



Головной убор кочевников на каменных изваяниях с лопастью и чехлами для кос (Плетнёва С. А. Печенеги, торки и половцы...)

Старинный женский головной убор с футлярами для кос. Казахи. Национальный музей Казахстана (Алматы). Экспозиция

типологическом и функциональном отношении с *штукъу* является нижний головной убор астраханских карагашек, состоявший из волосника-чепца, к нижнему краю которого со стороны спины пришивалась полоса ткани, прикрывающая косы (лён, ситец, шёлк, парча). Как известно, мишарки надевали накосник *чэчкап* также с чепцом.

Судя по материалам археологических раскопок, кочевники Восточной Европы также скрывали косы в специальные чехлы-футляры<sup>1</sup>. С. А. Плетнёва, описывая женские каменные изваяния, отмечает, что к головному убору «часто прикреплялась спускающаяся на спину лопасть. Если на статуе изображались косы, лопасть делалась гораздо миниатюрнее или совсем отсутствовала. Косы никогда не изобража-

лись с насечками — видимо, их носили заключёнными в футляры»<sup>2</sup>. Любопытно упоминание А. Терещенко о головном уборе казашек, относящееся к середине XIX в.: «Волосы женщины и девушки разделяют на 2 и 3 косы: две висят по плечам, третья обшита в бархат. Иногда вместо косы — лопасть, украшенная кистями, лентами и бляхами»<sup>3</sup>.

Женские накосники-чехлы типа мишарских *чэчкап* широко представлены у тюрков-кочевников Казахстана в эпоху бронзы. Они включали один или несколько чехлов для кос в виде наспинной лопасти-хвоста<sup>4</sup>. Прототипы их обна-

<sup>2</sup> Плетнёва С. А. Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях... С. 211

<sup>3</sup> Терещенко А. Следы Дешт-и-Кипчака и внутренняя Киргиз-Кайсатская орда // Москвитин. — 22. — Кн. 2. (ноябрь), 1853. — С. 68.

<sup>4</sup> Усманова Э. Р., Логвин В. Н. Женские накосные украшения Казахстана (эпоха бронзы). — Лисаковский, 1998. — С. 66.

<sup>1</sup> Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов... Рис. 25/6.



Старинный женский головной убор с лопастью.  
Казахи. Национальный музей Казахстана (Алматы). Экспозиция

руживаем у древних кочевников Алтая в скифскую эпоху. Это, например, накосники-чехлы из шерсти из Пазырыкского кургана № 2 (ГЭ, инв. №1684/242, 243).

Любопытен и возможный монгольский след в генезисе этого накосника. Например, у забайкальских бурят известны узкие длинные чехлы для кос из ткани, украшенные тесьмой, позументом, коралловыми бусами, серебряными пластинами. Е. А. Михайлова — известный исследователь украшений народов Сибири отмечает, что этот характерный для бурят накосник-чехол не имеет аналогий на территории Сибири, но достаточно распространён у ряда племён Монголии<sup>1</sup>. Богато декорированные футляры для кос характерны для монгольской знати<sup>2</sup>.

Этноархеологический анализ накосных украшений позволяет связывать их генезис с различными этническими традициями. Прототипами накосников *чулпы* являются, очевидно, средневековые украшения финно-угорского населения, широко бытовавшие в Волжской Булгарии, Казанском ханстве. Генезис матерчатых накосников *чэч тэңкэсе* и особенно чехлов *чэчкап*

тесно связан с кипчако-ногайскими кочевническими традициями, тюрко-монгольским миром в целом. Не случайно чехлы для кос широко представлены именно у южных групп татар-мишарей, наиболее тесно связанных с тюрко-кочевническими традициями Евразии.

#### Шейно-нагрудные украшения

Традиционно глубокий разрез на груди женской рубахи татарок функционально предполагает наличие массивного украшения, прикрывающего этот разрез. У татарок существовали самые разнообразные типы таких украшений.

**Лунница.** Особый интерес представляют собой широко распространённые у волго-уральских татар и кряшен матерчатые лунницы *тамакса*, ушитые двумя-тремя рядами монет, низками кораллов и снабжённые амулетом в виде раковины-каури. Ханскими прототипами этого украшения, на наш взгляд, являются металлические серебряные лунницы *айчык*, хранящиеся в фондах ряда российских музеев. Казанско-татарский вариант подобных лунниц хранится в фондах РЭМ. Это украшение из чеканной гравированной пластины, богато декорированной овальными сердоликами, осыпанными бирюзой. К нижнему краю лунницы подвешены

<sup>1</sup> Михайлова Е. А. Съёмные украшения народов Сибири... С. 79—80.

<sup>2</sup> Boyer M. Mongol jewellery... P. 77.

двенадцать металлических бляшек, имитирующих монеты с арабскими письменами, и большая пальметовидная пластина, таким же образом украшенная сердоликом, бирюзой. Более поздним аналогом является не металлическая, а матерчатая лунница из коллекции графини Шабельской, покрытая позументом, сплошь ушитая драгоценными бляхами казанско-татарской работы.

Драгоценные аналоги этому казанско-татарскому украшению ханского периода известны и у сибирских татар. Уникальным экспонатом сибирско-татарской коллекции ТГИАМЗ является женское шейное украшение *айчык*. Оно также представляет собой металлическую лунницеобразную пластину. Поверхность пластины сплошь покрыта чеканкой всех разновидностей, известных в татарском ювелирном искусстве (пуансонная, плоскорельефная и высокорельефная). Рисунок чеканного орнамента – цветочно-растительный. Мотивы идентичны золотоордынским, казанско-татарским. При этом отчётливо выделяется основной мотив чеканки – высокорельефные цветочные розетки. Центральная часть пластины украшена тремя крупными восьмилепестковыми розетками из красных, зелёных, синих самоцветов и двумя единичными на концах (рожках лунницы). По нижнему краю лунница снабжена одиннадцатью ушками для крепления подвесок, из которых сохранились только три центральные. В сохранившихся подвесках интерес вызывают сферические бусины из гладкой сканой проволоки, составленные из двух половин. Аналоги им находим в золотоордынских материалах<sup>1</sup>, этнографические параллели в украшениях народов Средней Азии, Кавказа, у татар Поволжья. Особое внимание обращает на себя центральная подвеска-амулет – медвежьих когти в металлическом футляре, украшенном бирюзой. Эта центральная подвеска не оставляет сомнений в том, что лунница действительно является местной западносибирской разновидностью татарских украшений. Это подтверждает массовый этнографический материал

об образе медведя в фольклоре сибирских татар. Судя по ранним этнографическим источникам Астраханского Государственного объединённого историко-архитектурного музея-заповедника (АКМ) матерчатая с парчовым покрытием лунница, украшенная самоцветами, бытовала в донациональный период у астраханских (юртовских) татар Нижнего Поволжья. Шитая золотом имитация лунницы присутствовала и в женских нарядах ханского периода у крымских татар. В этом убеждает знакомство с ранними экспонатами ханского дворца в Бахчисарае. Двухсторонняя техника крымско-татарского золотного шитья *татар ишлеми* настолько плотна, монументальна и изысканна, что визуально напоминает чеканку на металлических лунницах. Этот круг нагрудных драгоценностей, вероятно, восходит к элитным украшениям знати постзолотоордынских татарских ханств (Казанского, Сибирского, Астраханского), имеющих много общего и в дворцовой архитектуре, и в стиле придворного костюма.

**Нагрудники.** Женские верхние нагрудники – необходимый элемент практически каждого территориального комплекса костюма (КК) волго-уральских татар. Причём каждому комплексу соответствовал особый по форме, материалу и декоративному оформлению тип нагрудника. Картографический и историко-этнографический анализ этого материала воочию показал, с каким ареалом связан тот или иной тип или вариант нагрудников<sup>2</sup>, что, безусловно, содержит определённую информацию как по этнической истории волго-уральских татар, так и их этнокультурным взаимосвязям. Наличие локально обособленных типов нагрудников (с чётко очерченной территорией) говорит не только о многообразии и богатстве форм данного элемента, но и о различных этнокультурных традициях, лежащих в основе формирования различных групп татарского народа. Так, монетные подпрямоугольные *көмеш күкрәк* и лунницеобразные *пирта*, *фирта* нагрудники,

<sup>1</sup> Крамаровский М. Г. Золото чингисидов... Каталог: 403–408.

<sup>2</sup> Сулова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар... С. 222–228, карты 30–31.

как и золотошвейные полуовальные нагрудники *алныча* территориально связаны исключительно с мишарским населением Окско-Сурского междуречья, являясь их специфическими элементами. Причём первые два ассоциируются с северными группами мишарей, а третий с южными, точнее кузнецко-хвалынскими мишарями.

Преобладающее большинство полуовальных нагрудников формировалось в среде казанских татар, причём массивные монетные нагрудники под названием *тциллек* и *сакал* связаны с наиболее архаичной культурой казанских татар, сохранившейся у кряшен, а нагрудники *изу* – лёгкие матерчатые – с расселением казанских татар-мусульман как города, так и периферийных групп. Любопытным является факт бытования типично кряшенских нагрудников у пермских татар, сохраняющих в силу своего периферийного положения ряд реликтовых форм и элементов одежды казанских татар. Известно, что в конце XIX – начале XX в. подобные элементы костюма из быта самих казанских татар практически вышли, сохраняясь, однако, в традиционной одежде более архаичных кряшен.

Всё многообразие типов и вариантов татарских верхних нагрудников в целом сводится к четырём группам украшений, различающихся между собой происхождением. Происхождение первой группы нагрудников *изу* генетически связано с рубахой *кцлмэк*, с оформлением её грудного разреза. Для татар Поволжья и Приуралья их можно рассматривать как этноспецифический элемент культуры, не характерный в целом для других народов региона (за исключением некоторых групп башкир).

Вторую группу нагрудников объединяет общий характер основы, чешуеобразная зашивка монетами, сочетание монет с бусами, раковинами. Эти нагрудники характерны для большинства народов Поволжья и Приуралья, но в том или ином виде сохраняют для каждого народа (и внутри его локальных групп) своеобразные особенности в расцветке, характере отделки основы или орнаментации. Подобные нагрудники, изготавливаемые из ткани или кожи, с нашитыми на них различными бляшками-накладками, подвесками и бусами были распространены



Женское шейно-нагрудное украшение *тамакса*. Ткань, серебряные монеты, бусы, кораллы. Кряшены. Конец XIX в. НМ РТ



Шейно-нагрудное украшение *айчык*. Казанское ханство. РЭМ, инв. № 25405. (Традиционная культура татар XIX–XX веков. – СПб.: АО «Славия», 2012)



Лунница айчык сибирских татар.  
Металл, позолота, чеканка, гравировка,  
самоцветы. Сибирское ханство. ТГИАМЗ



Астраханская татарка  
в старинных одеяниях с нагрудной лунницей.  
Фото. АКМ



Лунница на матерчатой основе,  
ушитая ювелирными поделками. XIX в.  
Казанские татары. ОК РЭМ, инв. 757

у племён Прикамья в пьяноборскую<sup>1</sup> азелинскую<sup>2</sup> эпохи и ранее – в ананьинское время<sup>3</sup>. Следы нагрудника, украшенного металлическими трапециевидными накладками и бусами,

<sup>1</sup> Генинг В. Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. — Ч. I. // Труды Удмуртской археологической экспедиции. — Т. IV. — Ижевск, 1970. — С. 144, 161.

<sup>2</sup> Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв. — Ижевск, 1963. — С. 45, 28, 170.

<sup>3</sup> Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. — МИА. — № 30, 1952. — С. 82.



**Коралловый нагрудник яга.**  
д. Муслумово Шадринского уезда  
Пермской губ.



**Женское нагрудное украшение изц.**  
Позумент, бархат, шёлк, холст, ювелирные бляхи.  
*Казанские татары.*  
Вторая половина XIX в. НМ РТ

обнаружены Е. П. Казаковым в погребении Танкеевского могильника<sup>1</sup>. Это т. н. погребение «муромки», которое по комплексу вещей определяется им как финское. В настоящее время имеется достаточно оснований предполагать, что этот круг татарских нагрудников, как и подобные украшения других народов региона, формировался на основе местных древних, вероятно, финно-угорских традиций.

Третья группа – полуовальные нагрудники *алныча*, *алынча*, орнаментированные золотым шитьём – связана с этническими традициями южной группы мишарей, главным образом кузнецко-хвалынских.

И, наконец, четвёртая группа нагрудников, характерных для татар Зауралья и башкир. Эти нагрудники – *яга*, *яка* сплошь зашивались сеткой из кораллов или подделкой под них, нередко украшались и подвесками из нитей кораллов (коралловой бахромой). Монеты или металлические бляхи не являются здесь основным декоративным элементом оформления основы, в отличие от второй группы нагрудников. Происхождение этих нагрудников, особенно характерных для юго-восточных башкир, вероятно, связано с племенами древнесибирской культуры<sup>2</sup>. В XVIII, XIX вв. аналогичные нагрудники как принадлежность женского костюма были

<sup>1</sup> Казаков Е. П. Работы в зонах Куйбышевского и Нижнекамского водохранилища. — А. О. 1978 года. — М., 1979. — С. 177.

<sup>2</sup> Шитова С. Н. Сибирские таёжные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии. — Уфа, 1976. — С. 54, 55.

характерны для многих тюркоязычных и тунгусоязычных народов Сибири: эвенков, энцев, орочей. Так, эвенкийский нагрудник конструктивно, особенностями декора и названием отдельных его частей *дяка* является близкой аналогией нагрудникам татар и башкир Зауралья. Коралловые нагрудники широко бытовали и в качестве одного из элементов одеяния шаманов у долган, кетов, юкагиров<sup>1</sup>.

**Перевязи.** Одним из наиболее оригинальных нагрудных украшений татарок является перевязь. Это украшение из блях, монет, раковин-каури, пуговиц, различных ювелирных поделок, нашитых на плотную простёганную в несколько слоёв полосу материи или скреплённых между собой шарнирами. Перевязь одевалась через левое плечо под правую руку и, плотно облекая грудь и спину, застёгивалась под мышкой или на спине. В силу своей самобытности это украшение отмечается всеми авторами, которые хотя бы вскользь касались татарских украшений. Одно из первых описаний этого украшения, бытующего и у мишарей, приводит И. Г. Георги: «Мещеряки... носят наподобие ленты через плечо широкую серебряными и жестяными наборцами выкладенную перевязь»<sup>2</sup>. Нередко перевязь была снабжена амулетом в виде раковины каури или специального «карманца, куда кладут мелко писанный алкоран, но часто... и кусок дерева»<sup>3</sup>.

Перевязь в целом является принадлежностью женского костюма и начальное надевание её нередко связано с въездом молодой в дом жениха. Так, в Среднем Заволжье у мишарей Бугульминского и Бугурусланского уездов Самарской губернии при первом появлении в доме мужа молодая должна была наступить на перевязь, положенную на подушку<sup>4</sup>. Обряд был связан с предохранением женщины от недоброй силы и означал своеобразное пожелание ей плодовитости и богатства.

При всём типологическом разнообразии перевязей (по назначению, особенностям формы и декоративного оформления)<sup>5</sup> чётко вырисовывается два этнокультурных ареала их преимущественного распространения.

Один круг перевязей (*хаситэ, хасильтэ, хасиля*) – в виде сплошной полосы материи шириной 5–10 см, приходившейся на грудь, был связан с расселением казанских татар, включая и их периферийные группы, а также кряшен (*дэвэт*). Некоторое распространение они получили у касимовских татар и у северной «цокающей» (сергачской) группы мишарей, тесно связанных с казанско-татарской городской культурой. Эти перевязи наряду с декоративной функцией зачастую выполняли роль языческого оберега, что особенно было заметно у периферийных групп казанских татар и кряшен, или мусульманского амулета *бэти*, что характерно было для татар города и районов Заказанья. Причём второе – религиозно-магическое назначение перевязей было настолько существенным, что название *бэти* в отдельных случаях переносилось на само украшение, как это произошло, например, в ряде деревень Казанского и Лаишевского уездов Казанской губ. Порою название украшения *хаситэ* присваивалось вещи чисто амулетного характера.

В этнографической литературе большинство исследователей связывает происхождение перевязей вообще с ношением оберегов, а перевязей с *бэти* – с мусульманским обычаем носить изречения из корана, молитвы, заклинания. Любопытно наблюдение Р. Г. Мухамедовой о существовании у татар первоначально чисто нагрудного украшения *буйтомар* («буй» – грудь, «томар» – украшение), которое позднее носилось вместе с мусульманским амулетом *бэти*<sup>6</sup>. Т. А. Крюкова полагала, что перевязь у народов Поволжья имеет очень древние, ещё домусульманские

<sup>1</sup> Василевич Г. М. Тунгусский нагрудник у народов Сибири. — Сборник МАЭ. — Т. XI. — М., 1949. — С. 46, 50.

<sup>2</sup> Георги И. Г. Описание... С. 13.

<sup>3</sup> Фукс К. Ф. Казанские татары... С. 17.

<sup>4</sup> АОЭ. Материалы экспедиции Ф. Л. Шарифуллиной.

<sup>5</sup> Сулова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар... С. 230–231, карты 32–34.

<sup>6</sup> Мухамедова Р. Г. Татары-мишари... С. 119.

корни<sup>1</sup>. Причём т. н. «лесные» народы отнюдь не заимствовали её у «степных». Перевязь у них имеет свою древнюю линию развития. У мари, например, перевязи встречаются в архаичной обрядовой одежде и скорее не как принадлежность культа, а как нагрудное украшение<sup>2</sup>. В качестве обрядового украшения перевязь выступает и у некоторых групп северных удмуртов<sup>3</sup>. Как видим, происхождение этого круга перевязей тесно связано с этнокультурными традициями местных финно-угорских народов Поволжья. Украшение-амулет *хэситэ* представляет собой своеобразный синтез восточно-мусульманских традиций употребления *бетти* (охранной выписки из Корана) и местных нагрудных украшений типа перевязей, которые и у финно-угорских народов также зачастую играли роль оберега,



Перевязь-амулет. XIX в. Казанские татары. РЭМ, инв. 24878.

но скорее языческого. Не случайно поэтому подобные украшения практически неизвестны астраханским и сибирским татарам.

Другой круг перевязей (*чапук*) – в виде узкой полосы материи (тесьмы), в нижней части которой, под рукой на боку, прикреплялся специальный «карманец» для хранения амулета – территориально увязывается с культурой южной группы мишарей Окско-Сурского бассейна. «Карманец», а иногда и тесьма украшались монетами в сочетании с тамбурной вышивкой или золотным шитьём. Прямые аналоги этим женским украшениям-

<sup>1</sup> Крюкова Т. А. Материальная культура мари-цев как один из источников решения вопроса об этногенезе // Происхождение марицкого народа. — Йошкар-Ола, 1967. — С. 122.

<sup>2</sup> Крюкова Т. А. Материальная культура мари-цев... С. 122–123.

<sup>3</sup> Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда // Вятские губернские ведомости. — № 77. — 1889. — Эск. 5.



Перевязь *чапук*. XIX в. Мишари. Д. Кирино Чембарского уезда Пензенской губ.



Реликварий (амулет перевязи). Серебро, филигрань, позолота, бирюза. Монголия. XIX в. Эрмитаж, экспозиция 2014 г., инв. № КО-272

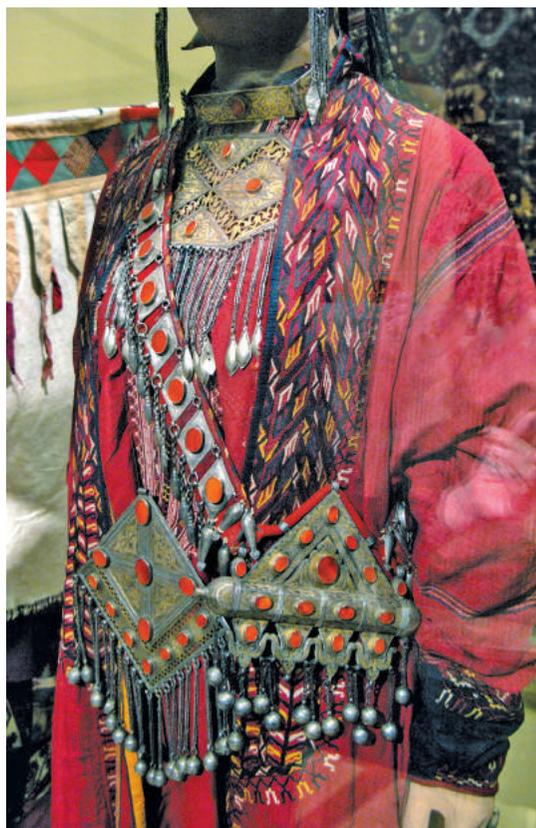


**Перевязь хаситэ из блях.** Скать, позолота.  
Самоцветы, бирюза. Сер. XIX в.  
Казанские татары. ОК РЭМ



**Амулетница.** Серебро, накладная скать.  
Золотая Орда. XIV в. Эрмитаж,  
экспозиция 2014 г., инв. № ТВ-548.

амулетам находим в коллекциях АКМ, собранных в 1929–1930 гг. В. И. Трофимовым у астраханских татар, в том числе у карагашей. Позументные или шитые золотом сумочки-карманцы для хранения оберегов, судя по ранним изобразительным материалам того же музея, носились по типу мишарских *чапук* через левое плечо под правую руку.



**Перевязь из блях хейкель**  
в комплексе нагрудных украшений туркменок.  
РЭМ, экспозиция 2014 г.

В крымско-татарских коллекциях обнаружены аналогичные амулетницы – шитые золотом сумочки-карманцы. Согласно реконструкциям О. Федорюк (БМИККТ), крымские татарки в XIX в. носили их также через левое плечо под правую руку. Близкие аналоги перевязям этого круга имеются у забайкальских бурят, монгол. Их перевязи нередко снабжались гладким или богато украшенным чеканным орнаментом или филигранью медальоном-амулетом *гуу* из золота, серебра, меди. Содержание медальона составляли различные священные предметы: тексты буддийских молитв, лоскутки одежды святых лам, лекарства<sup>1</sup>. «Носили *гуу* на груди

<sup>1</sup> Михайлова Е. А. Украшения народов Сибири... С. 52, 86.

на цепочке или прикрепляли к особой широкой перевязи, проходящей через плечо»<sup>1</sup>.

Любопытным архетипом татарских перевязей (возможно, и ханского периода) можно считать их ювелирный вариант, без матерчатой основы, состоящий из цепи крупных филигранных блях с подвесками. По художественным достоинствам такие перевязи представляют собой поистине шедевры ювелирного искусства, редкие их экземпляры хранятся в особых кладовых крупнейших музеев. Это исключительно дорогое украшение из серебряных позолоченных филигранных блях, инкрустированных драгоценными камнями, было принадлежностью высших слоёв казанско-татарской знати. Аналогичная перевязь из блях *хейкель* известна туркменам<sup>2</sup>.

Судя по экспедиционным и музейным материалам, нагрудные матерчатые украшения-амулеты вроде перевязей для сибирских татарок не были характерны. Их ювелирными эквивалентами, издавна бытовавшими у городских сибирских татарок, выступают драгоценные нагрудные амулеты-украшения, этнографические аналоги-копии которых имеются у народов Средней Азии. Очевидно, там они и были изготовлены, а попали в обиход сибирско-татарской знати с многократными волнами переселений и при посреднической торговой деятельности т. н. бухарцев — хорошо известного и значительно этнического компонента в составе сибирских татар<sup>3</sup>. Сибирско-татарские амулеты состоят из одного-двух шарнирно соединённых цилиндров и подвесных блях. Их носили на груди на цепочке. Такие амулеты-украшения издревле были характерны для тюркско-монгольских этносов Евразии. Основная функция, наряду с декоративной — религиозно-магическая. Мусульмане носили в них выписки из Корана,



**Нагрудная амулетница.**  
Серебро, позолота, филигрань бирюза.  
XIX в. Казанские татары. НМ РТ

немусульмане использовали их и как языческий оберег. Традиция ношения таких амулетов известна, в частности, до принятия ислама.

Заметим, что и у казанских татар параллельно с перевязью бытовала (главным образом у горожанок) известная с булгарских времён «*капторга*» — металлическая коранница на цепочке, которая носилась подобно медальону на груди. В татарских музейных коллекциях имеются и весьма ранние экземпляры амулетов, аналоги которым находим в золотоордынских кладах и в материалах археологических раскопок тюрко-кочевнических памятников того времени<sup>4</sup>. Это штампованные, гравированные или сканные цилиндрические футляры-амулеты с полусферическими основаниями, украшенные пастовыми вставками и обрамлённые зубчатым зернёным пояском.

**Яка чылбыры.** Весьма оригинальным шейно-нагрудным украшением татарок является воротниковая застёжка-пряжка

<sup>1</sup> Кочешков Н. В. Декоративное искусство многоязычных народов XIX — середины XX века. — М., 1979. — С. 114.

<sup>2</sup> Сычова Н. С. Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана XIX—XX веков. — 1984. — С. 121, рис. 72.

<sup>3</sup> Валеев Ф. Т. Западно-сибирские татары во второй половине XX — начале XX в. ... С. 29.

<sup>4</sup> Крамаровский М. Г. Золото чингисидов... Каталог: 487—489; Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы... С. 54, рис. 9 (3); Плетнёва С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях... С. 211.



Гривноподобное *яка чылбыры* на матерчатой основе. Кряшены. АОЭ



Гривна с подвесками. Татары. РЭМ, инв. № 25406

*яка чылбыры* с прикреплёнными к ней на цепочках подвесками. Украшение особенно было характерно для городских казанских татар. Это подтверждают этнографические коллекции А. Ф. Лихачёва и Л. О. Сиклера из НМ РТ, которые, как известно, отражают быт городской казанско-татарской верхушки. Наиболее архаичный вариант *яка чылбыры* – в виде гривны с подвесками – территориально связан с расселением кряшен Чистопольского, Бугульминского, Бугурусланского и Мензелинского уездов, встречался он и у темниковских мишарей – *чиплымонет*, и мишарей Бугурусланского уезда – *сорга*. Старинное татарское украшение в виде гривны из витой металлической проволоки с петлями и подвесками на цепочках из металлических блях, имитирующих монеты, удалось обнаружить в фондах РЭМ. Гривноподобное *яка чылбыры* является яркой иллюстрацией происхождения этого рода украшений от шейной гривны, бытовавшей у волжско-камских булгар и особенно широко – у финских народов края в древности. Этим, возможно, и объясняется его спорадическое сохранение у разных и преимущественно периферийных групп народа. Наиболее ранней иллюстрацией может служить ожерелье азелинских женщин III–V вв. На нагрудную часть ожерелья (дротовой гривны) надевались бусины, а между ними на медных продолговатых пластинах подвешивались довольно крупные халцедоновые бляхи<sup>1</sup>. Подобное же ожерелье-гривна XI–XII вв. из болгарского города Джукетау описано О. С. Хованской<sup>2</sup>.

Н. И. Воробьёв также полагал, что *яка чылбыры* в развитом виде получило развитие именно от гривны<sup>3</sup>. Само название украшения *яка чылбыры* (воротниковая цепочка) соответствует этому предположению. Эволюция украшения осуществлялась, очевидно, путём замены

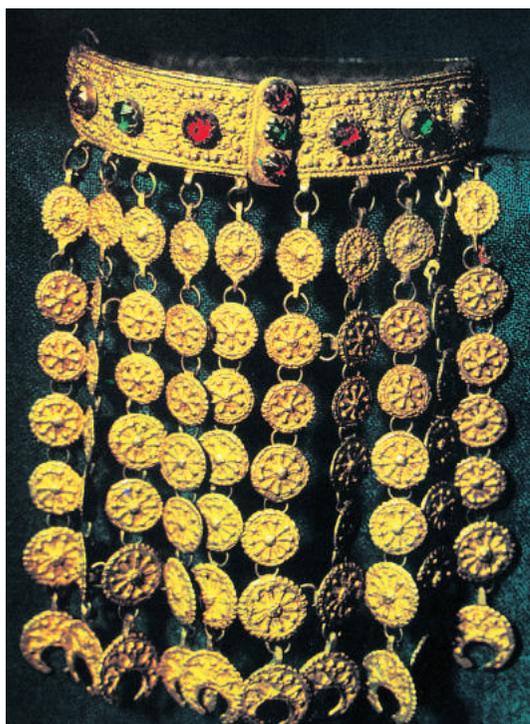
<sup>1</sup> Генинг В. Ф. Азелинская культура III–V... С. 53.

<sup>2</sup> Хованская О. С. Нагрудное украшение из болгарского города Джукетау. — С. А. — № 3. — С. 242.

<sup>3</sup> Воробьёв Н. И. Казанские татары... С. 298.



**Яка чылбыры.** Металл, позолота, филигрань, аметисты, бирюза. Сер. XVIII в. Казанские татары. НМ РТ, инв. 10217/47



**Гердан.** Ожерелье литое бронзовое с позолотой, украшенное цветным стеклом (П. Пунтев. Български народни накити...)

гривны (обруча) матерчатым (позументным) воротником-стойкой. От обруча со временем осталась только та часть, на которую крепились подвески, и которая со временем превратилась в застёжку *каптырма*.

*Яка чылбыры* в развитом виде – национальное и совершенно оригинальное украшение казанских татарок, могущее служить и этническим показателем. Воротниковая пряжка с подвесками была распространена у зажиточной части казанских татар в уездах Казанской, Самарской, Уфимской, Вятской, Пермской губ. Бытовало это украшение в костюмных комплексах молодых горожанок из среды касимовских татар, а также у сибирских татарок. Так, например, в фондах КИКМЗ (г. Касимов), ТГИАМЗ (г. Тобольск) воротниковые застёжки-пряжки выполнены, как правило, в специфической для казанской ювелирной школы спиральной технике филигрании и с характерным для неё

декором – самоцвет, обрамлённый розеткой бирюзы. То, что эти украшения не являются местными, говорят и тесёмки, прикреплённые к пряжке, которыми, очевидно, украшение завязывалось на шее сзади. Как известно, у казанских татар *яка чылбыры* крепилось иначе – к воротнику-стойке традиционной рубахи. Заметим, что аналогичное украшение в виде воротниковой застёжки с подвесками *тәпәү-ине* бытовало и у крымских татар<sup>1</sup>. В качестве крымско-татарского аналогичное украшение нам встречалось и в фондах РЭМ (инв. 7484–70).

Сложно и неоднозначно происхождение этого национального украшения. За отсутствием фактического материала мы не можем точно установить время его появления. В ранних

<sup>1</sup> Рославцева Л. И. Одежда крымских татар... С. 41.



Монисто. Фрагмент. Серебро, литьё, зернь. Волжская Булгария. X–XI вв.  
Эрмитаж, экспозиция 2014 г., инв. № 30.343

материалах (Казанское ханство?) имеются миниатюрные конструктивно аналогичные ювелирные изделия, выполненные в технике литья с застёжкой, напоминающей сдвоенные личины баранов. Но являются ли эти изделия шейно-нагрудными украшениями (воротниковой застёжкой) – функциональным аналогом *яка чылбыры* – сказать трудно. Однако исследователи XVIII в. – И. И. Лепехин, И. Г. Георги, М. Невзоров не упоминают *яка чылбыры* у казанских татар, хотя было бы трудно не заметить столь эффектного украшения. В середине XIX в. об этом украшении пишет К. Ф. Фукс<sup>1</sup>, позднее, в 70-е г. XIX столетия, упоминает его у кряшен Чистопольского уезда и у магометанок Тетюшского уезда Н. Н. Вечеслав<sup>2</sup>. Прототипы его, как видели, известны у древних болгар и финно-угорских народов Поволжья (шейная гривна с подвесками из блях, монет). Синхронные же этнографические параллели

находим в аналогичном женском украшении *гердан* из Дунайской Болгарии<sup>3</sup>, этнокультурная история которой связана, как известно, с булгарами. Некоторая восточная помпезность в облике *гердан* и отдельных вариантов татарских *яка чылбыры* не исключает влияния и ювелирных традиций Османской империи на искусство не только подвластной ей Болгарии<sup>4</sup>, но и, безусловно, единоверцев-татар через посредство крымских татар, находившихся у неё в вассальной зависимости.

**Ожерелья.** В отличие от украшений на матерчатой основе, ожерелья *муенса* (*муйса*), *муенчак* (*мөнчак*) чаще сопровождали девичью одежду, но использовались и женщинами, когда матерчатые украшения, соответствовавшие в целом ранним комплексам одежды, выходили из повседневного быта.

<sup>1</sup> Фукс К. Ф. Казанские татары... С. 15.

<sup>2</sup> Вечеслав Н. Н. Описание костюмов... С. 39.

<sup>3</sup> Пенко Путнев. Български народни накити. — София, 1981. (Комплект от 21 кадъра).

<sup>4</sup> Етнография на България // Материална култура. — Т. 2. — София, 1983. — С. 113–117.



Ожерелье *крус бавы*. *Кряшены*.  
РЭМ, инв. 25457



Монетная брошь *тэнкәле булавка*.  
Нач. XIX в. д. Ибрай Каргали  
Чистопольского уезда Казанской губ.

В середине XIX в. монетные ожерелья и ожерелья, сконструированные из сканых или чеканных блях, бытовали у всех групп волгоуральских татар. Уточним лишь тот факт, что монетные ожерелья преимущественно связаны с сельскими комплексами одежды, а ювелирные из блях — с городской культурой.

Своеобразной христианской модернизацией у кряшен был обычай использовать их в комплексе с нательным крестом *крус бавы*. Подобные ожерелья, кроме кряшен, носили христианизированные в прошлом народы Поволжья (чуваша, марийцы, мордва) и Сибири (якуты, хакасы и др.). Мордовки вместе с крестом зачастую вешали различного рода амулеты, обереги. Это дало основание В. Н. Белицер предположить, что подобное ожерелье у мордвы имеет ритуальный характер и связано не только с христианскими, но и с более древними их религиозными пред-

ставлениями<sup>1</sup>. Нательный православный крест у якутов, например, явился прообразом оригинального женского украшения *сюрэх*, которое исследователи рассматривают уже как вполне самостоятельное украшение, имеющее собственное название и органично вошедшее в традиционный комплекс женских якутских украшений<sup>2</sup>.

В целом же ожерелья у татар глубоко традиционные и очень древние по происхождению. Они бытовали наряду с другими шейно-нагрудными украшениями, вроде *яка чылбыры*, *тамакса* и т. д., не выходя полностью из моды. Прототипы татарских ожерелий легко угадыва-

<sup>1</sup> Белицер В. Н. Народная одежда мордвы... С. 126.

<sup>2</sup> Саввинов А. И. Традиционные металлические украшения якутов XIX — начала XX века. Историко-этнографическое исследование. — Новосибирск, 2001. — С. 50.

ются в материалах ранне-булгарского периода. Они представляли собой металлические цепочки или бусы с подвешенными к ним бляхами или восточными монетами<sup>1</sup>. Весьма любопытен в связи с этим клад булгарских вещей X в., обнаруженный в 1869 г. в Спасском у., близ г. Булгара<sup>2</sup>. Среди прочих вещей здесь находились ожерелья: одно — из цепочки с подвесками в виде желудей, другое — в виде цепочки с подвесками из тонких округлых бляшек с зернью, инкрустированных камнями.

**Броши.** В этнографической литературе редко упоминания о существовании у татар украшений в виде брошек. Брошь представляла собой специальную, декоративно оформленную булавку, которая кроме эстетической функции нередко выполняла и утилитарную роль: скрепляла грудной разрез женской рубахи. У татарок выделяется два типа брошей: в виде филигранной бляхи с подвесками или без — *кашлы инэ, инэлек* и монетные — *тәңкәле булавка* — из мелких, часто серебряных с позолотой монет, прикреплённых к дугообразной булавке.

О филигранных брошках Н. И. Воробьёв пишет, как об украшениях русского образца, раньше почти не носившихся татарками<sup>3</sup>. И действительно, эти брошки в прошлом были достаточно редким явлением. Они появились под влиянием общегородской, возможно, и русской культуры в конце XIX — начале XX в. и заменили собой уходящее из быта *яка чылбыры*. Да и внешне некоторые их экземпляры своими подвесками из монет, блях, самоцветов очень напоминают *яка чылбыры*. Ареал их распространения также связан с культурой казанских татар референтной группы, причём чаще с их социальной верхушкой. Эти

<sup>1</sup> Казаков Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья — Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН СССР, 1971. — С. 115; Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник... С. 168.

<sup>2</sup> Русские древности... С. 96, рис. 122; С. 98, рис. 129, 130.

<sup>3</sup> Воробьёв Н. И. Казанские татары... С. 312.



Обшлак-манжета *кэапакъ* женского платья *антер*.  
Золотное шитьё. Крымские татары.  
XIX в. РКТМИ



Астраханская татарка в старинной одежде с богато декорированной манжетой рукава. Открытка



Браслет - мажета, скреплённая застёжкой каптырма. Филигрань, аметисты, жемчуг, золотые монеты.  
Нач. XIX в. Восточно-Казахстанский областной музей (г. Усть-Каменогорск)

броши бытовали и в costume молодых женщин у касимовских татарок.

Монетная брошь *таңкале булавка* – деревенский вариант украшения, широко бытовала в деревнях Заказанья и Восточного Закамья, у пермских и уфимских татар. Вероятно, этот тип брошей более архаичный. Он перекликается с финскими фибулами типа *сюльгам*.

Большинство шейно-нагрудных и головных украшений татарок тесно связаны эстетически и порою генетически с комплексами самой одежды: рубахой, головными уборами. Они представляли собой съёмную, но зачастую обязательную деталь. С заменой или выпадением таких деталей комплекс костюма неизбежно терял свою локальную специфику.

#### Украшения рук

Браслеты, перстни, кольца более автономны как категория культуры и меньше связаны с комплексами самой одежды (региональными, хронологическими, возрастными). Именно по-



Застёжка браслета каптырма. Серебро, позолота, бугорчатая филигрань, аметисты, жемчуг.  
Сер. XIX в. Казанские татары. НМ РТ

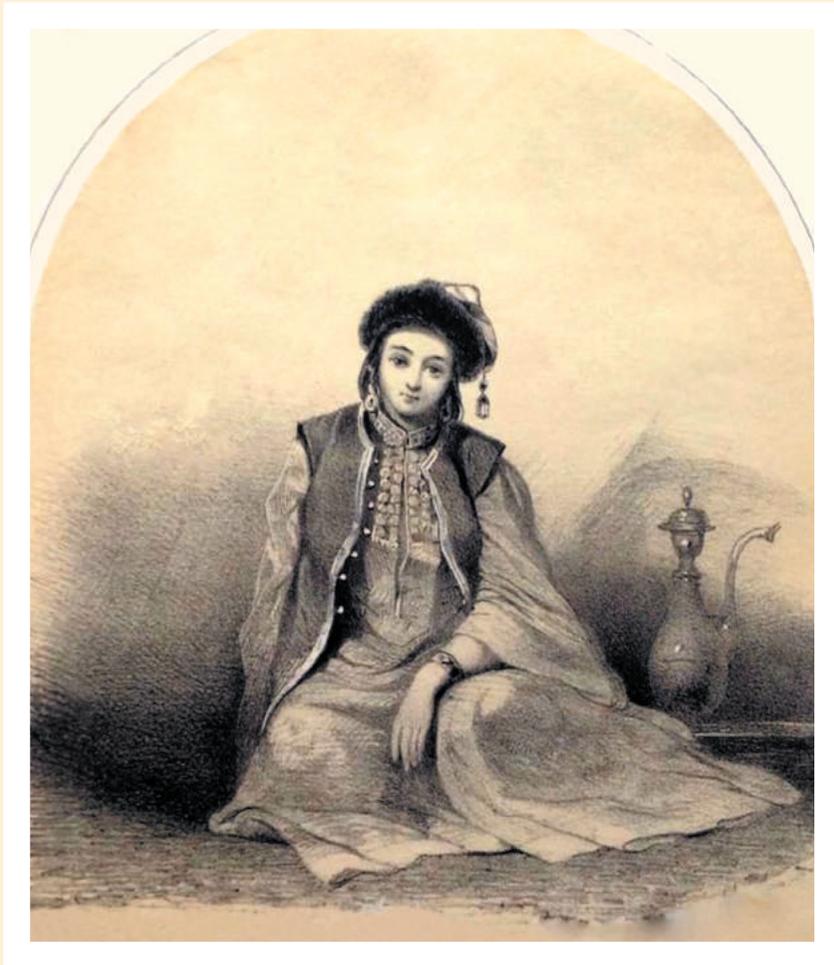
этому они имеют глубокие корни в ювелирном творчестве народа, начиная со времён Волжской Булгарии<sup>1</sup>. Особый интерес своей архаичностью представляют собой широкие браслеты-обшлаги, состоящие из ниток жемчуга или бисера, нередко посаженных на матерчатую основу. Браслеты скреплялись на руке при помощи специальных застёжек *каптырма*. Застёжки имели строго определённую вытянутую прямоугольную форму, богато инкрустировались и изготовлялись, как правило, в технике филигрании. Огромное их количество хранится в фондах музеев, однако в исследуемое время в быту татар они практически не встречались. Об этом ещё в середине прошлого столетия писал Н. И. Воробьёв<sup>2</sup>. Вероятно, браслеты-обшлаги являются принадлежностью костюма более раннего времени. Их функцио-

нальным аналогом можно считать расшитые золотом манжеты-запястья *ен капак* крымских татарок. В одежде с высокими до локтя манжетами, декорированными жемчугом и самоцветами, изображена на старинной открытке астраханская татарка. Подобные манжеты видим и на изображении знатной татарки на гравюре начала XVIII в. Корнелия де Бруин.

Компонентный историко-этнографический анализ этноспецифических элементов народного костюма отражает тесные этнокультурные взаимосвязи волго-уральских татар с башкирами, сибирскими, астраханскими, отчасти и крымскими татарами степной группы. Эти взаимосвязи основаны на сложном комплексе взаимодействий разновременных (древних, средневековых и более поздних) преимущественно тюрко-монгольских и финно-угорских компонентов, проявившихся в покроях, конструкциях, формах, технологических приёмах изготовления, в функциональном назначении и способах ношения отдельных элементов костюма.

<sup>1</sup> Сулова С. В. Женские украшения казанских татар... С. 48–56.

<sup>2</sup> Воробьёв Н. И. Казанские татары... С. 306.



#### ГЛАВА IV

### ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА ПО ДАННЫМ НАРОДНОГО КОСТЮМА

Районирование стало возможным благодаря анализу элементарных и комплексных карт Атласа, отражающих территориальное распространение наиболее важных, «этнически окрашенных» комплексов народного костюма. Основным хронологическим периодом для выделения территориальных комплексов одежды, как и украшений, является середина XIX в. В этот период времени они были достаточно стабильными, с конкретными этнотерриториальными очертаниями<sup>1</sup>.

Одновременно картографические материалы позволяют утверждать, что и в середине XIX в. традиционная одежда волго-уральских татар была достаточно единой по многим параметрам. Она была общей по составу и покрою основных видов плечевой и поясной одежды, включая их нижние и верхние разновидности. Основу любого территориального комплекса составляли длинная, широкая, с длинными и широкими рукавами туникообразная рубаха (без шва на плечах, с ластовицами, с широкими вставными боковыми клиньями, с центральным грудным разрезом) и характерные для тюркских народов штаны «с широким шагом». Наплечная одежда (включая и рубаху) была исключительно с вертикальными швами. Горизонтальное членение одежды (рубахи на верхнюю и нижнюю части, верхней одежды по линии талии) представляет вторичный признак. По всему региону в основном преобладала приталенная одежда со сплошной спинкой, двубортные полы имели запах справа налево; правая и левая полы по покрою и размерам были одинаковые. Едины по всему региону и матерчатые кушаки, традиционная кожаная обувь, а также мужские головные уборы — тюбетейка, шапка с матерчатым верхом и меховой оторочкой.

Различия наблюдаются прежде всего в женских головных уборах, декоративном оформлении

их костюма. Они касаются в той или иной степени всех групп волго-уральских татар. Таким головным убором, дошедшим до конца XIX в., является, например, *тастар*, который образует крупный массив на западе региона и лишь небольшие островки в Приуралье. Основным рубежом распространения тастарного комплекса и других головных покрывал является р. Сура. Это рубеж, разделяющий древние районы проживания мишарей и казанских татар. Западнее Суры поселения казанских татар отсутствуют. И наоборот, поселения мишарей, восточнее названной реки, относятся лишь к сравнительно позднему периоду (не ранее конца XVI — начала XVII в.).

### 1. Этнотерриториальные комплексы одежды<sup>2</sup>

На основании анализа многочисленных карт Атласа и сделанного выше обобщения представляется возможным выделить у татар Поволжья и Урала следующие этнотерриториальные комплексы традиционной женской одежды.

*Комплекс I — темниковско-азеевский* (уезды Рязанской, Тамбовской, Пензенской губ.). Он включал в себя домотканую туникообразную рубаху с цельным или укороченным остовом и пришитым к его нижнему краю воланом. Архаичная рубаха шилась из белого холста и украшалась на груди и по подолу специфической вышивкой (в технике «мелкий крест», т. н. счётная вышивка по разреженному холсту). Штаны с широким шагом с большой прямоугольной вставкой и большими, достигающими до низа штанин, клиньями. Нижний нагрудник — *күкрәкчә* чаще украшался аппликацией из кусочков разноцветной ткани. Из верхней одежды сюда входили камзол и бешмет с цельной приталенной спинкой. Преобладающий

<sup>1</sup> Сулова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала... Карта № 17 «Комплексы традиционной женской одежды татар Поволжья и Урала (середина XIX в.)»; Карта № 36. «Комплексы украшений женского костюма татар Поволжья и Урала (середина XIX в.)».

<sup>2</sup> Территориальные комплексы традиционной одежды волго-уральских татар в значительной степени соответствуют результатам предпринятого ранее исследования диалектологов: Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья. — Казань : ИЯЛИ, 1989.



камзол или бустрык с короткими до локтя рукавами, *бишмэт*, *тун*. Это тот же в целом комплекс полотенцеобразного головного убора и обувь. Его специфика заключается в особенностях декоративно-художественного оформления элементов костюма: применение высокохудожественной гладевой техники шитья золотом. В технике золотошвейной глади украшались волосники-чепцы, бархатные чехлы для волос, концы тастаров, верхние бархатные нагрудники *алынча* и др. Оригинален способ ношения кузнецко-хвалынского тастара. Поверх тастара надевалась специальная повязка, предназначенная для укрепления его на голове. Концы такой повязки завязывались на затылке. Отличается здесь и оформление нижнего женского нагрудника. Их вышивка весьма разнообразна как по технике (тамбур, гладь), так и по используемому материалу (шёлк, канитель, золотые и серебряные нити), а особенно по характеру орнамента: «вихревая розетка» (солярный знак), спиралеобразные и S-образные фигуры, розетки и т. д.

*Комплекс IV – касимовский* (Касимовский уезд Рязанской губ.). Он включает туникообразную рубаху из пестряди в клетку или фабричной ткани, штаны с «широким шагом», верхнюю одежду с приталенной спинкой (*камзол*, *бишмэт*, *тун*). Спецификой отличается тастарный комплекс. Волосник состоял из двух элементов: чепца и накосника чехла – *баиш* ием. В городе вместо волосника чаще надевали большой трикотажный калфак. Поверх того и другого особым образом завязывали *тастар*. Такие тастары, предназначенные и для повседневной носки, часто имели лишь один украшенный конец, который располагался на спине или плече (нередко его спускали через плечо на грудь). Неукрашенный конец, обернув вокруг лица, пропускали над подбородком и закрепляли у виска специальной заколкой – украшением (или просто заправляли). Концы тастара (или один конец) орнаментировались плотной многоцветной тамбурной вышивкой цветочно-растительного характера. У горожан тастары обычно изготавливались из светлой кисейной

ткани фабричного производства и вышивались профессиональными мастерицами. Обувь не отличалась оригинальностью. Это ичиги, *кэши*, часто узорные; чулки шерстяные, вязаные.

*Комплекс V – сергачский* (Сергачский, Васильсурский уезды Нижегородской и Курмышский уезд Симбирской губерний). Он отличался наибольшей самобытностью. Здесь преобладала рубаха, сшитая из пестряди в клетку, которая резко отличалась от рубах других групп мишарей наличием ярких разноцветных матерчатых нашивок (лоскутный узор) на груди, плечах, рукавах и подоле. Называлась таким образом декорированная рубаха *юле кцлмэк*. Однако в комплексе одежды пожилых женщин преобладала рубаха из белого холста с широким воланом на подоле и кумачным *изу* на груди. Нижний нагрудник – *кцкркчэ* также украшался аппликацией из ярких кусочков фабричной материи. Из верхней одежды преобладали летом камзолы, в межсезонье – полубешметы, зимой – длинные стёганые бешметы – *тун* или шуба – *тире тун*. Бытовал также *зыбын*, пошитый из домашнего сукна. Головные уборы сергачских мишарок, также весьма оригинальные, сохранили к тому же и возрастные особенности их использования. Молодые женщины носили волосник в виде плотно облегающего капюшона *башкигеч*, украшенного разноцветными кусочками ткани. Поверх него надевалась повязка – платок, сложенная на угол и повязанная узлом на затылке. Комплекс головного убора пожилых женщин включал полотенцеобразный тастар с широким и длинным концом – *тастар сапмасы*, составленным из прямоугольных, разноцветных кусочков фабричной ткани. Из обуви носили кожаные ичиги и *кэвеш* или косоплетённые лапти с суконными *тула оек* или шерстяными вязаными чулками.

*Комплекс VI – казанско-татарский* (Казань, Заказанье; уезды Казанской губ.) Основополагающими элементами комплекса являлись туникообразная рубаха с нагрудником *изу* и верхним воланом – *оске итэкле кцлмэк*, сшитая обычно из фабричной ткани, реже из полотна домашнего производства (крашенины или

пестряди) и нижняя поясная одежда *ыштан* с «широким шагом». В комплекс также входили фартук с узкой грудкой, декорированный тканым орнаментом или богатой тамбурной вышивкой цветочно-растительного характера и приталенные *камзол* (или *кәсебике*) и бешмет (или *тун*). Основными головными уборами были нижний фабричный платок, большой трикотажный или бархатный калфак, покрывало – *бөркәнчек*. У женщин старшего поколения головным убором служило белое треугольное покрывало – *өрпәк* или *кыекча*, поверх которого надевали шапку *тупый* или *камчат бюрек*. Выходной обувью служили кожаные ичиги и *кәци*, часто узорные, рабочей – лапти с прямоплетённой головкой в сочетании с суконными чулками – *тула оек*.

*Комплекс VII – пермский* (уезды Пермской губ.: граница проходит по Красноуфимскому уезду; Бирский и часть Златоустовского уезда Уфимской губ.). В общих чертах он представляет собой наиболее архаичную вариацию казанско-татарского комплекса. В костюме пермских татар сохранились те реликтовые формы и элементы народной одежды, которые раньше вышли из употребления у самих казанских татар. К таким элементам относятся, например, верхняя холщовая одежда *чоба* из самодельного сукна *чикмән*, девичий головной убор *ак калфак*, женский волосник – украшение *маңгайча*. Оригинальность комплексу придавали специфические местные особенности. Особый колорит ему придавали холщовые *чыба* и *күлмәк* из ткани с цветным браным узором, верхняя одежда *букафтан*, шапочка-калфачок с плоским верхом *түбәтәй калфак*, некоторые типы обуви – *бушимлы чабата*, *көнжирыйк* и др.

*Комплекс VIII – заказанско-западно-закамский* (*кряшены*); распространён в Спасском, Чистопольском, Лаишевском, Мамадышском уездах Казанской, а также в Малмыжском уезде Вятской, Мензелинском уезде Уфимской губерний. Нижнюю одежду представляла домотканая рубаша чаще с верхним воланом, домотканый передник с узкой грудкой с богатым браным орнаментом, штаны с «широким шагом». Из верхней одежды это приталенный камзол

(или *жилән*), а также *чикмән* (или *әрмәк*) с отрезной и присборенной спинкой. Он отличался особым комплексом женского головного убора, который состоял из волосника *мәләнчек*, монетного височного украшения *жилкәлек*, головного покрывала *сүрәкә*, полотенцеобразной повязки *ак яулык* и праздничного (свадебного) покрывала *түгәрәк яулык*. Из обуви бытовали кожаные *кәвеш*, а в качестве рабочей – лапти с прямоплетённой головкой в сочетании с суконными чулками *тула оек*.

*Комплекс IX – елабужский* (*кряшены*); распространён в Елабужском, на юге Малмыжского уездов Вятской, на севере Мамадышского уезда Казанской, на севере Мензелинского уезда Уфимской губерний. Основными элементами комплекса служили туникообразная рубаша с нижним воланом-оборкой *өсте итәкле күлмәк*, сшитая из домашней пестряди в клетку или фабричной ткани и штаны с «широким шагом». Обязательным элементом комплекса являлся также домотканый пестрядийный передник *алъяпкыч* с узкой грудкой, часто с сатиновым воланом по низу, богато орнаментированный художественным полихромным браньем (выборная техника). Из верхней одежды в него входят камзол с цельной приталенной спинкой или *джилян* (*жилән*) с прямой спинкой (или с боковыми надрезами и сборками) и *армяк* – *әрмәк* с отрезной, сильно соборенной спинкой. Женский головной убор состоял из волосника *мәләнчек*, головного покрывала *баш яулык* или *чукол*, налобной позументной или монетной повязки, монетных наушников полуовальной формы. Во время праздничных (обрядовых) торжеств – масленица, свадьба – замужние женщины вместо покрывала *чукол* надевали головное покрывало *сүрәкә*, налобная часть которого была полукруглой и напоминала русский кокошник. Часто использовался фабричный платок с кистями, который повязывался «по-русски» (сложив на угол узлом под подбородком). Обувь не отличалась особенностями: кожаные *кәвеш*, высокие ботинки, лапти «татарские» (прямоплетённые) в сочетании с суконными или вязаными чулками.

Комплекс X — молькеевский (кряшены); бытовал в Цивильском уезде Казанской губернии. Преобладающими элементами комплекса были туникообразная рубаха из клеточной пестряди с двумя однотонными оборками по подолу — *ике итәкле күлмәк*, запон без грудки — *ялма*, вышитый крестиком или тамбуром. Верхняя одежда (летняя — *пустау халат*, демисезонная — *чикмән* и зимняя — *тун*) обычно была присборенной — «борчатка». Комплекс головного убора состоял из двух элементов: полотнообразного тастара и специального платка-шарфа — *чыбар яулык*. Древними архаическими уборами являлись женский шлемообразный головной убор со спиной-лопастью *кашбу* (*кашпау*) и девичья бисерно-монетная шапочка *такыя*.

Комплекс XI — нагайбакский (кряшены); бытовал в Троицком, Верхнеуральском уездах Оренбургской губ. Основные элементы комплекса находят аналоги в костюмах других групп волго-уральских кряшен, кроме молькеевских. Туникообразная пестрядийная рубаха, часто с нижним воланом, и передник с воланом оформлялись богатым полихромным браным орнаментом или специфическим «сочным» аппликационным орнаментом, т. н. «лоскутным узором» в виде круговой композиции на груди и ниже талии. Штаны с «широким шагом» из пестряди в полосу были несколько длиннее обычных. Верхняя одежда — бархатные и кашемировые *жилән*, *чикмән* из сукна собственного производства были приталенными, а шубы — дублёные и крытые чаще кроились отрезными по талии и сильно присборенными — «борчатка». Верхняя одежда носилась с широким домотканым кушаком — *билбау*. Головной убор женщин составлял комплекс *сүрәкә*, поверх которого надевали фабричный платок, сложив «по-русски». У нагайбачек отсутствовало головное покрывало пожилых женщин *ак яулык*, характерное для заказанско-западно-закамских кряшен. Обувь — лыковая — плетёные калоши, лапти прямого плетения, которые одевались с вязаными или суконными чулками.

Комплекс XII — зауральский (Краснофимский, Екатеринбургский, Шадринский

уезды Пермской губ.; Челябинский, Троицкий, Верхнеуральский уезды Оренбургской губ.). Зауральский комплекс во многом испытал влияние башкирского народного костюма. Здесь была характерна богатая полихромная вышивка нижней, в том числе и мужской одежды (высокий полихромный тамбур с заполнением), составляющая, как известно, и специфику башкирского костюма смежных территорий. Из верхней одежды наряду с распашной одеждой с приталенной спинкой бытовала и одежда с прямой спинкой, более характерная для башкир. То же можно сказать о женских головных уборах, *кушъяулык*, *тастар*, и о специфической для башкир войлочной, часто орнаментированной обуви — *сарык*.

## 2. Этнотерриториальные комплексы украшений

Комплексы традиционных украшений содержат в себе не менее ёмкую историко-культурную информацию об их носителях. Татарские женские украшения условно делятся на две группы, различающиеся между собой по особенностям изготовления и требующие в связи с этим различных подходов к их картографированию и соответственно анализу результатов картографирования.

Одна группа включает в себя украшения, которые изготавливались обычно самой женщиной, исходя из территориальных и этнических традиций. Это весьма характерные для татар металлические украшения на матерчатой основе различного назначения, разнообразных форм и декоративного убранства. Сюда же входят и украшения без матерчатой основы в виде различных композиций из монет, бус, блях, цепей. Украшения этой группы обладают локально выраженной типологической вариативностью, изучение которой позволило проследить закономерности их распространения во времени и пространстве.

Другая группа — многочисленные типы серёжек, накосных украшений — *чулпы*, шейных украшений — *яка чылбыры*, блях и т. д. изготавливалась профессиональными ювелирами и пред-

ставляла собой своеобразный атрибут развитой городской культуры. Присутствие этой группы украшений в костюмных комплексах различных этнотерриториальных образований не всегда объясняется только местными традициями, но и отходничеством, ярмарочной торговлей и функционированием т. н. «вторичных ювелирных центров», созданных на базе казанско-татарских городских ювелирных традиций. География их распространения сама по себе чрезвычайно важна, поскольку является своеобразным индикатором степени влияния городской культуры.

При выделении территориальных комплексов украшений учтены следующие объективные трудности. Одна из них – отсутствие чётко выраженной возрастной дифференциации в использовании украшений. Другая связана со свободой выбора конкретного комплекта из традиционного набора украшений, составляющих данный территориальный комплекс. Женщина всегда имела возможность надеть тот комплект украшений (в рамках традиций), который отвечал её природному вкусу, более всего соответствовал конкретной ситуации, данному наряду. Выбор комплекта украшений определялся, естественно, и материальными возможностями (у незамужних женщин в целом украшений было меньше).

Некоторые трудности для анализа и интерпретации материала представляли собой т. н. «неполные комплексы украшений», наличие которых приходилось констатировать у той или иной группы этноса. Последнее связано, вероятно, с трансформацией ранее устойчивых этнотерриториальных комплексов, что происходит в условиях миграций и смены этнического окружения (в частности, это касается Нижнего Предволжья, Нижнего Заволжья, ряда приуральских уездов).

Анализ наручных украшений показал практическое отсутствие у татар локальных и других различий в их употреблении, поэтому выделить их комплексы не удалось. Однако наиболее общие тенденции и закономерности их территориального бытования, а также социально-классовые и возрастные особенности их использования в костюме учитывались.

Локализация территориальных комплексов украшений женского костюма в целом соответствует территориальным комплексам одежды.

*Комплекс I – темниковский.* Из головных украшений – это накосник (чехол) *чэчкап*, височное украшение в виде иглы с подбородочной цепочкой для крепления тастара на голове, небольшие монетные серьги. Из шейно-нагрудных украшений – оригинальная перевязь *чапук*, шейное украшение – *якалык*, нагрудник лунницеобразной формы. Этот комплекс имел компактную территорию распространения у татар Нижнего Предволжья и Окско-Сурского междуречья (за исключением касимовских татар). Отмечен он и в Нижнем Заволжье.

*Комплекс II – сергачский.* Из головных украшений он включал в себя тот же набор, что и первый комплекс. Из шейно-нагрудных – особый тип перевязи *бутьмар*, *патемар*, шейно-нагрудное украшение – *пету*, особый тип монетного подпрямоугольной формы нагрудника с вырезом для горловины. Этот комплекс был распространён в уездах Нижегородской и Курмышском уезде Симбирской губерний.

*Комплекс III – казанско-татарский «городской».* Головные украшения: серьги, чаще миндалевидные с подвесками, накосники – *чулпы* (чаще лопастной формы), выполненные в сложной ювелирной технике (скань, зернь, гравировка) в сочетании с самоцветами. Девушки (изредка и молодые женщины) вместо чулпы надевали матерчатый накосник, украшенный ювелирными поделками: бляхами, монетами. Набор шейно-нагрудных украшений состоял из позументного нагрудника *изц*, украшенного ювелирными поделками, перевязи полулунной формы, часто обшитой позументом и украшенной бляхами, ювелирными поделками в виде подвесок, а также оригинального украшения *яка чылбыры*, броши в виде бляхи с подвесками, ювелирного ожерелья *сырга*. Заметим, что в Средне-Волжском регионе у татар вместо *яка чылбыры* и *сырга* функционально чаще использовалась брошь – сканая с подвесками. Этот комплекс украшений как единичное явление можно было встретить повсеместно. Активное

же его бытование обнаруживается у референтной группы этноса, а также у казанских татар Вятской губ. и прилегающих к Казанской губ. уездах Симбирской губ., у сергачских мишарей и касимовских татар.

*Комплекс IV – казанско-татарский «сельский».* Головные украшения представляли собой различные вариации монетных серёг и монетных же чулпы. Заметим, что в девичьем варианте данного комплекса вместо чулпы одевался особый матерчатый накосник, также украшенный монетами. Шейно-нагрудные украшения состояли из монетного, обычно полуовальной формы нагрудника, монетной же перевязи полулунной формы, использовавшейся без амулета. Вместо нагрудника женщины могли надеть шейное украшение на матерчатой основе – *муенса*, монетное ожерелье, бусы или монетную брошь. Как бытующее явление этот комплекс был распространён в тех территориальных границах, что и третий (городской) комплекс, но со значительным охватом и чисто мишарских районов Окско-Сурского междуречья, Среднего и Нижнего Заволжья. У сергачских мишарей четвёртый комплекс встречался обычно с неполным набором элементов.

*Комплекс V – казанско-западно-казанский (кряшены).* Набор головных украшений состоял из монетного височного украшения *жилкалек* и крупных миндалевидных сканых, а также пластинчатых или монетных серёг, нередко соединённых между собой специальной цепочкой или лентой *сырга бавы*. Шейно-нагрудные украшения состояли из украшения на матерчатой основе – *муенса* в сочетании с монетным, чаще овальной формы нагрудником и монетной же перевязью полулунной формы. Этот комплекс отличался особой устойчивостью и чёткостью состава входящих в него элементов. Он характерен для большинства групп кряшен, проживающих в исследуемом регионе. Это Лаишевский, Мамадышский, Спасский, Чистопольский уезды Казанской и Малмыжский уезд Вятской губ. У нагайбаков Оренбуржья этот комплекс бытовал с неполным набором перечисленных элементов.

*Комплекс VI – елабужский (кряшены).* Он состоял из монетной головной повязки – *маңгай тәңкәсе*, монетного височного украшения – *чигдәчә*. Шейно-нагрудные украшения представляли широкая монетная перевязь «кольцо» и шейно-нагрудное украшение на матерчатой основе – *тамакса*. Заметим, что в данном комплексе у женщин отсутствовал монетный нагрудник, характерный здесь исключительно для девичьей одежды. Комплекс характерен для кряшен, проживающих в Елабужском уезде Вятской губ. на севере Мензелинского уезда Уфимской губ. В неполном наборе элементов он бытовал у кряшен, проживающих в уездах, примыкающих к Елабужскому: на севере Мамадышского уезда Казанской и на юге Малмыжского уезда Вятской губ. Полного аналога украшениям шестого комплекса нет у других групп народа. Отдельные же его элементы бытовали у татар-мусульман Бирского уезда Уфимской губ., а также Осинского, Кунгурского, Красноуфимского уездов Пермской губ.

*Комплекс VII – молькеевский (кряшены)* отличался заметным своеобразием. Практическое отсутствие в традиционном костюме серёг, вероятно, объясняется плотными головными уборами, скрывающими уши. В косы, кроме монетных подвесок, вплетались раковины-каури; матерчатые накосные украшения отсутствуют. Оригинальны и схожи с чувашскими монетная перевязь и бисерное ожерелье – *кыл бау*. Как и у других групп татар, особенно кряшен, здесь широко бытовали пластинчатые браслеты и кольца, украшенные подвесками из монет. Бытовал в Цивильском уезде Казанской губ.

*Комплекс VIII – зауральский.* Из головных украшений сюда входили подбородочно-височные украшения *сакалдык*, *сырга* и монетные чулпы, которые соответствовали головному убору *кушъяулык*. Из шейно-нагрудных – трапециевидный монетный нагрудник *яга* или *селтәр*, украшенный монетами и кораллами, и таким же образом украшенная перевязь. Восьмой комплекс бытовал главным образом в восточной части обследованной территории, на востоке Красноуфимского

и в Шадринском уездах Пермской губ., в Златоустовском, Уфимском уездах Уфимской губ. и в Оренбуржье (Челябинском, Троицком, Верхнеуральском уездах).

### 3. Ареалообразующие костюмные комплексы (КК)

Территориальные комплексы традиционной одежды и украшений дают основание выделить особые этнокультурные ареалы и своеобразные зоны и подзоны внутри их, связанные с тем или иным структурным подразделением татарского этноса. Ареал включает в себя территорию распространения тех комплексов одежды и украшений, которые по основным типологическим показателям имеют общую основу. Зона включает территорию распространения одного конкретного комплекса внутри ареала. В ряде случаев внутри зоны выделяются подзоны на основании отдельных немногочисленных, но важных с точки зрения будущей интерпретации элементов.

**Центральный этнокультурный ареал.** Он включает уезды Казанской, Вятской, Самарской, частью Пермской, Уфимской и Оренбургской губ. и характеризуется преимущественным функционированием в его пределах тех комплексов костюма, которые так или иначе связаны с культурными традициями казанских татар. Этот ареал является территорией наиболее интенсивного функционирования элементов сельского и городского костюма казанских татар: городских калфаков, т. н. «городского» ювелирного комплекса украшений, мозаичной обуви и т. д., которые в конце XIX в. легли в основу формирования татарского национального костюма. Центральный ареал отличается достаточной целостностью и однородностью с точки зрения распространения в нём единообразных покроев, форм, аксессуаров, декоративно-художественных особенностей оформления костюма – всего того, что идентифицирует собой яркую этническую символику формирующейся татарской нации. Это большой городской калфак, деревенский *ак калфак*, особые покрывалообразные головные уборы – *өрпәк*, спедифици-

ческий приталенный *өч билле*, *биш билле* покроем верхней одежды, узорная кожаная обувь, применение для декоративного оформления женской и мужской одежды узорного ткачества. Достаточно чётко в эти границы укладывается и казанско-татарская традиция оформления нижних женских нагрудников – *күкрәкчә* тамбурной вышивкой и многое др.

**Заказанская зона.** г. Казань и Заказанье (Казанский, Лаишевский, Мамадышский уезды Казанской губ.) являются выразителями наиболее ортодоксальных черт в костюме казанских татар Центрального ареала, которые главным образом связаны с этнокультурными традициями тюркских этносов Евразии. Казань и Заказанье – это основная этническая территория, откуда в последствии по разным причинам осуществлялись миграции. Именно здесь оформилось политическое, экономическое и культурное ядро татарского народа.

**Северо-восточная – «пермская» зона.** Особую этнокультурную зону Центрального ареала по ряду параметров составляет его северо-восточная часть, условно «пермская» зона. В неё входят уезды Пермской губ. (граница проходит по Красноуфимскому уезду) и северные уезды Уфимской губ. (Бирский и часть Златоустовского). Здесь, в частности, был распространён оригинальный тип женских волосников – *маңгайча*, оформился и получил распространение в Приуралье особый тип женских калфачков, т. н. шапочки-наколки. Именно в пермской зоне получил высокий уровень и большую степень распространения художественный текстиль – своеобразная техника орнаментации ткани (*күбәләк*), используемой для пошива нижней (обычно праздничной, свадебной) женской и мужской одежды. На северо-востоке бытовали оригинальный вариант верхней одежды *букавтан* (по материалу пошива и по крою напоминающий кряшенский *жилән*), весьма архаичный тип распашной холщовой одежды *чыба*, а также оригинальные виды обуви *бушимлы чабата* и *көнжирыйк*. По большинству перечисленных элементов, за небольшим исключением (к такому исключению можно

## ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АРЕАЛ (ЗАКАЗАНСКАЯ ЗОНА)



Костюм молодой горожанки. Сер. XIX в.  
Казанские татары. НМ РТ



Городской комплекс девичьего костюма.  
Сер. XIX в. Казанские татары. РЭМ

## ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АРЕАЛ (ЗАКАЗАНСКАЯ ЗОНА)



Выходная одежда казанской татарки.  
Кон. XIX в. НМ РТ



Комплекс одежды пожилой горожанки.  
Казанские татары. Сер. XIX в. РЭМ

## ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АРЕАЛ (ЗАКАЗАНСКАЯ ЗОНА)



Комплекс  
одежды  
крестьянки  
Мамадышского  
уезда  
Казанской губ.  
Сер. XIX в.  
Казанские  
татары. РЭМ



Татарская семья.  
Фото А. О. Карелина, 1870 г.



Старушка в повседневной одежде.  
Д. Асан-Елга Мамадышского р-на.  
Татарстан. Экспедиция 1974 г.



Супружеская чета из д. Отар-Дубровка  
Лаишевского р-на. Татарстан

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АРЕАЛ  
(СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ «ПЕРМСКАЯ» ЗОНА)



Женская и мужская одежда кон. XIX –  
нач. XX в. РЭМ



Татарка в традиционной одежде конца XX в.  
Д. Кояново Пермского р-на Пермской обл.



Комплект традиционной женской  
одежды пермских татар. Сер. XIX в.  
Полихромное браное (выборное)  
ткачество. ПКМ



Старушка в праздничной  
одежде кон. XX в.  
Д. Танып Бардымского р-на  
Пермской обл.

## ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АРЕАЛ (ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЗОНА)



Группа женщин в традиционной одежде сер. XIX в.  
из с. Мансуркино Бугурусланского уезда Самарской губ. СМК



Традиционный головной убор  
пожилой женщины.  
С. Мочалеевка  
Похвистневского р-на  
Самарской обл. 1997 г.  
ИЭКА (Самара)



Головной убор пожилого  
мужчины. Камышлинский р-н  
Самарской обл. 1997 г.  
ИЭКА (Самара)



Женщина в повседневной одежде  
нач. — сер. XX в. Д. Н. Усманово  
Камышлинского р-на Самарской обл. 1997 г.  
ИЭКА (Самара)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АРЕАЛ  
(ЗАКАЗАНСКО-ЗАПАДНО-ЗАКАМСКАЯ ЗОНА). КРЯШЕНЫ



Праздничный костюм пестречинской кряшенки.  
Вторая пол. XIX в. НМ РТ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АРЕАЛ  
(ЗАКАЗАНСКО-ЗАПАДНО-ЗАКАМСКАЯ ЗОНА). КРЯШЕНЫ



Костюм кряшенки со свадебным головным убором  
*туғәрәк яулык*. НМ РТ



Женский костюм кряшенки  
с полным комплексом головного  
убора. НМ РТ

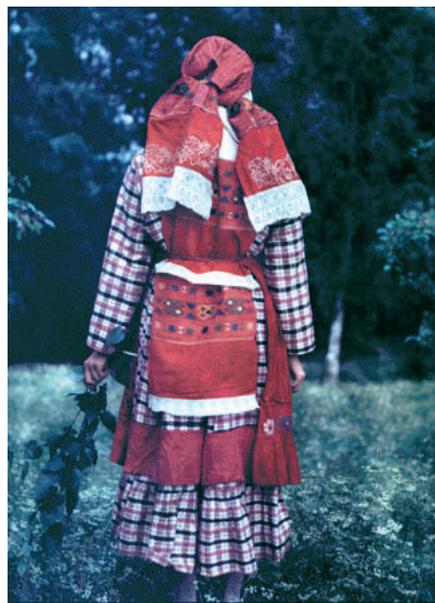


Девичий костюм кряшен  
с головным убором *ак калфак*.  
НМ РТ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АРЕАЛ .  
(МОЛКЕЕВСКАЯ ЗОНА). КРЯШЕНЫ



Традиционная одежда конца XIX в.  
Д. Хозесаново. Экспедиция 1984 г.



Тастарный комплекс головного убора.  
Вид со спины. Д. Хозесаново



Кряшенка в демисезонной одежде конца XIX в.  
Д. Хозесаново. Экспедиция 1984 г.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АРЕАЛ.  
(ЕЛАБУЖСКАЯ ЗОНА). КРЯШЕНЫ



Кряшенки в праздничной одежде конца XIX в.  
Д. Старое Гришкино Елабужского р-на. Татарстан



Женщина в монетном комплексе  
головного убора.  
Худ. А. А. Мазанов. АОЭ



Комплекс костюма сер. XIX в.  
Худ. Д. Н. Зялялетдинов

отнести «таёжные» типы обуви *көнжирыйк*, *бушимлы чабата*), к пермской зоне примыкает Сарапульский, Малмыжский и Елабужский уезды Вятской губ.. Ретроспективный подход к анализу элементов этого комплекса позволяет утверждать, что он содержит в себе те реликтовые, архаические формы и элементы костюма, которые к началу XX в. уже вышли из быта казанских татар референтной группы, изредка сохраняясь (лишь фрагментарно и терминологически) в одежде кряшен, особенно елабужских. Это традиционные типы верхней и нижней холщовой одежды и способы их орнаментации, головные волосники-повязки *маңгайча*, *сарынья*. В целом северо-восточная (пермская) зона по комплексу этнографических показателей отличается достаточной чёткостью её территориальных границ, особой лаконичностью и специфической завершёностью самого комплекса.

**Юго-восточная зона.** Сюда входят южные и юго-восточные уезды Центрального ареала. Это центральные и восточные уезды Уфимской (Белебеевский, Уфимский, Стерлитамакский), южные уезды Оренбургской (Орский, Оренбургский) и примыкающие к ним на западе уезды Самарской (Ставропольский, Самарский, Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский) губ. В этническом плане она отождествляет собой менее синтезированную и более конгломеративную часть этноса и это хорошо отражается на элементах народной одежды. Здесь при безусловно приоритетном влиянии казанско-татарской культуры (как городской – в высшем сословии, так и сельской) приходится констатировать наличие отдельных элементов (порою и комплексов), отражающих специфику народного костюма окско-сурских мишарей, а также татар-кряшен.

В отличие от казанских татар Центрального ареала, костюм которых в целом отличался достаточной однородностью составляющих его элементов, у проживающих здесь кряшен вариативность в костюме была более ощутимой.

**Заказанско-западно-закамская зона (кряшны).** Она имеет чёткое этнокультурное содержание и идентифицирует собой основное крещёно-татарское население Центрального

ареала, рассеянно проживающее в Спасском, Чистопольском, Лаишевском, Мамадышском уездах Казанской, а также в Малмыжском уезде Вятской, Мензелинском уезде Уфимской губ. Она характеризуется использованием в костюмном комплексе волосника – *мәләнчек*, головного покрывала – *сүрәкә*, особым комплексом украшений, оформлением женских рубаш элементами художественного тканья, аппликацией и др.

**Молькеевская зона (кряшны).** Среди кряшен центрального ареала особо выделяются т. н. молькеевские кряшны или подберезинские татары, компактно проживающие в Цивильском уезде Казанской губернии. Их костюм (особенно с конца XIX в.) по ряду параметров не укладывается в рамки разработанной для волго-уральских татар типологии<sup>1</sup>. У молькеевцев не только декоративное оформление, но и сами типы одежды, головных уборов отличались от «казанских» и других групп кряшен.

**Елабужская зона (кряшны).** Елабужская зона (Елабужский, юг Малмыжского уезда Вятской, север Мамадышского уезда Казанской губерний) также отличается совершенно специфическим комплексом одежды и украшений. Это особо сложные женские головные уборы с покрывалом чукол, особый комплекс украшений и многое др.

**Западный этнокультурный ареал.** Это территория преимущественного проживания мишарей и касимовских татар: уезды Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской и Рязанской губ. Картина этнокультурной неоднородности проявляется здесь особенно рельефно. Западный ареал чётко подразделяется на четыре этнокультурные зоны, характеризующиеся бытованием специфических комплексов костюма.

**Северо-западная или касимовская зона.** Это район проживания касимовских татар (Касимовский уезд Рязанской губ.). Традиционную одежду касимовцев отличает особый вариант волосника *сәләвес*, особые спо-

<sup>1</sup> Сулова С. В. Традиционная одежда молькеевских кряшен // Молькеевские кряшны. — Казань, 1993. — С. 63–68.

ЗАПАДНЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АРЕАЛ  
(СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ «КАСИМОВСКАЯ» ЗОНА)



Выходной костюм городской касимовской татарки.  
Кон. XIX – нач. XX в. ИКМК



Касимовские татарки в традиционных одеждах сер. XIX в. Фото. ИКМК

## ЗАПАДНЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АРЕАЛ (СЕВЕРНАЯ ЗОНА)



Зажиточные нижегородские татары. Фото сер. XIX в. АОЭ

Комплекс одежды сергачской мишарки.  
Сер. XIX в. ИАМЭ

## ЗАПАДНЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АРЕАЛ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЗОНА)



Мишари в традиционных одеяниях с тастаром.  
Сер. XIX в. Худ. Ф. Г. Солнцев

## ЗАПАДНЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АРЕАЛ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЗОНА)



Темниковско-азеевская мишарка  
в традиционной одежде конца XIX в.  
Д. Бастаново Сасовского р-на Рязанской обл.



Фрагмент гастара кузнецко-  
хвальнских мишарей. Бархат.  
Золотное шитьё. XIX в. ПОКМ



Костюм лямбирских мишарей.  
Кон. XIX в. НМ РТ



Женская рубаха темниковско-азеев-  
ских мишарей. Вышивка — мелкий  
крест. РЭМ (Мухамедова Р. Г.  
«Татары-мишари», 2008)

собы декоративного оформления концов женских тастаров и многое др.<sup>1</sup> Отличается эта зона и наличием элементов, связанных с казанско-татарской городской культурой.

**Северная зона** – территория проживания т. н. чокающих мишарей (юго-восточные уезды Нижегородской губ. и Курмышский уезд Симбирской губ.). Здесь были распространены особые типы женских волосников – *сылапцау* и *башкигец*, особый тип тастара, специфическое оформление костюма аппликацией. Комплекс женских украшений, наряду с местными, образующими «сергачский» комплекс, содержал в себе элементы, характерные для казанских татар Центрального ареала<sup>2</sup>. Это может свидетельствовать об особом положении сергачских мишарей в структуре татарского этноса.

**Центральная зона**<sup>3</sup>. В языковом отношении это т. н. чокающие мишари, проживающие в уездах Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, частично Симбирской губ. Особой оригинальностью здесь отличались белые вышитые рубахи, волосник с накосником-чехлом – *чэчкап*, полотенеобразный *тастар*, концы которого оформлялись, кроме художественного тканья, и вышивкой (тамбур, цветная перевить, гладь). По материалам женских украшений центральная зона достаточно однородна и характеризуется преимущественным бытованием здесь украшений «темниковского» комплекса.

По ряду признаков в Центральной зоне выделяется три подзоны:

а) *темниковско-азеевская*. Это основная территория проживания чокающих мишарей. Наиболее заметными отличиями следует назвать бытование здесь белых вышитых женских рубах, оформленных в технике «мелкий крест»,

цветной перевити, древнего платочного комплекса *авыз бэйләү*, особого тастарного комплекса головного убора;

б) *лямбирская* (Саранский уезд Пензенской губ.). Основное её отличие от темниковско-азеевской подзоны заключается в наличии женской монетной шапочки *кашпау*. Подобного убора на момент исследования не удалось встретить у других групп мишарей;

в) *кузнецо-хвалынская* (северные уезды Саратовской губ.). Самой яркой особенностью является применение здесь золотошвейной глади при декоративном оформлении КК (головных уборов, накосников-чехлов, нагрудников) с использованием орнаментального комплекса, связанного с мотивами вихревой розетки.

**Южная (смешанная) зона**. В географическом отношении это Заволжье (Новоузенский, Николаевский уезды Самарской губ.). Это зона достаточно позднего заселения, где не сформировался особый территориальный комплекс народной одежды. Её характеризуют разные по стилю и этнической принадлежности элементы костюма – своеобразный конгломерат мишарских и казанско-татарских идентификаций. Здесь, например, бытовали и «городской», и «сельский» комплексы казанско-татарских украшений наряду со специфически мишарскими.

**Восточный этнокультурный ареал**. Сюда частью входят Златоустовский уезд Уфимской губ., Красноуфимский, Екатеринбургский, Шадринский уезды Пермской и Челябинский, Троицкий, Верхнеуральский уезды Оренбургской губ.

**Зауральская зона**. Распространённый здесь КК испытал заметное влияние башкирского народного костюма. Это, к примеру, бытование женских головных покрывал – *кушъяулык*, богатой полихромной вышивки в нижней мужской и женской одежде. В этих зауральских уездах, как правило, не было узорной кожаной обуви, весьма характерной для казанских татар, зато активно бытовала узорная шерстяная (войлочная) обувь – *сарык*, представляющая собой элемент башкирского костюма. Особо яркие «башкиризмы» были ощутимы в тех населённых пунктах, где основу жителей составляли

<sup>1</sup> Шарифуллина Ф. Л. Касимовские татары. – Казань, 1991. С. 66–79, 125.

<sup>2</sup> Сулова С. В. Опыт этнокультурного районирования татар средневожского региона (по материалам женских украшений историко-этнографического атласа татарского народа // Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья). – Казань, 1991. – С. 32–45.

<sup>3</sup> В Центральную зону включены центральные в географическом отношении уезды Западного этнокультурного ареала, что оправдано единством многих основных как этнографических, так и языковых особенностей чокающих мишарей.

## ВОСТОЧНЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АРЕАЛ (ЗАУРАЛЬСКАЯ ЗОНА)



Женщина с детьми. Нач. XX в.  
Красноуфимский уезд Пермской губ. АОЭ



Татарка в традиционной одежде.  
Д. Арсланово Красноуфимского уезда  
Пермской губ.  
Худ. Л. Ф. Фасхутдинова

## ВОСТОЧНЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АРЕАЛ (ЗАУРАЛЬСКАЯ ЗОНА)



Татарка в традиционной одежде начала XX в. Красноуфимский уезд Пермской губ. АОЭ



Татарка в традиционной одежде начала XX в. с коралловым нагрудным украшением. Д. Ачликулово Челябинского уезда Оренбургской губ.



Женская одежда переселенцев-мишарей Шадринского уезда Пермской губ. РЭМ



Татарка (тептяри) в традиционной одежде начала XX в. Д. Сафарово Верхнеуральского уезда Оренбургской губ.

## ВОСТОЧНЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АРЕАЛ (НАГАЙБАКСКАЯ ЗОНА). КРЯШЕНЫ



Нагайбаки. с. Лягушино Троицкого уезда  
Оренбургской губ. Фото кон. XIX в.



Комплекс одежды нагайбачки.  
Кон. XIX – нач. XX в.  
Краеведческий музей г. Чебаркуль



Традиционная одежда нагайбачки.  
XIX – нач. XX в. д. Попово Чебаркульского р-на  
Челябинкой обл.

переселенцы – мишари либо татаро-тептярские группы населения.

В целом в Приуралье (включая Восточный ареал и юго-восточную зону Центрального ареала) выявляются отдельные инкорпорации в виде «полных» (при полном сочетании специфических элементов) либо «неполных» комплексов одежды других этнокультурных ареалов (Западного, Центрального). Так, этнические параметры, составляющие культурную специфику костюма мишарей Окско-Сурского междуречья и прежде всего чокающих, нами зафиксированы в Белебеевском, Уфимском, Златоустовском уездах Уфимской губ., Красноуфимском, Екатеринбургском, Шадринском уездах Пермской и Челябинском уезде Оренбургской губ. Количество таких параметров было различным: от одного-двух элементов (к примеру, мишарский способ повязывания платка – *чөп байлау* в Белебеевском уезде Уфимской губ.) до комплекса показателей, отражающих структуру КК полностью. Именно так в середине, конце XIX в. обстоит дело в Шадринском уезде Пермской губ., где, как известно, на основе переселенцев и преимущественно служилых «мещеряков» сформировалась особая группа ичкинских татар-мишарей.

В зауральской зоне Восточного ареала наблюдались самые любопытные с точки зрения направленности этнических процессов тенденции, в частности, ярко выраженная трансформация костюма переселенцев-мишарей либо в сторону казанско-татарской культуры, либо в сторону башкирской. Причём в раннее время (XIX в.) эта эволюция шла в русле татарской культуры; позднее – с явным приоритетом в сторону башкирского костюма, что, вероятно, является результатом достаточно длительного проживания бывших мигрантов в условиях башкирской автономии.

Любопытно, что прослеженные тенденции восточной («башкирской») либо западной («татарской») ориентации в формировании и раз-

витии костюма татар Восточного ареала были характерны и для тептярских групп населения. В ряде случаев тептярями создавались и свои специфические особенности в костюме. Так, у тептярей Верхнеуральского уезда Оренбургской губ. существовали особенности в повязывании головного платка и явные особенности в декоративном оформлении нижней и верхней одежды<sup>1</sup>. В Восточном ареале, весьма сложном (смешанном) в этнокультурном отношении, чётко выделяется лишь одна зона.

**Нагайбакская зона (кряшены).** Это территория проживания крещёных татар-нагайбаков (Троицкий и Верхнеуральский уезды Оренбургской губ.). Для традиционной одежды нагайбаков был характерен особый путь развития, независимый от прослеженных выше тенденций. Традиционный костюм соответствует общей структуре костюма татар-кряшен Центрального этнокультурного ареала, особенно казанских и елабужских<sup>2</sup>. Одновременно он представляет собой оригинальную вариацию, сложившуюся в особых социально-экономических условиях и в ином этническом окружении, с рядом специфических особенностей внутри комплекса.

Этнокультурное районирование татар Поволжья и Урала по материалам народного костюма, построенное на синхронной научно-достоверной информации, безусловно, представляет собой ценный источник к выделению этнотерриториальных, этноконфессиональных и других групп народа, а следовательно, и к решению проблем этнической истории и истории народной культуры единого татарского народа.

<sup>1</sup> Якупов Р. И. Тептяри: историко-этнологические очерки. К проблеме генезиса этничности. — М., 2002. — С. 165–169.

<sup>2</sup> Сулова С. В. Традиционная одежда нагайбаков: компонентный анализ // Нагайбаки. Комплексное исследование группы крещёных татар-нагайбаков. — Казань, 1995. — С. 61.



## ГЛАВА V

# ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АРЕАЛООБРАЗУЮЩИХ КОСТЮМНЫХ КОМПЛЕКСОВ ВОЛГО-УРАЛЬСКИХ ТАТАР

История народного костюма волго-уральских татар, особенности формирования ареалообразующих костюмных комплексов (КК) до сих пор оставались недостаточно изученными, что было связано с отсутствием историко-этнографической базы для подобного рода исследований. Материалы Атласа показали, что множество явлений, составляющих традиционную основу того или иного комплекса (типы одежды, головных уборов, украшений, обуви) уходят своими корнями в глубь веков. Естественно, что для целостного показа истории их формирования необходимо было выявить пути формирования этих явлений задолго до того, как они стали объектом изучения этнографов, т. е. до начала XIX в.

Методологической основой представленных ниже историко-генетических построений является этнокультурное районирование татар по данным народного костюма. К ретроспективному анализу были привлечены традиционные элементы, составляющие этническую специфику выделенных комплексов. Важной методической посылкой при выявлении особенностей генезиса традиционных КК является попытка конкретизации стратиграфии этнокультурных компонентов, лежащих в основе их формирования.

## 1. Центральный этнокультурный ареал

В пределах этого ареала (уезды Казанской, Вятской, Самарской, частью Пермской, Уфимской и Оренбургской губ.), как видели, функционировали комплексы одежды, структурную основу которых составляют этнические традиции казанских татар.

**Заказанская зона (казанские татары):** Казань и Заказанье (Казанский, Лаишевский, Мамадышский уезды Казанской губ.). Важным моментом при выявлении особенностей генезиса казанско-татарского КК является особое рассмотрение его городских и сельских вариаций, имеющих самостоятельные линии развития.

Формирование городских вариаций казанско-татарского костюма генетически связано с художественными и ремесленными традициями

Волжской Булгарии, Золотой Орды (Улуса Джучи), пост-золотоордынских татарских ханств с развитой городской культурой. Особенно ярко это прослеживается, как видели, на материалах ювелирных украшений. Генезис некоторых типов серёг (миндалевидные), шейно-височных (*сырга*), нагрудных (*айчек*) украшений тесно связан с традициями городской тюрко-татарской культуры Средневековья. Представляет интерес и упомянутый выше старинный каркасный головной убор в виде высокого конуса с золочёным навершием. С точки зрения генезиса подобных уборов интересны островерхие конические головные уборы золотоордынской знати. Истоки их через степные традиции кипчакской аристократии уходят в глубокую древность. К примеру, головные уборы скифских цариц и аристократок — островерхие конические каркасные, украшенные бляхами и надевавшиеся в комплексе с большим покрывалом<sup>1</sup> — представляют собой практически полную аналогию головному убору знатной казанской татарки XVIII в. Золочёные навершия в средневековых головных уборах известны по материалам золотоордынских кладов<sup>2</sup>. Аналоги им находим в декоре ранних головных уборов монгол<sup>3</sup>. Бляха — навершие *тепелик* до сих пор является обязательным элементом праздничного женского убора *фес* крымских татар<sup>4</sup>, значительно дольше казанских сохраняющих архаические формы костюма, восходящие к культуре постзолотоордынских ханств.

Формирование городского казанско-татарского костюма, как и ранних форм костюма ханской знати, очень тесно, по сравнению с периферийными (сельскими) вариациями, связано

<sup>1</sup> Рикман Э. А. Одежда народов Восточной Европы в раннем железном веке. Скифы, сарматы и гето-даки (середина I тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия н. э.) // Древняя одежда народов Восточной Европы. — М., 1986. — С. 11, 17.

<sup>2</sup> Крамаровский М. Г. Золото чингисидов. Культурное наследие Золотой Орды. — СПб., 2001.

<sup>3</sup> Ядамсурэн У. БНМА улсын ардан хувсац. Хянагч Б. Содном. — Улсын хэвлэл Уланбаатар, 1967 он 1967, рис. 6, 38, 87.

<sup>4</sup> Акчурина-Муфтиева Н. М. Декоративно-прикладное искусство крымских татар XV— первой половины XX в. ...табл. 3, 25.

с традициями ислама и восточными тюрко-исламскими традициями в целом. Влияние ислама сказывается не только на духовной культуре, но и на материальной, которая, по сути, является отражением духовной. Восточный тюрко-исламский пласт был ощутимым на многих элементах как мужского, так и женского костюма.

В головных уборах эту традицию представляют собой т. н. нижние головные уборы: у мужчин – тюбетейка, поверх которой надевали войлочную шляпу, шапку или чалму, у женщин – волосники с обязательным покрытием их верхними уборами. В старину показаться на улице или в присутственном месте в нижнем головном уборе могли себе позволить лишь бедняки, не заботящиеся о своём достоинстве. Это было характерно для всего тюрко-исламского мира.

Обязательным верхним головным убором мусульманина, особенно в центрах восточных цивилизаций, являлась чалма, ибо её носил сам пророк. У татар этот убор получил широкое распространение у духовенства и знати; у других социальных групп чалма использовалась лишь в ритуальных случаях, при совершении намаза, например. Чалмаобразные уборы в прошлом имели распространение и у казанских татарок: они представлены в фондах российских музеев, в том числе в РЭМ (г. Санкт-Петербург).

Широко распространёнными в мусульманских странах были женские накидки на голову, происходящие из халата, где они нередко превращались в специфический вид женской выходной одежды (типа турецкой *фередже*). Следы подобной традиции сохранились и у городских казанских татарок, и даже в сельской среде. Вероятно, с традициями ислама следует увязывать и распространение нижней обуви *читек* (кожаные чулки), которая была исключительно горничной и весьма гигиеничной. Нижняя обувь *читек* избавляла мусульман от бесконечного мытья ног при пятикратном намазе.

Приверженность исламу особенно ярко отразилась на женских украшениях казанских татарок, на декоративно-художественном оформлении их костюма. Многие ювелирные украшения наряду с декоративной функцией выпол-

няли и роль мусульманского амулета. Нередко на серьгах, наконсниках *чулпы*, бляхах, перстнях и особенно браслетах в качестве выгравированного орнамента выступает искусно выполненная арабская вязь с благожелательными выдержками из Корана. Любопытным в этом отношении является нагрудное украшение – перевязь *хаситэ*, которое зачастую представляло собой мусульманский амулет-украшение наподобие *тумора* (*бозбанда*) у мусульманок Востока. Параллельно с такой перевязью у казанских татар Заказанской зоны, как и у большинства тюркских и финно-угорских народов Волго-Уральского региона бытовала и «перевязь-украшение» без мусульманского амулета, но со следами языческого оберега. Картографирование перевязей по назначению показывает, что перевязь-украшение преимущественно была распространена на периферии, в сельских районах, а перевязь в качестве мусульманского амулета-украшения в городской среде, более тесно связанной с исламскими традициями<sup>1</sup>.

Носителем тюрко-исламских традиций в национальной одежде, начиная с середины XX в. и по сей день, является старшее поколение. Именно при переходе в старшую возрастную группу татары нередко возвращаются от современных «общеευропейских» к своим исконным нормам костюма, с особыми типами головных уборов, одежды, обуви, аксессуаров.

Сельские вариации казанско-татарского КК в большей степени связаны с народными традициями местных финно-угорских народов Волго-Уральского региона и в меньшей степени – с восточно-мусульманскими традициями (за исключением сельской знати и духовенства).

Территорией наиболее раннего бытования женских калфаков – этноспецифического головного убора казанских татарок, является Заказанская часть Предкамья, где их изготовление получило характер массового промысла. Бархатные калфачки состояли из двух частей – мягкого бархатного верха (ложной ша-

<sup>1</sup> Суслова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар... С. 309, карта 34.



**Кряшенка в «рогообразном»  
волоснике мәләнчек. Д. Белая Гора  
Чистопольского уезда  
Казанской губ. АОЭ**



**Марийка в «рогообразном» головном  
уборе (Ildiko Lehtinen «Marien Mekot.  
Volgansuomalaisten kansanpukujen  
muutoksista». — Helsinki, 1999)**

почки) и твёрдого околыша. Они богато украшались золотным шитьём, вышивкой, бисером, монетами, жемчугами. Узор на околыше обычно отличался от узора на лопасти калфака, что, возможно, говорит о составном характере убора. Большой бархатный калфак с твёрдым околышем имеет обычно длину около 30 см, а высоту околыша — 3 см. Средние бархатные калфачки — соответственно в длину 20, а в высоту околыша 3–4 см. Мягкая лопасть такого кал-

фака не одевалась на голову, а, оставаясь плоской, отвисала на бок. В технике орнаментации и композиции узора на больших и средних бархатных калфачках имеется много общего. Узор растительный, чаще это букет (один крупный или несколько мелких букетов). Золотошвейная гладь нередко сочетается с аппликацией из позолоченных монет, исполняющих роль лепестков или листочков.

Оригинальными являются маленькие калфачки-наколки *мөгезкалфак*. В них лопасть (ложная шапочка) и диаметр околыша доведены до минимума, а высота, наоборот, заметно увеличена. Характер орнаментации отличается от декоративного оформления больших калфачков: чаще использовалась не вышивка, а расшивка бисером, жемчугом и, прежде всего, налобной части околыша.

Происхождение бархатных калфачков с твёрдым околышем Н. И. Воробьёв связывал с городскими вязаными калфаками, а имеющиеся различия, в том числе и наличие твёрдого околыша, объяснял временем их употребления и изменением моды<sup>1</sup>. Но это, надо полагать, не единственная причина. До нарушения возрастной дифференциации девичьи и женские калфаки бытовали параллельно, поскольку имели собственную линию развития. В основе женского калфака лежит твёрдый околыш, который и определяет его функциональную нагрузку. Во всяком случае женский калфак не выполнял функцию шапки — это своего рода налобное украшение (волосник). Как известно, налобная часть головных уборов у тюркских народов часто подчёркивалась посредством выступающей части надо лбом или налобными повязками. В зависимости от изменения семейного положения женщины менялись и налобные повязки. Очевидно комбинация женского налобного украшения ободка-повязки с калфаком (лопастью) в единый убор является достаточно поздней.

Маленький калфачок с высоким околышем в районах Заказанья фактически выполнял роль рогообразного налобника *мөгез чыгарып*. Эта

<sup>1</sup> Воробьёв Н. И. Казанские татары ... С. 277.



Казанская татарка в «рогообразном» калфачке.  
Кон. XIX в. АОЭ



Казанская татарка  
в «рогообразном» калфачке.  
АОЭ



Марийка в «рогообразном» головном уборе  
(Ildiko Lehtinen «Marien Mekot. Volgansuomalaisten  
kansanpukujen muutoksista». – Helsinki, 1999)



Казанская татарка  
в «рогообразном» калфачке.  
АОЭ

традиция, возможно, восходит к волосникам с твёрдой налобной частью наподобие крышечки *мәләңчек* представляющих собой мягкую шапочку из холста, ситца, бархата, в налобную часть которой вшивался твёрдый налобник из бересты, дощечки или жестянки. Носили *мәләңчек* с покрывалом *сүрәкә* или фабричным платком. Рогообразные женские уборы известны и среди других народов Предкамья. Так, оригинальным убором марийских женщин являлся *чурик*. Этимологию термина исследователи связывают со словом *щур* – *рог*<sup>1</sup>. Восточные марийцы этот убор иногда называют *экэй*. Этот термин восходит к слову *акка*, что в индоевропейских языках обозначает «мать», «кормилица». Термин *экэй* в значении нижнего головного убора замужней женщины встречается и у татар. Всё это даёт основание высказать предположение о том, что калфаки с твёрдым околышем или налобником формировались в районе Заказанья на основе однородного убора в процессе тесной связи казанских татар с марийцами и другими народами края, у которых имелись аналогичные уборы<sup>2</sup>. Этим же, вероятно, объясняется общность сельского казанско-татарского комплекса украшений с украшениями финно-угорских народов края (мари, удмуртов). Она заключается в близости, порою идентичности форм отдельных типов украшений, особенно монетных шейно-нагрудных, выполненных на матерчатой основе.

**Северо-восточная (пермская) зона (казанские татары).** В содержание костюма казанских татар пермской зоны входят наиболее архаичные элементы КК заказанской зоны. В костюме пермских татар сохранились те реликтовые формы и элементы народной одежды, которые значительно раньше вышли из употребления у самих казанских татар. К таким элементам относятся, например, верхняя одежда из холста *чоба*, девичий головной убор *ак калфак* (белый калпак), женский волосник-украшение *мангайча*. По ряду параметров (древний монет-

ный женский головной убор со спинной лопастью типа *кашпау*, наличие тастарного комплекса головного убора и многое др.) он вписывается в структуру костюма волго-уральских крышен, (особенно молькеевских, елабужских), лямбирских и симбирских мишарей, а также бесермян, в костюме которых наиболее отчётливо просматриваются древнетюркские, возможно, и болгарские традиции. Оригинальность пермскому костюму придавали специфические местные особенности. Особым колоритом отличалась верхняя одежда с приталенной спинкой *букавтан*, шапочка-калфачок с плоским верхом *түбәтәй калфак*, калфак с лопастью *койрыклы калфак*, а также холщовые *чоба* и рубахи из ткани с цветным браным узором. Использование художественного тканья в верхней и нижней одежде для татар заказанской зоны, как известно, не было характерным. Подобным образом оформлялись только передники *алъяпкыч* в сельских вариациях казанско-татарского комплекса. Под названиями *чикмән*, *жилән* здесь встречалась прямоспинная туникообразная с боковыми клиньями верхняя одежда, характерная для тех народов, в этногенезе которых значительную роль сыграли древнеугорские племена<sup>3</sup>.

У татар пермской зоны, как и у сопредельных башкир, сибирских татар, угорских народов Сибири были известны архаичные виды обуви, которые другие группы татар и народы Поволжья в целом не знали. Это сапожки *сарык*, *ката*, сконструированные из голенища белого шерстяного сукна домашней выработки и особо кроенной из сыромятной кожи калоши, и *конжирыйк* – низкая обувь из невыделанной шкуры лошади или коровы, сшитая мехом наружу, с холщовым или суконным верхом, стянутым тесёмкой у щиколотки. В обуви пермских татар, как и у обских угров, ворс на подошве часто направлялся назад, и в ней легко можно было скользить по снегу.

Рассмотренные сюжеты подтверждают высказанную в научной литературе точку зрения

<sup>1</sup> Молотова Т. Л. Марийский народный костюм. — Йошкар-Ола, 1992. — С. 34.

<sup>2</sup> Сулова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар... — С. 143.

<sup>3</sup> Прыткова Н. Ф. Типы верхней одежды народов Сибири // КСИЭ. — 1952. — Вып. 15. — С. 21.

о том, что в формировании этой своеобразной группы волго-уральских татар наряду с преобладающим поволжско-татарским и башкирским компонентами определённая роль отводится сибирско-татарскому и угорскому<sup>1</sup>.

**Юго-восточная зона (смешанная).** Территориально сюда входят южные и юго-восточные уезды Центрального ареала. В целом вариации этого КК в этническом плане отождествляют собой менее синтезированную и более конгломеративную часть этноса, и это хорошо отражается на элементах народной одежды. Здесь при безусловно приоритетном влиянии казанско-татарской культуры (особенно в национальный период) встречаются отдельные элементы, порою и комплексы, отражающие специфику народного костюма окско-сурских мишарей, а также башкир и кряшен<sup>2</sup>.

В пределах Центрального этнокультурного ареала на одной территории с казанскими татарами формировались комплексы одежды кряшен — особой субконфессиональной группы поволжских татар, сформировавшейся в процессе христианизации тюркских народов Поволжья в XVI–XVII в. (старокряшены) и в первой половине XVIII в. (новокряшены).

**Заказанско-западно-закамская зона (кряшены).** Нижнюю одежду комплекса представляла домотканая рубаха чаще с верхним воланом, домотканый передник с узкой грудкой с богатым браным орнаментом и штаны «с широким шагом». Из верхней одежды — это приталенный камзол (или *жилэн*), а также *чикмэн* (или *армэк*) с отрезной и присборенной спинкой. Он отличался особым комплексом женского головного убора, который состоял из волосника, головного покрывала *сүрэкэ*, полотенцеобразной повязки *ак ячулык* и покрывала *түгәрэк ячулык*. Из обуви здесь бытовали кожаные *кэвеш*, а в



Заказанская кряшенка в тюрбанообразном головном уборе. Д. Крещёные Казыли Лаишевского уезда Казанской губ.



Русская сорока. НМ РТ



Сүрэкэ кряшенки. АОЭ

<sup>1</sup> Исхаков Д. М. Из истории изучения формирования тюркоязычного населения пермского края // Пермские татары. — Казань, 1983. — С. 15.

<sup>2</sup> Сулова С. В. Женский костюм татар Повистневского района Самарской области середины XIX — начала XX века. Материалы к научной реконструкции // Самарская область. Этнос и культура. — 1997. — № 2–3. — С. 29–36.



**Женщины в монетных «шлемовидных» головных уборах.**

*Елабужская кряшенка. Д. Большой Шурняк Елабужского уезда Вятской губ.;*

*Бесермянка. Д. Гордино Глазовского уезда Вятской губ.;*

*Марийка (Ildiko Lehtinen «Marien Mekot...»)*



**Елабужская кряшенка в *сүрэкэ* с кокошничкообразным налобником.**  
Д. Брюшли, Елабужского уезда Вятской губ.

завершение комплекса головного убора *сүрэкэ* при помощи специального покрывала-полотенца *ак яулык*). Аналоги известны у ногайцев, крымских татар степной группы и др.

На формирование этого комплекса значительное влияние оказало местное финно-угорское население: свадебное головное покрывало

качестве рабочей — лапти с прямоплетёной головкой в сочетании с суконными чулками *тула оек*. Особый интерес представляют ногайские, кипчако-огузские параллели в тюрбанообразных женских головных уборах. У заказанско-западно-закамских кряшен они сохранились в рудиментарном состоянии (чалмообразное

*тугэрэк яулык* представляет собой то же, что *сюлык* удмуртов и марийцев. На это указывает и является общим по сути монетный комплекс женских украшений и др.

Влияние традиций русской народной одежды наблюдается в использовании одинаковых головных уборов типа *сорока*, в повязывании платков «по-русски», в покрое верхней одежды «борчатка», в способах декоративного оформления одежды.

**Елабужская зона (кряшены).** Основными элементами нижней одежды елабужского комплекса являлись туникообразная рубаха с нижним воланом, сшитая из домашней пестряди в клетку (реже из фабричной ткани), домотканый пестрядийный передник с узкой грудкой, часто с сатиновым воланом по низу, богато орнаментированный художественным полихромным *браньем* и штаны «с широким шагом». Из верхней одежды преобладали камзол с цельной приталенной спинкой, прямоспинный (или с боковыми надрезами и сборами) *джилян (укалы жсилэн)* и армяк (*эрмэк*) с отрезной, сильно соборенной спинкой. Женский головной убор состоял из волосника, головного покрывала *баш яулык* или *чукол*, налобной позументной или монетной по-



Способ повязывания тастара мишаркой.  
Д. Мосеевка-Бикбули Кузнецкого уезда  
Саратовской губ. СМК. Фонд В. И. Трофимова

вязки, монетных наушников полуовальной формы. Во время праздничных (обрядовых) торжеств — масленица, свадьба — замужние женщины вместо покрывала *чукол* надевали головное покрывало *сүрәкә*, налобная часть которого была полукруглой и напоминала русский кокошник. Часто использовался фабричный платок с кистями, который повязывали «по-русски». Обувь не отличалась особенностями: кожаные калоши *кәвеш*, высокие ботинки, лапти «татарские» в сочетании с суконными или вязаными чулками. Большинство элементов елабужского КК и особенно рудиментарное сохранение в комплексе *сүрәкә* монетной головной повязки *маңгай тәңкәсе*, имитирующей древний шлемовидный убор тюркских народов, находят аналогии в одежде бесермян, молькеевских кряшен, чувашей-анатри, пермских татар, лямбирских мишарей, а как заимствование и у финно-угорских народов региона. Это говорит о превалировании древнетюркской, вероятно, болгарской основы в формировании костюма елабужских кряшен.

**Молькеевская зона (кряшены).** Молькеевский КК представляет особенно большой интерес архаичностью своих структурных компонентов (*тастар*, *кашбу*, *такыя*, архаичные способы декора одежды и т. д.) и возможностью

их историко-генетического анализа. Одним из важнейших ракурсов этого анализа является определение места традиционной одежды молькеевцев в структуре народной одежды волго-уральских татар, выявление историко-генетического соотношения специфических типов с сопоставимыми элементами костюма других групп татарского народа. Ибо в науке до сих пор бытует устоявшееся мнение о том, что костюм этой группы крещёных татар является главным образом чувашским.

Значительный интерес представляет собой тастарный комплекс женского головного убора, бытовавший в конце XIX — начале XX в. Он состоял, как видели, из двух обязательных элементов: полотенеобразного тастара и специального верхнего шарфа-платка *чыбар яулык*. Подобный тастарный комплекс в целом не был характерным для других территориальных групп кряшен и татар в целом. Хотя следует заметить, что определённое сходство молькеевского тастара, особенно в способе ношения (обёртывание тастара вокруг лица и шеи и расположение украшенных полотнищ на разных уровнях на спине), наблюдается с тастаром темниковских и особенно лямбирских мишарей<sup>1</sup>. Ближайшим аналогом

<sup>1</sup> Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. — М., 1972. — С. 107.



Способ повязывания тастара  
молькеевской кряшенкой. Д. Молькеево  
Цивильского уезда Казанской губ.

кальшой ему (по всем возможным параметрам) является женский головной убор *сурпан* низовых чувашей, особенно степняков – подгруппы хирти, обитающих практически в одной среде с молькеевцами (Комсомольский р-н Чувашии). Заметим, что у прочих этнотерриториальных групп чувашей данный убор отличался от молькеевского по способу ношения, декоративно-художественным особенностям оформления либо функционально<sup>1</sup>.

В середине XIX в. и ранее молькеевские женщины поверх тастара (вместо *чыбар юлык*) надевали кашбу (*кашпау*) – древнетюркский шапкообразный головной убор со спинной лопастью, украшенный серебряными монетами, нухратками, бисером, кораллами. В XIX в. подобный убор был распространён у лямбирских, симбирских мишарей<sup>2</sup> и у чувашей (*хушпу*)<sup>3</sup>. Аналогичный убор, как видели, бытовал и у пермских татар, традиционный костюм которых отличался сохранением архаических элементов заказанской зоны Центрального ареала. Весьма схожие женские головные уборы вплоть до середины XX в. бытовали у елабужских кряшен и бесермян. Массовые этнографические материалы указывают на отсутствие в XIX в. головного убора типа *кашпау* у казанских татар заказанской зоны. Не исключено, однако, что у них он раньше был вытеснен головными уборами вроде калфак. Во всяком случае *кашбу* молькеевцев, бесспорно, близкородственный элемент традиционному костюму волго-уральских татар и является неотъемлемой частью его типологической структуры и, прежде всего, в мишарских его вариациях.

Интересны в этом отношении и архаичные девичьи головные уборы молькеевских кряшен. Девичья бисерно-монетная шлемовидная шапочка *такья* имела на верхушке шишак, на

висках наушники, сзади бисерный назатыльник, наподобие матерчатого накосника. Материалы Атласа позволяют констатировать устойчивое бытование в середине XIX в. близкого девичьего убора у казанских татар – *такья* и особенно у мишарей – *тайка*. Идентичная молькеевской шапочка *тухъя*, как известно, имела место и у чувашей-анатри. К концу XIX в. этот убор практически полностью вышел из повседневного быта мишарей и особенно казанских татар. На смену ему пришли калфакообразные уборы и упрощённый вариант *такьи*, наподобие мужской тюбетейки, носившийся с длинным матерчатым монетным накосником вроде *чэч тэңкэсе*. У молькеевцев же, как и у анатри, *такья* продолжала бытовать и в середине XX столетия чаще как обрядовый, праздничный элемент костюма.

Кроме *такьи* у молькеевских девушек широко бытовал т. н. *мамык калфак* – белый вязаный чулкообразный *ак калфак*, широко распространённый у всех групп волго-уральских татар. У чувашей *ак калфак* имел распространение только у степняков-анатри и то, как утверждают исследователи, в качестве заимствованного у татар явления<sup>4</sup>. Как видим, этот убор также бесспорно вписывается в структуру типологии татарских головных уборов.

Важным этноопределяющим элементом народного костюма, как известно, является традиционная женская рубаша (покрой, характер декора). По этим параметрам рубаша молькеевцев конца XIX – начала XX в. не является татарской. Она аналогична рубаше низовых чувашей. Любопытно, что анализ более раннего материала (середины XIX в.) говорит о другом. В этот период времени у молькеевских кряшен широко бытовали белые холщовые туникообразные рубашки с вышивкой по грудному разрезу, плечам, концам рукавов. Вышивкой либо красным кумачом оттеняли и низ рубашки, и швы между центральным и боковыми полотнищами туники.

<sup>1</sup> Воробьёв Н. И., Львова А. Н., Романов Н. Р., Симонов А. Р. Чуваши. Этнографическое исследование. – Ч. I. – Чебоксары, 1956. – С. 298.

<sup>2</sup> Мухамедова Р. Г. Татары-мишари... – С. 109.

<sup>3</sup> Воробьёв Н. И., Львова А. Н., Романов Н. Р., Симонов А. Р. Чуваши... – С. 308.

<sup>4</sup> Воробьёв Н. И., Львова А. Н., Романов Н. Р., Симонов А. Р. Там же. С. 311.

Первая визуальная оценка наводит на мысль об идентичности этой рубахи чувашской (анатри). И это действительно так. Однако анализ её на фоне синхронных татарских материалов позволяет утверждать, что аналогичные рубахи были также характерны и для большинства групп кряшен<sup>1</sup>, и мишарей (в том числе и цокающих)<sup>2</sup>, и даже для касимовских татар<sup>3</sup>. И ещё одна любопытная деталь: на женских пестрядийных рубахах молькеевских кряшен встречалось изюбриное оформление грудного разреза. Матерчатый нагрудник *изу* является специфическим признаком именно татарской рубахи, чего практически не встречалось у чувашей.

Другим традиционным элементом татарской нижней одежды (кроме некоторых групп кряшен) является женский нижний матерчатый нагрудник *күкрәкчә*. Под тем же названием этот элемент бытовал и у молькеевских кряшен, оформлялся он, как и у мишарей, лоскутным узором (аппликацией), а не тамбурной вышивкой, как это было принято у казанских татар. Заметим, что у чувашей (в том числе и анатри) *күкрәкчә* в женском одеянии отсутствует.

В целом структурно-типологическое содержание костюма молькеевских кряшен позволяет отметить максимальную его близость, как к мишарским, так и чувашским (анатри) вариациям костюма, причём чувашские аналогии представляются более поздними. Объяснение этому, думается, в следующем: с конца XIX в. мишарские КК активно трансформируются в сторону казанско-татарского городского костюма, что было связано с формированием общенационального костюма волго-уральских татар, проходившем на фоне консолидационных этнических процессов у татар в целом. Эти процессы, однако, не коснулись молькеевских кряшен, в силу их иной конфессиональной принадлежности.

## 2. Западный этнокультурный ареал

В Западном ареале картина этнокультурной неоднородности проявляется особенно рельефно. Это территория преимущественного проживания мишарей и касимовских татар. Так, например, тастарный комплекс головного убора присутствует во всех КК западного этнокультурного ареала.

**Северо-западная или касимовская зона (касимовские татары).** Спецификой касимовского КК, как мы видели, отличается тастарный комплекс головного убора. Для касимовцев характерен украшенный аппликацией волосник *селәвесь*, применение особых способов оформления концов женских тастаров. Это – ковровый тамбур и старинная петельная ковровая вышивка типа *нагыш*. Как и в случае с казанско-татарским КК, здесь очевиден персональный подход к уяснению генезиса городских и сельских его вариаций.

В середине XIX в. городские формы касимовского КК во многом были идентичны городским казанско-татарским, отражающим этнокультурные связи знати с весьма раннего времени, в том числе и периода средневековых татарских ханств (Касимовское, Казанское). У касимовских горожанок бытовали большие бархатные с узким околышем калфаки, относящиеся к наиболее архаичному варианту калфакобразных головных уборов казанских татарок, происхождение которых Н. И. Воробьёв связывал со средневековыми каркасными головными уборами<sup>4</sup>. Городской комплекс костюма включал в себя городской казанско-татарский набор ювелирных украшений, выполненных в сложной ювелирной технике с использованием скани, зерни, гравировки в сочетании с драгоценными камнями и самоцветами. Это сканые миндалевидные серьги с подвесками *татар сыргасы*, накосные украшения *чулты*, шейно-нагрудное украшение *яка чылбыры*, броши в виде бляхи с монетными подвесками, ювелирные ожерелья, городские типы браслетов. Как и у казанских

<sup>1</sup> Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены ... — С. 100.

<sup>2</sup> Мухамедова Р. Г. Татары-мишари... — С. 91.

<sup>3</sup> Шарифуллина Ф. Л. Касимовские татары. — Казань, 1991. — С. 67.

<sup>4</sup> Воробьёв Н. И. Казанские татары... С. 281.

татар, в городской среде издавна бытовала мозаичная кожаная обувь, широко известная в тюркском мире, т. н. «казанские сапожки». Среди экспонатов ИКМК (г. Касимов) имеется значительное количество подобной обуви, отдельные экземпляры которой можно отнести к весьма раннему времени.

Генезис сельского КК касимовцев по многим параметрам совпадает с генезисом костюма темниковско-азеевских мишарей (см. ниже). Это и содержательная сторона комплексов, в частности, наличие рудиментов турбанообразного головного убора, и способы его декоративно-художественного оформления, восходящие к разным по происхождению тюркским и местным финно-угорским традициям. Исследователь этнической культуры касимов-



Костюм городской касимовской татарки.  
Сер. XIX в. ИКМК



Способ повязывания платков — *авыз бэйләц*.  
Касимовские татары. АОЭ

ских татар Ф. Л. Шарифуллина отмечает, что костюм касимовских татар и мишарей сближают оригинальные способы повязывания головных платков<sup>1</sup>. Более того, волосники и тастары касимовских татар имеют много общего в декоре и способах ношения с волосниками и тастарами как северной, так и южной групп мишарей.

**Северная или сергачская зона (цокающие мишари).** Этническую специфику сергачского КК комплекса составляют особые типы женских волосников *сылапцау* и *башкигец*, особый по размерам и форме концов тастар — *тастар сапмасы*, оригинальное декоративное оформление тастаров и женских рубах *юле кцлмэк* аппликацией из разноцветных кусочков ткани. В плане генезиса костюм сергачских мишарей представляется одним из наиболее сложных. В нём явственно переработаны в оригинальный, художественно завершённый комплекс разноэтнические по происхождению традиции:

а) древнетюркские, кипчакско-ногайские. Например, оригинальный волосник *башкигец*, представляющий собой плотно облегающий голову капюшон с широкой прикрывающей спину

<sup>1</sup> Шарифуллина Ф. Л. Касимовские татары... — С. 78.

и плечи лопастью. По конструкции и назначению он представляет собой аналог древним формам волосника тюркских народов — казахов, каракалпаков, киргизов, узбеков-кипчаков, ногайцев, астраханских татар. То же можно сказать о тюрбанообразном тастарном комплексе головного убора, сохранившемся до середины XX в. у пожилых женщин;

б) древние обско-угорские — лоскутный узор (апликация) на нижней одежде (*юле кцлмэк, кцкракчэ*) и головных уборах (тастарях, волосниках);

в) древние, средневековые и более поздние традиции местных финно-угорских народов. В частности, тот же волосник *башкигец* (*кимешек*) в плане декора имеет близкие аналоги в головных уборах удмуртов<sup>1</sup>;

г) сельские и городские традиции казанских татар. Так, для сергачских мишарей было характерно, как и для сельского костюма казанских татар, использование лыковой обуви в комплексе с суконными чулками *тула ок*. Сергачский комплекс женских украшений во многом аналогичен городскому (ювелирному) комплексу украшений казанских татар. Из головных украшений это миндалевидные с подвесками серьги *татар сыргасы* и наконники *чулпы* традиционной для казанских татар лопастной формы, выполненные в сложной ювелирной технике (скань, зернь) в сочетании с драгоценными камнями и самоцветами. Из шейно-нагрудных украшений здесь, наряду со специфическими «сергачскими», встречаем элементы (например, казанско-татарская сегментовидная перевязь), идентифицирующие собой казанских татар Центрального ареала<sup>2</sup>. Всё это свидетельствует об особом положении сергачских мишарей в этноструктуре татар Волго-Уральского региона, связанном, в частности, с миграцией на территорию их компактного проживания казанских татар в XVI–XVII в.

**Центральная зона (чокающие мишари)** в этнокультурном отношении представляется достаточно сложной. По материалам народного костюма здесь, как видели, выделяется три подзоны, отличающиеся особым комплексом традиционного костюма.

*Темниковско-азеевская* (уезды Рязанской, Тамбовской, Пензенской губ.). Этноспецифическими элементами комплекса являются архаичная рубаха из белого холста, украшенная на груди и по подолу вышивкой в технике «мелкий крест» (счётная вышивка по разреженному холсту), полотенеобразный тастар, концы которого украшались узорами строчевой вышивки «цветная перевить». Диахронный анализ архетипов



**Темниковско-азеевская мишарка**  
в костюме нач. XX в. Д. Азеево Елатомского уезда  
Тамбовской губ. Худ. Д.Н. Залялетдинов

<sup>1</sup> Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов // ТИЭ. — М., 1951. — С. 67.

<sup>2</sup> Суслова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар... — С. 307, карта 32.



**Кашпау с открытым верхом.**  
Лямбирские мишари. АОЭ

данного комплекса позволяет обозначить основные вехи его генезиса. Наиболее ранние аналогии связаны с тюрко-кочевническими и иранскими культурами Средней Азии и Казахстана. Это женские волосники-чехлы, рудиментарное сохранение элементов тюрбанообразного женского головного убора.

Любопытно бытование здесь рубах одностыльных с рубахами чувашей-анатри. Это сходство видим в покрое, цветовом предпочтении (белые), в характере декоративного оформления (оттенение продольных швов красной материей) рубах. Как и у чувашей-анатри, темниковско-азеевские рубахи вдоль грудного разреза, у плеча и обшлагов рукавов украшались красной вышивкой в технике «мелкий крест» (счётной вышивкой по разреженному холсту или «косым стежком»). Большинство исследователей связывают технику «косого стежка» с восточно-финскими и обско-угорскими традициями, связанными в свою очередь с переднеазиатскими<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. — М. ; Л., 1955. — С. 305; Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. — Уфа, 1964. — С. 100.



**Графическое изображение кашпау**  
мордвы-терюхань. МКМ

С. Н. Шитова, встав на существующую точку зрения тюрко-угросарматских взаимодействий, считает, что именно сарматы могли распространить на большой территории Евразии переднеазиатские черты. Закрепившись в культуре финно-угров, позже эти традиции могли перейти к продвинувшимся в лесостепь тюркам<sup>2</sup>. Более поздними являются элементы комплекса, связанные с финно-угорскими традициями местного характера. Налицо, в частности, этнокультурное влияние мордвы. Интересны параллели в традиционной обуви. Это т. н. «мордовские» лапти (с косоплетённым личиком, низкими бортами и кручёными ушками). Мишари носили их с вязаными, а не суконными чулками, как это было принято у других групп татар.

Лямбирская (Саранский уезд Пензенской губ.). К этноспецифическим элементам лямбирского комплекса следует отнести волосник-чепец с узким чехлом-накосником, который надевался в комплексе с полотенеобразным тастаром. Тастар украшался «цветной перевитью» и осо-

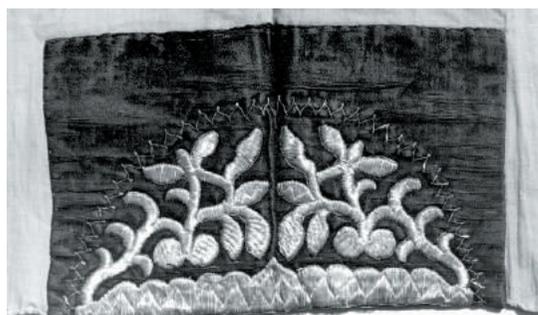
<sup>2</sup> Шитова С. Н. Финно-угорский компонент в народной одежде башкир // Исследования по исторической этнографии башкир. — Уфа, 1984. — С. 13.

бым способом повязывался, когда один из наиболее украшенных его концов располагали на голове, а другой — на спине. Наиболее характерный элемент комплекса — женская монетная шапочка на мягкой основе *кашпау*, которую надевали поверх тастара. Географический ареал распространения этого убора, включающий не только тюркские, но и финно-угорские народы (например, «венец» у мордвы — *терюхан*, выпадающий из круга мордовской культуры) заставляет интерпретировать его, как форму, связанную с древнетюркскими культурами, достигшими своего влияния на финские культуры ещё в Булгарскую эпоху<sup>1</sup>. *Кашпау* носили в комплексе с *тастаром*. После исчезновения, ухода *кашпау* с исторической арены *тастар* остался. Эволюция его в тастарный комплекс, специфический для окско-сурских мишарей в целом (волосник-чепец + чехол-накосник + тастар + полотенцеобразное покрывало для чалмообразного завершения комплекса), шла, вероятно, под влиянием других тюркских (кипчакско-ногайских) традиций, чему имеется достаточно большой круг археологических и ранних этнографических источников по народам Нижнего Поволжья, Крыма, Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Тюрбанообразные головные уборы представляют собой, вероятно, более позднюю стадию в генезисе головных уборов мишарей в целом.

*Кузнецко-хвалынская* (Кузнецкий и Хвалынский уезды Саратовской губ.). Основопологающие его элементы в целом близки общемишарским. Оригинален способ ношения кузнецко-хвалынского тастара. Поверх тастара здесь надевалась специальная повязка, предназначенная для укрепления его на голове. Особенности генезиса этого комплекса, наряду с интерпретацией «общемишарских» и общетюркских традиций, раскрываются благодаря анализу оригинальных способов его декоративно-художественного оформления: применения высокохудожественной техники золотого ши-



Фрагмент золотого шитья на женском нагруднике.  
*Кузнецко-хвалынские мишари.*  
XIX в. СМК



Золотое шитьё на женском волоснике.  
*Кузнецко-хвалынские мишари.* XIX в. СМК

тья. В этой технике украшались волосники-чепцы *салавыч*, бархатные чехлы для волос *чэчкап*, концы тастаров, верхние бархатные нагрудники *алынча*, перевязи *чапук*. Их золотое шитьё весьма разнообразно как по технике (тамбур, гладь), так и по используемому материалу (шёлк, канитель, золотые и серебряные нити), а особенно по характеру орнамента: «вихревая розетка» (солярный знак), спиралеобразные и S-образные фигуры и т. д. По материалам золотного шитья (технике, архаике орнамента), применяемых в декоре кузнецко-хвалынского КК, угадываются близкие параллели с астра-

<sup>1</sup> Маркелов М. Т., Толстов С. П. К истории терюханской народной культуры // Этнография, 1928. — № 12. — С. 117.



Образец орнаментального золотного шитья крымских татар. XIX в. БМИККТ



Фрагмент золотного шитья на женском головном уборе. Русские. XIX в. Историко-краеведческий музей г. Костромы

ханскими, крымскими и сибирскими татарами, а также с русским шитьём южнорусских губерний. Специалисты по древнерусскому шитью предполагают, что импорт шитых золотом тканей из Греции на Русь начался ещё в дохристианские времена, а если учесть, что этот импорт шёл через Крым, то в тюрко-татарских регионах с византийским золотым шитьём могли познакомиться даже раньше, чем в Рос-

сии<sup>1</sup>. Не случайны, видимо, одинаковые узоры прикрепа и характер шитья на предметах византийского, древнерусского, крымско-татарского и южно-мишарского золотного шитья.

### 3. Восточный этнокультурный ареал

Картографические материалы Атласа указывают на сложность этнокультурных процессов, происходящих в Восточном ареале (Златоустовский уезд Уфимской губернии, Красноуфимский, Екатеринбургский, Шадринский уезды Пермской и Челябинский, Троицкий, Верхнеуральский уезды Оренбургской губ.). Здесь в материалах народного костюма встречаем элементы и порою полные комплексы костюма, характерные как для казанских татар Центрального, так и мишарей Западного этнокультурного ареалов. Так, основополагающие элементы костюма окско-сурских (чокающих) мишарей были зафиксированы в Златоустовском уезде Уфимской губернии, Красноуфимском, Екатеринбургском, Шадринском – Пермской, Челябинском – Оренбургской. Это, например, мишарский способ повязывания головного платка – *чоел бэйләү*; обозначение «мишарским» термином некоторых элементов костюма (к примеру, перевязь называют *чапук*). В Шадринском уезде Пермской губернии вплоть до конца XIX в. бытовал комплекс одежды однотипный по составу элементов и декоративному оформлению сергачскому (чокающие мишари). В этом уезде, как известно, на основе переселенцев сформировалась особая группа ичкинских татар-мишарей.

**Зауральская зона (условно башкирская).** Внешнее знакомство с этнокультурным содержанием зауральского комплекса (конструктивные особенности покроя народной одежды, способы её декоративно-художественного оформления,

<sup>1</sup> Цит. по: Рославцева Л. И. Одежда крымских татар конца XVIII – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. – М., 2000. – С. 66; Чепурина П. Я. Орнаментное шитьё Крыма. – М.; Л., 1938. – С. 18–68.



**Зауральская башкирка** (С. Н. Шитова.  
Башкирская народная одежда...)

общность женских головных уборов *кушъяулык*, *тастар*, специфических типов обуви, украшений) говорит о заметной его схожести с башкирским костюмом, распространённым главным образом также в Зауралье и горной Башкирии<sup>1</sup>.

Для костюма зауральских татар была характерна богатая полихромная вышивка нижней одежды (высокий полихромный тамбур с заполнением), составляющая, как известно, и специфику башкирского костюма смежных территорий. Общими с башкирскими традициями являются прямоспинный туникообразный с боковыми клиньями покрой верхней одежды, характерный для самодийских и угорских народов Западной Сибири<sup>2</sup>, украшение её ленточ-

ной аппликацией, металлическими бляхами и монетами. Последнее исследователи связывают с культом Солнца — солярной символикой, широко известной угорским и самодийским этносам Западной Сибири<sup>3</sup>. Верхняя одежда зауральских татар и особенно башкир, как правило, не имела застёжек и носилась нараспашку. Под неё надевали нагрудник — *яга*, *селтэр*, представляющий собой покрытую, обычно красной тканью, суконную основу, сплошь зашитую кораллами и серебром. Верхний край нагрудника — в форме воротника *яка* (ворот) украшался кроме кораллов и раковинами каури, перламутровыми пуговицами. На груди поверх кораллов в различных композициях нашивались серебряные бляхи, монеты. Нижняя часть нагрудника обычно оформ-

<sup>3</sup> Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. — М. ; Л., 1963. — С. 274, 280, 294.



**Зауральская татарка**. Д. Арсланово  
Красноуфимского уезда Пермской губ.

<sup>1</sup> Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Зауральские башкиры. Этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX в. // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1962. — С. 235.

<sup>2</sup> Прыткова Н. Ф. Типы верхней одежды народов Сибири // КСИЭ. — М., 1952. — С. 21.

лялась коралловой сеткой с подвесками из мелких монет. Контур нагрудника окантовывался одним-двумя рядами таких же монет. Башкиро-татарские зауральские нагрудники конструктивно и по способу декоративного оформления сходны с западно-эвенкийскими ровдужными нагрудниками<sup>1</sup>. Подобный нагрудник являлся составной частью костюма многих народов Сибири с глубокой древности<sup>2</sup>.

У зауральских татар и башкир, как и у пермских татар, обнаруживаются архаические виды обуви, связанные с самодийско-угорским миром. В зауральских степях в 80-е гг. XX в. у татар встречалась обувь *сарык* с подошвой и головкой из сыромятной кожи и длинными суконными голенищами, которые подвязывались шерстяными шнурками *куныс бау*. Аналогичный тип обуви с суконным либо холщовым верхом встречался у обских угров<sup>3</sup>, у сибирских татар (*чарык*<sup>4</sup>). Подобную обувь исследователи связывают с обувью охотничьих племён, участвующих в формировании угорских народов<sup>5</sup>. Обычным для этого вида обуви было применение соломенной или травяной стельки. Это же было характерно и для *сарык* башкир и татар. В северных районах Зауралья в составе главным образом охотничьего мужского костюма под названием *көнжирыйк* у татар бытовала обувь из шкуры жеребёнка, сшитая ворсом наружу. Её невысокий холщовый верх собирался вокруг щиколотки на шнурке.

Следует подчеркнуть, что эти и другие сибирские сюжеты у зауральских башкир звучат значительно сильнее и более органично. Именно у башкир сохранились сибирские элементы кос-

тюма, вроде женского убора в форме плотно охватывающего голову чепца, затылочное украшение *елкәлек*, специфическое, связанное с традициями самодийско-угорских этносов, декоративное оформление верхней одежды (полихромный линейный орнамент, солярная символика, использование перламутра и кораллов в орнаментальных композициях вышивки и аппликации и др.).

При выявлении генезиса зауральского КК, визуально аналогичного башкирскому (зауральскому) комплексу, представляется важным исследовать генетическую линию, связанную с культурными традициями финно-угорских народов. На материалах одежды зауральских башкир С. Н. Шитова<sup>6</sup> идентифицировала местный компонент, обусловленный этнокультурными контактами с финно-пермским населением края, обско-угорский (южно-хантыйский) — сформировавшийся в более ранний период в результате взаимодействия населения предуральской и зауральской (западносибирской) зон, и компонент, основанный на взаимодействии тюрков и финно-угров в Урало-Поволжье.

Костюм зауральских татар, относительно поздних переселенцев из Поволжья, по сравнению с аналогичным башкирским, представляется более размытым, а самодийско-угорские черты проявляются в нём слабее и по большей части опосредованно через башкир. Формирование зауральского КК прежде всего связано с генезисом народного костюма зауральских башкир, важнейшей генетической линией которого, совершенно очевидно, являются сибирские, самодийско-угорские напластования.

**Нагайбакская зона (кряшены).** (Верхнеуральский, Троицкий уезды Оренбургской губ.). Структурное содержание комплекса, генезис его отдельных элементов и комплексов в целом рассмотрены автором в специальной работе, посвящённой народной одежде нагайбаков<sup>7</sup>. Проведённый в ней историко-генетический

<sup>1</sup> Шитова С. Н. Сибирские таёжные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография башкир. — Уфа, 1976. — С. 54.

<sup>2</sup> Василевич Г. М. Тунгусский нагрудник у народов Сибири // Сборник МАЭ, — Т. II. — М.; Л., 1949. — С. 46.

<sup>3</sup> Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX в. // Этнографические очерки. — Томск, 1977. — С. 89.

<sup>4</sup> Смирнова Е. Ю. Традиционная одежда тоболо-иртышских татар конца XIX — первой трети XX в. // Народы Сибири и сопредельных территорий. — Томск, 1995. — С. 206.

<sup>5</sup> Василевич Г. М. Типы обуви народов Сибири // МАЭ. — Т. 21. — Л., 1963. — С. 57.

<sup>6</sup> Шитова С. Н. Финно-угорский компонент в народной одежде башкир // Исследования по исторической этнографии башкир. — Уфа, 1984. — С. 9—25.

<sup>7</sup> Сулова С. В. Традиционная одежда нагайбаков (компонентный историко-этнографический анализ) // Нагайбаки. — Казань, 1995. — С. 50—64.

анализ даёт основание говорить о типологическом соответствии народной одежды нагайбаков общей структуре народного костюма волго-уральских татар.

С костюмом казанских татар (и в значительной степени окско-сурских мишарей) его роднит архаический, общеэтнический слой, традиционные основы костюма. Это единство древних покровов верхней одежды (распашная одежда с приталенным силуэтом, т. н. *чабулы кием*) и нижней одежды (туникообразный покрой рубах и нижняя поясная одежда с «широким шагом»). Сюда же относятся древние формы женских головных уборов *ак калфак*, *бөркәнчек*, одинаковые крои архаических видов суконной обуви (спиралеобразные и ичигообразные *тула оек*), монетный или «сельский» комплекс украшений женского костюма. Любопытно, к примеру, что на монетный нагрудник *муенса* нагайбачки, кроме монет нередко пришивали шейный металлический обруч с подвесками-цепочками из монет. В таком виде он представлял собой не что иное, как «архаический» вариант этноспецифического казанско-татарского ожерелья *яка чылбыры*. Бытовали у нагайбачек кроме монетных сканые и пластинчатые «миндалевидные серьги с подвесками», также этноспецифические казанско-татарские. Как показывают материалы Атласа, в наиболее «архаическом» виде костюм казанских татар дольше всего сохранялся у их переселенцев в Пермской области. Не случайно поэтому в ряду казанско-татарских и нагайбакских аналогий основное место занимают нагайбакско-пермские. Это, к примеру, идентичность свадебного комплекса мужской одежды, готовившегося из художественно сотканной пестряди, обязательным атрибутом которого являлся полихромный домотканый кушак *билбау*. И это особенно интересно, поскольку в повседневном быту мужчины-нагайбаки носили казачью форму. Широкое использование художественного тканья в декоративном оформлении одежды было характерно и для женских комплексов одежды пермских татарок и нагайбачек. Сплошь или частично орнаментированными в стиле «*чүпләм-күбәлэк*» (узорными медальонами в виде цветочных ро-

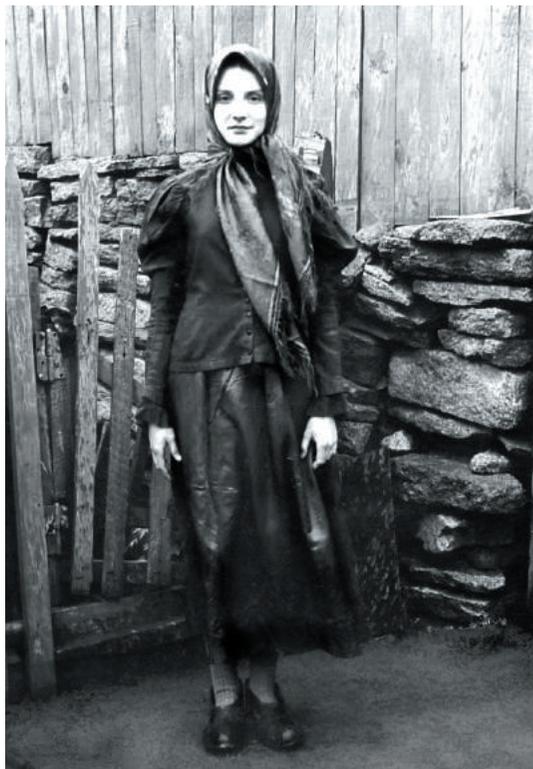
зеток, бабочек, звёздочек) были рубаха и передник, особенно у нагайбачек Троицкого уезда.

Неожиданные параллели, кроме названных общеэтнических, обнаружились в костюме верхнеуральских нагайбачек и сергачских и керенских мишарей, проживающих в Окско-Сурском междуречье. Это оригинальный способ декоративного оформления т. н. «лоскутным узором» комплекса нижней одежды и головных уборов. Аппликация на домотканой рубахе представляла собой круговую или подпрямоугольную композицию на груди и ниже талии. Это яркая контрастная подборка из треугольных, ромбовидных кусочков фабричной ткани как однотонных, так и орнаментированных. У нагайбачек такие рубахи назывались *корамалы кижсе күлмәк*, у сергачских и керенских мишарей *юле күлмәк*, *төрләме күлмәк*. Подобная аппликация не встречена нами у других групп волго-уральских татар, включая кряшен, для которых было характерным «изюобразное» оформление грудного разреза рубахи и линейная аппликация по подолу из разноцветных лент, тесьмы, полосок ткани. Подобным же образом сочной аппликацией (лоскутным узором) украшались и головные уборы. У нагайбаков *начельш* и хвост *сүрәкә*, а у сергачских мишарей женский волосник *башикгеу*.

Ещё более тесная общность наблюдается с традиционной одеждой крещёных татар, за исключением молькеевских кряшен, костюм которых в конце XIX – начале XX в. развивался в русле традиций чувашского костюма и выпадал по многим параметрам из сложившейся системы татарской одежды. Так, близкие аналогии наблюдаются с костюмом елабужских кряшен (особенно в плане декоративного оформления одежды, в покроях, терминах, обуви, украшениях), а также кряшен, проживающих в Белебеевском уезде Уфимской губернии, костюм которых, по нашим наблюдениям, представляет собой своего рода синтез (промежуточный вариант) заказанского и елабужского комплексов. У белебеевских кряшен, как и у нагайбаков, бытовали стёртые (смешанные) формы женских головных уборов и нагрудных украшений. Так, головной убор *чукол* бытовал здесь одновременно

но с *сүрәкә*, большой монетный нагрудник *изчид* носили (так же как и нагайбачки Троицкого уезда) в паре с небольшой монетной *муйса*, типологически представляющей собой аналог «гривноподобной» *яка чылбыры* и пр.

Наиболее родственная (генетическая) связь прослеживается с костюмом заказанско-западно-закамской зоны кряшен (мужскими, девичьими, женскими). Такая близость наиболее ярко наблюдается в идентичности сложных и многочастных комплексов женских и девичьих головных уборов. Так, комплекс женского головного убора нагайбачки *сүрәкә* включал в себя те же составные элементы: *мәләнчек* – специальный чепец, скрывающий волосы, височное монетное украшение *жилкәлек* покрывало *сүрәкә* (или *чукол*), налобная часть которого богато украшалась золотной вышивкой и позументом. Приёмы декоративной вышивки золотными и серебряными нитями, принципы орнаментальной композиции на начельшах и височных украшениях в *сүрәкә* нагайбачки полностью соотносятся с оформлением подобных головных уборов у кряшен основной этнической территории. То же самое можно сказать о комплексе девичьего головного убора нагайбачки *ак калфак*, включаю-



Нагайбачка в русской «парочке». Нач. XX в.  
Д. Париж Верхнеуральского уезда  
Оренбургской губ.



Нагайбачка д. Лягушино Троицкого уезда  
Оренбургской губ.

щем, кроме калфака, налобное украшение *ука чачак*, накосное монетное украшение *чәчбау*, и о свадебном головном уборе *түгәрәк яулык*. Абсолютное сходство наблюдается в комплексе женских украшений, в покроях и конструктивных деталях нижней и верхней мужской и женской одежды, обуви, в чрезвычайной близости приёмов их декоративно-художественного оформления. Здесь, как видим, речь идёт не об отдельных параллелях и аналогах, а о единстве в значительной степени наиболее важных этноопределяющих параметров костюма.

Одновременно костюм приуральских нагайбачков не является простой калькой с костюма заказанских кряшен, а представляет собой оригинальную вариацию, сложившуюся в особых социально-экономических условиях, в ином этническом окружении, с рядом специфических особенностей даже внутри себя, возможно,

объясняющихся участием особых этнических компонентов в формировании нагайбаков. Так, по декоративно-художественному оформлению женского костюма достаточно чётко выделяются два комплекса: «троицкий» и «верхнеуральский». В основе оформления «троицкого» комплекса лежит художественное полихромное ткачество *чуптарлы*, «верхнеуральского» — художественная аппликация *корамалы*. Кроме того, у нагайбаков не удалось зафиксировать некоторые специфические элементы, характерные для костюма татар, в т. ч. крышен. Это, например, женская перевязь *дэвэт*, головное покрывало пожилых крышенок *ак яулык* и др. Возможно, они были утрачены в результате многократных исторических переселений этой группы волгоуральских крышен.

В одном ряду в структурном отношении с костюмом волго-уральских татар находится народный костюм астраханских (*ногай татарлары*) и сибирских (*сыбырлар*) татар, имеющих не одну общую страницу в их этнической истории, связанной, в частности, с историей Золотой Орды и средневековых тюрко-татарских этнических образований. Рубахи астраханских «ногайских» татарок (карагашей, юртовцев) были классической туникообразной формы. Достаточно распространённым видом декоративного оформления женских рубах была художественная строчка с преобладанием растительных мотивов степного характера. Из верхней одежды бытовали *каптал* и *архалык*. Судя по имеющимся данным, *каптал* носили карагаши<sup>1</sup>. Особенно нарядными были девичьи праздничные капталы. Они украшались на груди рядами серебряных застёжек в форме «восточного огурца», множеством монет по манжету, полосой вдоль шва на рукавах и по талии. *Архалык* — верхняя одежда с подкладом. К его бортам пришивались металлические застёжки, рукав — длинный, с рюшами.

Оригинальными и сложными были головные уборы астраханок. Обязательными элементами

женского убора считались волосники, наподобие мишарских, в виде повязки или чепца — *шлауш*, надеваемые в комплексе с тастарами — покрывалами самых разнообразных форм и декоративного оформления. Юртовские астраханки носили большие треугольные кисейные тастары, орнаментированные шёлковой тамбурной вышивкой, поверх которых надевалась шапка, отделанная мехом. Весьма оригинальным был свадебный головной убор карагашек *саукеле* — высокая цилиндрическая матерчатая шапочка на плотной (каркасной) основе. Украшалась она специфической аппликацией и вышивкой, надевалась в комплексе со свадебной повязкой — *миезбёк*, которая состояла из множества специальных металлических пирамидальных подвесок, и тастаром.

Как и у большинства тюркских народов, костюм астраханских татарок пестрил множеством металлических украшений и аксессуаров, которые зачастую играли роль оберега. Например, позументное украшение — сумочка для молитв, напоминающее мишарскую перевязь — *чапук*. Центральным декоративным элементом женского наряда являлся пояс — *ккак* с металлическими накладками или же составленный из специальных, скреплённых между собой шарнирами, блях. Накладки, бляхи, пряжки поясов, как и другие ювелирные украшения, искусно выполненные в технике скани, зерни, приобретались в основном у мастеров с Кавказа.

Из обуви предпочтение отдавалось кожаным сафьяновым сапожкам. В праздники надевали необычные для других групп татар сапожки — *ату* с бархатными голенищами, украшенными бисером, позументом.

В целом традиционная одежда астраханских татар в середине XIX в. по ряду параметров имела значительное сходство с одеждой татар-мишарей Окско-Сурского междуречья, особенно кузнецко-хвалынских<sup>2</sup>. Прямые же аналоги комплексам, особенно карагашскому, находим в

<sup>1</sup> Пятницкий В. Карагачи (по материалам поездки 1927 г.) // Землеведение, 1930. — Т. 32. — Вып. III—IV. — С. 159.

<sup>2</sup> Сулова С. В. Костюм астраханских татар XIX — начала XX в. (по материалам музейных коллекций) // Астраханские татары. — Казань, 1992. — С. 81—88.

одежде ногайцев, проживающих в Дагестане и Ставропольском крае<sup>1</sup>.

Западносибирские татары сохраняли свою традиционную одежду и в начале XX в.<sup>2</sup> Для пошива верхней и нижней одежды приобретался холст, изготовленный зачастую русскими соседями. В высшем сословии преимущественно использовались ткани фабричного производства, в том числе роскошные восточные, привозимые в Сибирь торговцами из Средней Азии. Традиционная рубашка — *килек*, *койлак*, как и у волго-уральских татарок, была туникообразной. Особенность женских и девичьих рубашек — использование для их пошива цветастых тканей и обилие на подоле шёлковых, атласных оборочек — *бөрмәле кәйләк*, что удачно гармонировало с однотонной приталенной, с длинными узкими рукавами бархатной выходной верхней одежды — *махмал йектә*, напоминающей *букавтан* пермских татар или *вокавтан* обских угров<sup>3</sup>. Полы, концы рукавов украшались позументом и нередко опушались богатыми сибирскими мехами. Тёплую верхнюю одежду — *сукмән*, *шабур* шили из шерстяных и льняных тканей собственного производства.

Этноспецифическим женским головным убором был *сарауц* — вышитая золотными нитями или убранный самоцветами, жемчугом, бисером головная повязка-волосник, напоминающая волосник мишарок Окско-Сурского междуречья, которую надевали в комплексе с головным покрывалом. Широко известными и любимыми были головные уборы, заимствованные от по-

волжских татар-переселенцев. Это всевозможные калфаки — вязаные или шитые из шёлка, бархата, богато орнаментированные золотной и серебряной нитью, синелью, украшенные лоскутным узором или монетной аппликацией. Молодые девушки нередко заплетали волосы во множество косичек и покрывали голову круглой плоской шапочкой — *колвак* (*кәбец*). Зимой сибирячки носили шапки из цветного сукна, бархата, парчи, опушённые бобром или котиком, и непременно с покрывалами. Обувь, как и у других групп татар, была преимущественно кожаной: лёгкие, с мягкой подошвой сапожки — *ату*, цветные, но чаще однотонные. Особо ценились узорные сафьяновые сапожки из Казани. Наиболее архаичной повседневной обувью были самодельные *царых* — вроде калош из сыромятной кожи. В холодное время к *царых* пришивали голенища из самодельного же сукна или холста.

Заметное влияние на традиционный костюм сибирских татар оказали богатые культурные традиции народов Средней Азии, проводниками которых были «бухарцы». Так, в их костюме наряду с казанско-татарскими широкое распространение получили среднеазиатские ювелирные украшения и аксессуары. Вызывают восхищение кожаные (или тканые) пояса с крупной металлической, ювелирной работы пряжкой и накладными бляхами, всевозможные среднеазиатского типа женские ожерелья-амулеты «бозбанд», сканные и чеканные с чернью серьги, браслеты, уникальные шейные украшения, крупнейшим хранилищем которых является Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. В начале XX в. в одежде сибирских татар заметно ощущается влияние русской городской культуры<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX— начале XX в. — М., 1976. — С. 126—184.

<sup>2</sup> Смирнова Е. Ю. Традиционная одежда тобольско-иртышских татар конца XIX — первой трети XX в. // Народы Сибири и сопредельных территорий. — Томск, 1995. — С. 207.

<sup>3</sup> Сулова С. В. К вопросу об этнокультурных взаимосвязях волго-уральских татар и обских угров (по материалам народной одежды) // Обские угры. — Тобольск ; Омск, 1999. — С. 114.

<sup>4</sup> Смирнова Е. Ю. Традиционная одежда тобольско-иртышских татар... — С. 215.



## ГЛАВА VI

# ВИЗУАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КОСТЮМА

До настоящего времени отдельным этнотерриториальным группам волго-уральских татар остаётся неизвестным их «исторический» облик — народный костюм, наиболее выразительная символически-знаковая сторона традиционной культуры. Здесь мы имеем в виду выявившиеся на основе материалов Атласа устойчивые, но визуально утраченные КК, бытовавшие у татар в середине XIX в., а также полностью утраченный исторический костюм ещё более ранних периодов, в частности, периодов Джучиева Улуса (Золотой Орды) и Казанского ханства. Типологический и картографический материал Атласа открыл возможности создания исторически достоверных ранних этнографических, а также археолого-этнографических реконструкций, т. е. возможности выхода на решение проблем, связанных с историей формирования татарского костюма и его связи с этнической историей народа в целом. Работа над реконструкциями базировалась на методике, разработанной известным археологом и культурологом З. В. Доде. «Реконструкция костюма — это первый шаг к репрезентации той исторической реальности, в которой он бытовал. Информационное поле костюма как исторического источника намного шире и глубже других культурных форм»<sup>1</sup>. Эта методика удачно апробирована рядом учёных, подтверждающих её теоретическую значимость не только в археологических, но и в этнографических исследованиях. В настоящей главе предпринимается лишь первая попытка подобного опыта, которая в полном объёме может быть осуществлена в будущем.

### 1. Опыт реконструкции ранних донациональных вариантов костюма

В современной татарской историографии практически не существует исследований, свя-

<sup>1</sup> Доде З. В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности: к вопросу о методике исследования // Структурно-семиотические исследования в археологии. — Т. 2. — Донецк, 2005. — С. 308.

занных с воссозданием ранних донациональных форм костюма волго-уральских татар, за исключением синхронных (середина XIX в.) реконструкций, подготовленных автором на артефактах Атласа и опубликованных в ряде изданий Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. Наиболее важными, вследствие их практически полной утраты, являются художественные реконструкции женского костюма темниковско-азеевских, сергачских, кузнецко-хвалынских, лямбирских мишарей, а также касимовских татар, приуральских тептярей.

Работая над реконструкциями костюма татар Поволжья и Урала, этого сложного в этнокультурном отношении региона, автор стремился показать богатство и многовариантность его утраченных донациональных форм<sup>2</sup>. Комплексы одежды волго-уральских татар при наличии общеэтнических черт (покрой нижней и верхней одежды, способы декоративно-художественного оформления и т. д.) имели достаточно чётко выражённую этнотерриториальную, половозрастную, социально-классовую окраску и заметно отличались друг от друга.

**Общие аналитические подходы и конкретные методы работы.** Полевой этнографический материал Атласа явился структурной основой реконструкций. Однако этого материала (устная информация + случайно сохранившиеся в семьях реликвии) было недостаточно для воссоздания полных комплексов костюма середины XIX в. Необходимо было привлечь синхронный визуальный материал из других источников, который должен был иллюстрировать полевые материалы.

Такой реально существующей иллюстрацией зачастую служили музейные экспонаты. Это зафиксированные (в рисунках, фотографиях, слайдах, чертежах) детали костюма из фондов многочисленных российских музеев, в том числе городских, районных и даже школьных. Роль иллюстрации нередко принадлежала и ранним синхронным изобразительным материалам

<sup>2</sup> Реконструкцию удалось осуществить в значительной степени благодаря финансовой поддержке фонда ИЭКА. «Поволжье» (Самара).

(копиям художественных изображений в виде гравюр, рисунков) сопоставимым с полевыми, музейными и письменными источниками.

Была осуществлена тщательная подборка артефактов, необходимых конкретных материалов, на основе которых выполнялись научно обоснованные первичные (авторские) эскизы-реконструкции. Художественное их оформление на заключительном этапе (цветная графика) было выполнено профессиональным художником Д. Н. Залялетдиновым. Большое внимание при этом обращалось на тщательное воспроизведение технических и конструктивных особенностей костюма, характерных для него декоративных деталей, особенностей орнаментальных мотивов в вышивках, аппликациях, ювелирных украшениях, художественном ткачестве и т. д.

**Идентификация материалов реконструкции.** Представленный видеоряд реконструкций является оригинальным синтезом результатов научного анализа региональных историко-этнографических источников. Выполненные реконструкции основываются исключительно на первоисточниках, т. е. на артефактах, позволяющих восстановить крой одежды, её пространственную форму, манеру ношения, комплекс убранства. Здесь также предусмотрено воспроизведение подлинного орнамента и колорита тканей. По классификации Э. В. Доде<sup>1</sup> подобные реконструкции относятся к разряду *аутентичных*, т. е. полностью соответствующих подлиннику.

---

<sup>1</sup> Доде Э. В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности... — С. 307.

### Комплекс выходной одежды молодой женщины.

Середина XIX в. (по материалам Елатомского уезда Тамбовской губ.).  
Темниковско-азеевские мишари

Головной убор: полотенцеобразный тастар, конец которого украшен узорами строчевой вышивки «цветная перевить». Тастар повязан на волосник *салауч*, а его украшенный конец расположен на груди.

Нижняя одежда: специфическая туникообразная рубаха из белого холста вдоль грудного разреза и обшлагов рукавов украшена красной вышивкой в технике «мелкий крест» (счётной вышивкой по разреженному холсту или «косым

стежком»). Вдоль продольных швов рубаха оттена полосками красной материи.

Украшения: наосник-чехол *чэчкап* украшен двумя рядами монет. Конец его оформлен ситцевым воланом и ювелирным наосным украшением *чулпы*. Нагрудное украшение перевязь-карманец *чапук* украшен монетами и карманец расшит тамбурной вышивкой.

Обувь: традиционная кожаная обувь на мягкой подошве — сапожки *читек*.



**Комплекс выходной одежды молодой женщины.**

Середина XIX в. (по материалам Кузнецкого и Хвалынского уездов Саратовской губ.).  
Кузнецко-хвалынские мишари

Головной убор: комплекс головного убора состоит из волосника-чепца *салауч*, расшитого золотошвейной гладью *вприкреп* («литой шов») и особым образом повязанного золотошвейного («литой шов») тастара, расшитый конец которого располагается на спине. Тастарный комплекс завершается специальной домотканой повязкой, предназначенной для укрепления его на голове.

Нижняя одежда: традиционная туникообразная рубаха из крупной клетчатой пестряди с длинным широким рукавом.

Верхняя одежда: длинный из фабричной ткани камзол, отороченный фабричной золотой тесьмой.

Украшения: верхний нагрудник *алныча*, нагрудная перевязь *чапук*, накосник-чехол *чэчкап*, украшенный ситцевым воланом и ювелирным накосным украшением *чулпы*. Бархатная основа украшений расшита традиционным орнаментом золотошвейной глади *вприкреп* («литой шов»).

Обувь: традиционная кожаная обувь на мягкой подошве — сапожки *читек*.



**Комплекс выходной одежды молодой женщины.**  
Середина XIX в. (по материалам Касимовского уезда Рязанской губ.).  
Касимовские татары

Головной убор: тастарный комплекс головного убора состоит из волосника *баш'ием* (волосника-чепца и матерчатого, украшенного позументом, накосника-чехла). Поверх волосника особым образом повязан полотенеобразный тастар. Касимовские тастары обычно имели лишь один украшенный плотной тамбурной вышивкой конец, который располагался на плече или на груди. Поверх тастара надет верхний головной убор — шапка с меховым околышем *камчат бурек*.

Нижняя одежда: традиционная туникооб-

разная рубаха из кашемира с нижним воланом, с длинным широким рукавом.

Украшения: сканое шейно-нагрудное украшение *яка чылбыры* и сканый браслет. Ювелирные изделия украшены сердоликом и бирюзой.

Обувь: кожаная обувь на мягкой подошве, орнаментированная традиционной кожаной мозаикой, сапожки *читек*.

Верхняя одежда: длинный коротко рукавный *биш билле камзол* из дорогой фабричной ткани, отороченный мехом.



**Комплекс выходной одежды молодой женщины.**

Середина XIX в. Переселенцы из Керенского уезда Пензенской губернии  
(по материалам Бугурусланского уезда Самарской губ.).

Татары-мишари

Головной убор: домотканый полотенеобразный тастар, концы которого украшены полихромными геометрическими закладными узорами. Поверх тастара надета шапка с меховым околышем *камчат бцрек*. Косы спрятаны в специальный волосник – чехол *чэчкап*, украшенный аппликацией из ромбовидных и треугольных кусочков разноцветного ситца, конец волосника-чехла завершается красным ситцевым воланом.

Нижняя одежда: домотканая мелкоклетчатая пестрядная рубаха туникообразного покроя; нагрудная часть, верх рукавов и низ рубахи также оформлены аппликацией геометрического характера из кусочков разноцветного ситца.

Украшения: нагрудная монетная перевязь *чапук* с карманцем для хранения амулетов. Косы женщины украшены накосниками – бляхами *чулпы*, *бака*.

Обувь: вязаные хлопчатобумажные чулки + лапти *татар чабатасы*.



**Комплекс выходной одежды молодой женщины.**  
Середина XIX в. Переселенцы из Пензенской и Симбирской губерний  
(по материалам Бугурусланского уезда Самарской губ.).  
Татары-мишари

Головной убор: старинный головной убор *кашпау* — мягкая шапочка, убранный серебряной монетою и кораллами. Со стороны подбородка к височной части кашпау прикреплена низка из серебряных же монет *сагалдрык*. Косы женщины спрятаны в волосник-чехол *чэчкап*, расшитый золотошвейной гладью вприкреп.

Нижняя одежда: рубаха туникообразная с двумя нижними воланами из тонкого фабричного кашемира.

Верхняя одежда: джилян с коротким рукавом с приталенной спинкой *өч билле жилән*; шит из плотного среднеазиатского шёлка *эдрэс* на подкладе. Борта джиляна и низ рукавов обшиты тесьмой.

Украшения: накосники чулпы в виде блях с монетными подвесками вплетены в каждую из двух кос. Шитый золотными нитями верхний бархатный нагрудник *алныча*. В центре нагрудника характерная орнаментальная композиция в виде вихревой розетки (солярный знак). Матерчатое в виде лунницы шейное украшение *муенса* ушито рядами кораллов и серебряных монет. Нагрудный амулет-украшение — монетная перевязь *чапук*. Бархатный карманец перевязи расшит золотошвейной гладью.

Обувь: высокие однотонные сапожки *читек* из мягкой кожи на тонкой сплошной подошве.



**Комплекс праздничной (свадебной) одежды молодого крестьянина.**  
Середина XIX в. (по материалам Бугурусланского уезда Самарской губ.).  
Казанские татары

Головной убор: бархатная тубетейка *түбәтәй*, расшитая полихромным растительным тамбурным орнаментом.

Нижняя одежда: туникообразная домотканая рубаха из пестряди в клетку, отороченная домотканой же тесьмой; штаны «с широким шагом» — *ыштан* из пестряди домашнего производства, орнаментированной в технике *чүпләм-күбләк*.

Верхняя одежда: камзол из фабричной материи на подкладке, короткорукавный, с воротом-стойкой, длиной до бедёр, с традиционно приталенной спинкой.

Обувь: кожаные высокие сапоги *итек*, надетые в комплексе со свадебными, расшитыми тамбуром наголенниками *уравыч*.



**Комплекс выходной демисезонной одежды пожилого крестьянина.**  
Середина XIX в. (по материалам Бугурусланского уезда Самарской губ.).  
Казанские татары

Головной убор состоит из нижней тибетейки *тцбэтэй*, орнаментированной полихромной тамбурной вышивкой, и верхней валяной шляпы *тула эшлэпэ*, украшенной узкой домотканой тесьмой, выполненной в технике *чцплэм-кцбэлэк*.

Нижняя одежда: рубаша из отбеленного холста *ак кцлмэк* туникообразного покроя с отложным воротником украшена узкой домотканой тесьмой; нижняя поясная одежда — *ыштан*

традиционного покроя «с широким шагом» из полосатой пестряди домашнего производства.

Верхняя одежда: короткорукавная верхняя одежда с приталенной спинкой из фабричной хлопчатобумажной материи на подкладе подпоясана кушаком *билбау*.

Обувь: суконные домашней выделки чулки *тула оек* одеты в комплексе с лыковой обувью традиционного плетения (головка лаптей «прямоплетёная») *татар чабатасы*.



**Комплекс выходной одежды замужней женщины.**

Середина XIX в. (по материалам Бугурусланского уезда Самарской губ.).  
Казанские татары

Головной убор: нижний бархатный головной убор-шапочка, расшитая бисером, поверх которой повязан белый хлопчатобумажный платок «по-татарски» (за два соседних угла под подбородком, основное полотнище расположено на спине). Комплекс головного убора венчает джилян *жилән* из среднеазиатской полушёлковой ткани *адрәс*, одетый на голову поверх платка: им было удобно прикрыть лицо при встрече с посторонним мужчиной.

Нижняя одежда: рубаха туникообразного

покроя, однотонная с узкой оборкой по низу подола.

Верхняя одежда: бархатный длинный короткорукавный камзол традиционного покроя с приталенной спинкой *өч билле камзол*, украшенный позументной тесьмой.

Украшения: матерчатое нагрудное монетное украшение *түшлек* и монетная перевязь *дәвәт*.

Обувь: кожаные ичиги *читек*, орнаментированные в традиционном стиле «кожаной мозаики».



**Комплекс повседневной одежды молодой девушки-крестьянки.**  
 Конец XIX — начало XX в. (по материалам Бугурусланского уезда Самарской губ.).  
 Казанские татары

Головной убор: бархатная монетная шапочка *такья* надета в комплексе с широким матерчатым монетным накосным украшением *чэчкап*, конец которого — *коерык* дополнительно украшен ювелирным накосным украшением из блях с монетными подвесками *чулпы*.

Нижняя одежда: рубаха из однотонного сатина со вшивным рукавом, с воротником-стойкой и рядом мелких сборок по низу рубахи *бөрмәле күлмәк*. Передник *алъяпкыч* также

сатиновый, богато расшит растительными уборами тамбурной вышивки.

Верхняя одежда: белый чекмень *ак тула чикмән* из сукна домашнего производства с приталенной спинкой, отделан сатином по бортам и вороту.

Украшения: монетное ожерелье *тәңкәле сырга* и монетные серьги *тәңкәле алка*.

Обувь: вязаные на спицах чулки и лыковые тапочки *башмак чабатасы* на деревянной подошве *таш табан*.



**Комплекс выходной одежды девочки-подростка.**

Середина XIX в. (по материалам Казанского уезда Казанской губ.).  
Казанские татары

Головной убор: *ак калфак*, *ак калпак* – белый вязанный из хлопчатобумажных нитей, чулкообразный убор, украшенный позументной кисточкой и специальным налобным позументным украшением *ука чэчэк*.

Нижняя одежда: рубаша традиционного туникообразного покроя из клетчатой пестряди домашнего производства.

Верхняя одежда: длинный короткорукавный камзол из тонкого фабричного сукна на подкладке с приталенной спинкой – *өч билле камзол* на груди скреплён специальной застёжкой *каптырма*. По бортам, подолу, низу рука-

вов камзол оторочен позументной тесьмой *ука*.

Украшения: косы девочки прикрыты наконником *чэчкап*, *чэч тәңкәсе* – в виде широкой простёганной полосы ткани, украшенной двумя рядами монет. Конец наконника завершают специальные металлические бляхи «на коромысле» – *ике буынлы чулпы* с прикрепленными к ним монетными подвесками. В ушах сканые серьги миндалевидной формы с подвесками *татар сыргасы*. На груди монетное ожерелье *тәңкәле муенса*.

Обувь: короткие кожаные тапочки вроде калош – *кәвеш*, *ката*.



**Комплекс выходной одежды мальчика-подростка.**  
 Конец XIX в. (по материалам Казанского уезда Казанской губ.).  
 Казанские татары

Головной убор: четырёхклинная бархатная, расшитая растительным тамбурным орнаментом тюбетейка – *түбәтәй*.

Нижняя одежда: белая, из фабричной хлопчатобумажной ткани рубаха – *күлмәк*. Отложный ворот рубахи украшен тамбурной вышивкой. Рубаха длинная, прямого покроя со

вшивным широким рукавом; штаны «с широким шагом» *ыштан* из полосатой пестряди, домашнего производства.

Верхняя одежда: безрукавный камзол на подкладке из фабричного тонкого сукна.

Обувь: кожаные высокие сапоги *итек*.



**Комплекс выходной одежды молодой женщины.**

Конец XIX — начало XX в. (по материалам Шадринского уезда Пермской губ.).  
Зауральские татары

Головной убор: большое верхнее головное покрывало из красного орнаментированного ситца *кушъяулык* надето поверх нижнего убора — орнаментированной бисером шапочки *түбәтәй калфак*.

Нижняя одежда: ситцевая однотонная рубаха со шивными плечиками, со множеством мелких оборок — *бала итәкле күлмәк*.

Верхняя одежда: прямоспинный, украшенный позументом камзол.

Украшения: трапециевидный, украшенный кораллами и монетами матерчатый нагрудник — *яга*.

Обувь: кожаные с войлочными голенищами сапожки *сарык*, орнаментированные яркой тканевой аппликацией.



**Комплекс выходной одежды молодой женщины.**

Середина XIX в. (по материалам Цивильского уезда Казанской губ.).  
Молькеевские кряшены

Головной убор: старинный монетный шапкообразный кашбау (кашпау) с наспинной лопастью надет поверх домотканого тастара. Богато украшенные тканым орнаментом (выборная техника ткачества) концы тастара расположены на спине.

Нижняя одежда: домотканая туникообразная рубаха из крупноклетчатой пестряди, поверх рубахи надет передник запон без грудки, орнаментированный вышивкой в технике «крест».



Видеоряд аутентичных (соответствующих подлиннику) реконструкций представляют особую ценность, поскольку позволяет воссоздать

(в виде зрительного восприятия и «новоделов») ныне утраченный пласт народной культуры.

## 2. Опыт археолого-этнографических реконструкций средневекового костюма

В археолого-этнографической литературе вопросы реконструкции средневековых форм костюма золотоордынского и ханского периодов истории волго-уральских татар до настоящего времени остаются малоизученными. Из имеющихся сегодня попыток реконструкции средневекового костюма заслуживает внимания серия *аподиктических* (Знатная казанская татарка. XVI в.) и *гипотетических* (видеоряд ханских и воинских облачений XIII–XIV вв.) реконструкций, выполненных М. В. Гореликом и опубликованных в ряде современных изданий<sup>1</sup>.

В отечественной науке, как известно, долгое время преобладала переоценка роли среднеазиатского компонента в материальной культуре и искусстве Золотой Орды. При этом оказывались утраченными как местные (кипчакские и болгарские), так и привнесённые (центральноазиатские, монгольские) черты. Эти искажения, основанные на недооценке роли феномена преемственности этнокультурных и художественных традиций, были выправлены работами известных российских археологов – Г. А. Фёдорова-Давыдова<sup>2</sup>, С. А. Плетнёвой<sup>3</sup>, М. Г. Крамаровского<sup>4</sup> и др. Последнее обстоятельство было учтено автором при работе над вариантами археолого-этнографических реконструкций средневекового татарского костюма. Комплексный подход к анализу источников при использовании современных методов этнологии (структурно-типологического, ретроспективного, синхронного) позволил осуществить своеобразный синтез в виде художественных, археолого-этнографических

реконструкций<sup>5</sup> татарского исторического костюма, основанных на признании относительной устойчивости и преемственности типологических признаков народной культуры.

*Вариант реконструкции средневекового мужского костюма (по материалам кочевнических традиций Золотой Орды. XIV в.): археолого-этнографическое обоснование*

Изучение материалов половецко-кипчакских каменных изваяний, погребального инвентаря золотоордынского времени в Нижнем и

<sup>5</sup> Реконструкции были выполнены при поддержке ЗАО «Алмаз-Холдинг».



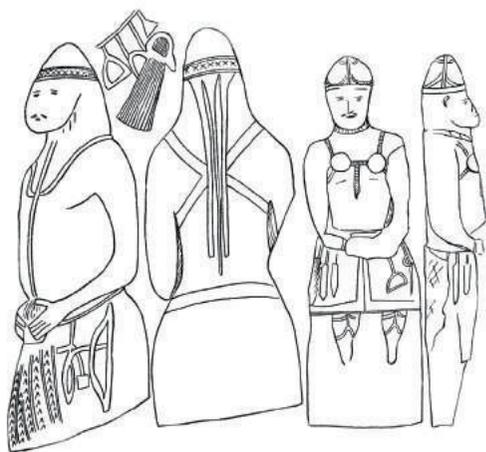
Рис. Т. В. Соловьёвой

<sup>1</sup> Tartarica. Дизайн. Информация. Картография. — Казань ; СПб., 2006. — С. 274–375, 294–295, 382–383.

<sup>2</sup> Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов... С. 36; Искусство кочевников и Золотой Орды. — М., 1976.

<sup>3</sup> Плетнёва С. А. Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях...: От кочевий к городам. — М., 1967.

<sup>4</sup> Крамаровский М. Г. Золото чингисидов... — Каталог, № 255–274.



**Каменные изваяния поздних кочевников.**  
(Г. А. Фёдоров-Давыдов. «Кочевники  
Восточной Европы...»)

Среднем Поволжье, в Крыму, на Кавказе, архаических типов головных уборов волго-уральских татар и башкир показывает, что наиболее вероятными головными уборами могли быть уборы шлемовидной формы с затылочной лопастью. В разных вариациях, начиная с раннего Средневековья, они были известны большинству тюрко-монгольских этносов, что, вероятно, связано с устойчивостью древних кочевнических традиций, т. н. «всаднической культуры».

Изображённый на рисунке-реконструкции головной убор представляет собой войлочную шапку, кроенную из четырёх клиньев со слегка заострённой верхушкой, украшенной шишаком в виде красного плетёного из войлочного или тканевого рулика «узла счастья». «Узел счастья» — один из наиболее распространённых сюжетов в декоре костюма золотоордынского времени<sup>1</sup>. До сих пор он стойко сохраняется в искусстве тюрко-монгольских этносов Евразии<sup>2</sup>, в т. ч. и у волго-уральских татар. Шапка имеет металлическое или кожаное ажурное навершие. Бармица — затылочная лопасть обычно квадратной или подквадратной формы. Ближайшим

этнографическим аналогом являются мужские головные уборы монгол, бурят, калмыков.

Специфика причёски золотоордынца (татарина-кипчака) заключалась в практически обязательном присутствии длинных кос — одной, двух, трёх, четырёх. Косы, судя по ранним изображениям и материалам археологических раскопок, обычно убирались в специальные чехлы-футляры<sup>3</sup>. Чехлы могли быть войлочными или кожаными, могли украшаться металлическими накладками. Это отличало их от монгольской знати — мужчин и женщин, которые заплетали волосы в две косы за ушами, каждую косу складывали вдвое, подгибая конец внутрь, туго подвязывали у самого основания плетения. Коса, заплетённая и уложенная таким образом, была отличительным признаком принадлежности к монголам и показателем высокого положения в социальной иерархии. В предложенном варианте реконструкции косы помещены в один кожаный футляр в виде длинной, ниже пояса, двойной полосы кожи с некоторым расширением книзу. Футляр орнаментирован кожаной аппликацией. Орнамент аппликации представляет собой широко известный в золотоордынском и более позднем татарском искусстве мотив пальметты.

Одежда представлена в виде характерного для средневековых тюрко-монгольских традиций туникообразного халата с правосторонним (монгольским) запахом, длиной до колен со свободным рукавом.

Изображённые на рисунке орнаментированные аппликацией нарукавники издревле являлись обязательной деталью повседневной рабочей одежды не только мужчин, но и женщин. Этнографические параллели — орнаментированные вышивкой нарукавники — *жиңсә* имеются в материалах рабочей одежды волго-уральских татар.

Рабочий передник интересен и по конструкции, и по решению декоративных орнаментальных деталей. Предположительно он изготавливался из хорошо обработанной кожи, крепился

<sup>1</sup> Крамаровский М. Г. Золото чингисидов... — Каталог, № 255—274.

<sup>2</sup> Ү. Ядамсурэн. БНМА улсын ардан хувсац ... — Рис. 6, 38, 41, 81.

<sup>3</sup> Плетнёва С. А. Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях... — Табл. 37.

на плечах при помощи характерной и хорошо описанной в научной литературе системы кожаных ремней<sup>1</sup>. Грудь передника орнаментирована двумя кожаными бляхами. Эти весьма характерные детали верхней одежды кочевников также, вероятно, связаны с традициями «всаднической культуры» (защита груди в бою). Остатки нагрудных блях из толстых кожаных и войлочных кругов неоднократно были найдены в кочевнических комплексах XIII–XIV вв. Подобные же бляхи изображены и на каменных изваяниях кочевников, составляющих, как известно, основную массу населения и периферии, и городов Золотой Орды (Улуса Джучи).

Обязательным атрибутом традиционной одежды татарина издревле являлся пояс. Им подпоясывали исключительно верхнюю одежду. Важная социальная, магическая и обрядовая функция мужских поясов хорошо известна со времён «всаднической культуры» золотоордынского периода татарской истории<sup>2</sup>. К пояскому ремню справа и слева на кожаных ремнях, как правило, подвешивались часто в орнаментированных футлярах бытовые предметы, аксессуары, ремесленный инструментарий, амулеты. Эта древняя традиция – всё своё иметь при себе – в качестве рудимента дожила у кочевых в прошлом народов вплоть до XX в.

В представленной реконструкции поясной набор – у кожаного пояса рабочего передника – включает орнаментированный мешочек-кошелёк для денег, нож в орнаментированном кожаном футляре, горелку, амулет – металлическую куклу-божок – *курцак* – знак того, что его хозяин ещё не расстался полностью с древним тенгрианством и не до конца принял официальную в империи религию – мусульманство.

В золотоордынских кочевнических погребениях часто находят остатки кожаной обуви. Мужские кожаные сапоги украшались кожаной аппликацией, что характерно для тюрков с весьма раннего времени, либо серебряными или мед-

ными бляхами. Они же украшали и голенища, и носки сапог.

Конструкция данного варианта сапог более сходна с монгольскими вариациями кожаной обуви, но имеет аналоги и в тюркском кочевом мире<sup>3</sup>. Союзки и голенища скроены из двух симметричных половин. Голенища закрывают всю голень и их ширина одинакова в верхней и нижней частях. Союзки жёсткие, наглухо пришиты к голенищу. Подошва толстая негнущаяся, с войлочной прокладкой, жёсткий носок загнут вверх. Подошва нашивается на союзку с рантом, сборок на союзке нет. Конструкция сапог приспособлена для езды в жёстком седле при быстрой скачке, стоя в упоре на стремени, т. е. для определённой, выработанной веками посадки. Одновременно эта конструкция весьма удобна и для оседлого образа жизни. Орнамент сапог – кожаная аппликация, выполненная в духе тюрко-монгольских традиций.

По материалам археологических раскопок Г. А. Фёдорова-Давыдова, С. А. Плетнёвой и других, очевидно, что весьма характерным для средневековых тюрко-монгольских традиций является использование мужчинами в качестве украшений серёг (обычно одной серьги) – кольцевой формы или в форме знака вопроса. Эта традиция в Центральной Монголии, например, сохранялась вплоть до начала XX в. Достаточно ординарным явлением было и использование украшений в виде гривны. Золотая Орда в этом отношении не является исключением. На пальце ордынца – клеймо. Оно выполнено в виде массивного перстня-печатки – украшения, характерного и для более поздних татарских ювелирных традиций.

В целом реконструкция отражает симбиоз кипчако-половецких и тюрко-монгольских традиций, сложившийся прежде всего в условиях золотоордынских городов Нижнего Поволжья – Сарая-Берке, Сарая-Бату, а также Крыма (Солхат).

<sup>1</sup> Плетнёва С. А. Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях... — С. 210.

<sup>2</sup> Крамаровский М. Г. Золото чингисидов... — С. 36–60.

<sup>3</sup> Викторова Л. Л. Монгольская одежда // Одежда народов зарубежной Азии // МАЭ. — Т. XXXII. — Л., 1977. — С. 196.

*Вариант реконструкции девичьего костюма золотоордынской знати XIV в. (по материалам городских традиций Золотой Орды): археолого-этнографическое обоснование*

Вместе с монгольским нашествием в зону восточноевропейских степей, как известно, были перенесены многие центральноазиатские формы городского костюма, типологически восходящие к раннесредневековым формам высокого китайского искусства<sup>1</sup>. Вопрос о монгольском насле-

<sup>1</sup> Крамаровский М. Г. Золото чингисидов... — С. 58.



Рис. Т. В. Соловьёвой



Средневековый монгольский головной убор с теменной бляхой. (М. Boyer. Mongol jewellery...)



Теменная бляха *тепелик* на женский головной убор крымских татар. XIX в. БМИККТ

дии неизбежен, если мы хотим понять природу происхождения Золотой Орды и основ её культуры<sup>1</sup>. Это утверждение известного исследователя золотоордынской культуры нашло отражение в предложенной ниже реконструкции костюма знатной горожанки Золотой Орды.

Основой для конструирования головного убора явились сложные многочастные металлические или тканевые шапочки с открытой макушкой, широко распространённые в тюрко-монгольском мире, богато декорированные ювелирными поделками в виде блях, самоцветов в оправе, кораллами, бисером. Шапочки нередко имели затылочную лопасть для сокрытия волос, богатые налобные и шейно-височные украшения. Архетипами таких уборов являются головные уборы средневековой монгольской знати, прекрасные образцы которых приводятся в уникальном издании Марты Бауэр, посвящённом Хасланд-Кристенсену — руководителю трёх центральноазиатских экспедиций и основателю центральноазиатских коллекций Национального музея Дании<sup>2</sup>. Фрагменты их, в частности теменные бляхи, были обнаружены и в золотоордынскихкладах XIV в. города Шахрисабз. Этнографические параллели подобным уборам находим в девичьем костюме среднеазиатских народов, этнокультурная история которых тесно связана с золотоордынскими традициями в прошлом. Это металлическая шапочка *такья*. По материалам татарского Атласа, архаическим девичьим головным убором является шапочка с открытым верхом под тем же названием *такья*. У татар-мишарей Пензенской и Симбирской губерний в прошлом подобная шапочка *кашпау* также представляла собой шапку-повязку. Верхний край повязки собирался на нитку или закладывался в складку, а нижний для крепости с внутренней стороны подшивался узкой тесьмой. Налобная часть украшалась монетами, бляхами.

Головной убор реконструкции представляет собой жёсткую шапочку с открытым верхом, украшенную богатым набором блях. Со стороны висков к ней прикреплено характерное для тюрко-монгольских этносов богатое шейно-височное украшение в виде декоративно оформленной цепи, известное у ряда групп волго-уральских татар под названием *сырга*. Украшение декорировано подвесками-бляхами, украшенными сердоликами и подвесками из монет.

В реконструкции намеренно не используется широко распространённый в монгольском мире головной убор *бокка*, хорошо известный по изобразительным и археологическим материалам в Восточной Европе (Поволжье, Заволжье) и описанный Плано Карпини и Рубруком, поскольку этот головной убор является исключительно женским<sup>3</sup>.

Выходное платье-рубаха отличается присущей для средневекового костюма монументальностью. Она туникообразная, раскроена по вертикальным швам. Плечевая часть рубашки, обычно до талии или середины груди, имеет подплёку из простой ткани. Ворот — стойка, рукав — широкий. Особенностью ханских тюрко-монгольских форм рубашки является богатая отделка низа рукава. Это высокая до локтя манжета вроде обшлага — браслета, известного в средневековом костюме казанских, крымских и астраханских татар. Манжета декорирована обычно золотошвейной вышивкой, жемчугом, самоцветами. Низ рубашки также расшит полосой золотного шитья в виде цветочно-растительного орнамента золотоордынского типа.

Особый колорит комплексу придаёт верхняя безрукавка, выполненная по мотивам центральноазиатских традиций<sup>4</sup>. Шьют её обычно из парчовых или ярких дорогих шелков, отделявая обязательно гладкими, сочетающимися по цвету шёлковыми полосками и оторочкой. Безрукавка скроена с плечевым швом, плечо слегка приподнято в виде крылышка, спинка уже, чем передок.

<sup>1</sup> Крамаровский М. Г. Восток и Запад в истории и культуре Золотой Орды. По материалам чингидской торевтики XIII — XV в. Дисс... докт. ист. наук в форме науч. докл. — СПб., — 2002. — С. 12.

<sup>2</sup> Boyer M. Mongol jewellery... P. 44, 50.

<sup>3</sup> Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов... — С. 36.

<sup>4</sup> Викторова Л. Л. Монгольская одежда... — Рис. 1.

Передок разрезан, и на правую сторону переходит дополнительная, пришитая по оси симметрии полочка с *энгером*. Нижняя часть полочки короче, чем прикрытая ею нижняя. Орнамент настрачивают из тонких полосок шёлка одного цвета с каймой.

В качестве оригинального дополнения к ансамблю костюма служит сумочка-оберег, надетая через левое плечо под правую руку и используемая для хранения амулетов, мусульманских изречений из Корана. Типологически (по назначению) эта деталь костюма связана с казанско-татарской перевязью *хэситэ*, а по назначению и по форме с более архаичными аналогами — мишарской перевязью *чапук* и сумочками-перевязями астраханских, крымских татар. Сумочка подквадратной формы, обычно бархатная или позументная, украшалась монетами либо золотным шитьём.

В качестве обуви здесь предлагается горничный вариант туфель, расшитых бисером, так же широко распространённый в костюме средневековой татарской знати (у казанских, астраханских, крымских татар).

Реконструкции средневекового татарского костюма (XIV в.) мы склонны отнести к разряду *гипотетических*. В них действительно отсутствует системообразующая основа костюма (одежда), для восстановления которой нет достоверных источников. Здесь нам приходилось размещать имеющиеся артефакты в соответствии с собственными представлениями и имеющимся исследовательским опытом. Реконструкции основывались на признании преемственности типологических признаков народной культуры, не случайно поэтому при их археолого-этнографическом обосновании приводятся архаические материалы из ранней этнографии татарского костюма. Гипотетические предположения о том, как выглядел данный средневековый комплекс костюма, мы пытались сопроводить соответствующими историческими, археолого-этнографическими объяснениями. Гипотетическая модель строится на обоснованных предположениях, хотя и требующих подтверждения. Размещение же имеющихся артефактов на произвольно вы-

полненных изображениях одежды вряд ли можно считать реконструкцией<sup>1</sup>.

*Вариант реконструкции средневекового костюма казанской татарки (по материалам городских традиций Казанского ханства. XVI в.): археолого-этнографическое обоснование*

При работе над реконструкцией наряду с вещественными (музейными) этнографическими источниками XVII — середины XIX в. несомненную историческую ценность представляют собой и ранние изобразительные материалы. Это изображение знатной татарки начала XVIII в., приведённое в сочинении Корнелия де Бруин «Путешествие через Московию», зарисовки и гравюры русских и иностранных художников — Е. Корнеева, А. Мартынова, И. Лепренса, включая и «Семейный портрет последней царицы Казанского ханства Сююмбике» неизвестного художника. Велика роль и ранних письменных сведений (И. Г. Георги, И. И. Лепехина, К. Ф. Фукса и др.). Все эти источники указывают на головной убор знатных казанских татарок в виде высокого конуса, поверхность которого покрыта многочисленными бляхами, гранёными камнями и бусами.

В предложенном варианте реконструкции каркасный головной убор завершается резной металлической бляхой. Золочёные бляхи-навершия в головных уборах знати известны по материалам золотоордынских кладов<sup>2</sup>. Аналоги им находим в декоре ранних головных уборов монгол<sup>3</sup>. Бляха — навершие *тепелик* до сих пор является элементом праздничного женского убора *фес* крымских татар, значительно дольше казанских сохраняющих архаические формы костюма, восходящие к культуре постзолотоордынских ханств. Очелье убора украшено цепочкой

<sup>1</sup> Доде З. В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности... — С. 307.

<sup>2</sup> Крамаровский М. Г. Золото чингисидов... — С. 306, 307.

<sup>3</sup> Ядамсурэн У. БНМА улсын ардан хувсац... — Рис. 6, 38, 87.

из сканых блях. Этнографический аналог такой цепочки от каркасного убора казанских татар под названием *баш хэситэсе* хранится в Особой кладовой РЭМ (инв. 3100-13). Височная часть оформлена подвесками в виде крупных сканых миндалевидных серёг с монетными подвесками. Миндалевидные серьги представляют собой этноспецифический элемент женского костюма казанских татар. Многочисленные варианты этих серёг широко бытовали у волго-уральских татар в XVIII–XIX вв. и ранее. Прототипы их, как видели, имеются в археологических материалах Волжской Булгарии. Их архаический вариант, относящийся, очевидно, к периоду Сибирского ханства, хранится в фондах ТГИАМЗ.

К убору со стороны спины прикреплена широкая лопасть наподобие накосника-чехла, широко распространённого у кочевников Золотой Орды, а в более позднее время — у волго-уральских татар и других тюркских народов Евразии<sup>1</sup>. Накосник украшен монетами, позументом, бисером, кистями — в духе средневековых традиций XV–XVIII вв.

В качестве верхнего платья в реконструкции использована этноспецифическая казанско-татарская рубаха с верхним воланом — *өске итәкле күлмәк*. По покрою она туникообразная с отрезным, чуть ниже талии остовом, широким подолом и пришитым несколько выше талии широким воланом. Рукав — широкий, прямой, ворот-стойка, спереди на груди имеется глубокий разрез. Рубаха по конструкции монументальна, что соответствует стилевому направлению в женском костюме Средневековья в целом. Подобный тип рубахи видим и на изображении знатной казанской татарки начала XVIII в. из книги Корнелия де Бруин.

Традиционно глубокий разрез на груди женской рубахи функционально предполагает наличие массивного украшения, прикрывающего этот разрез. У казанских татар существовали самые разнообразные типы таких украшений. Особый интерес представляет собой шейно-нагрудное

матерчатое украшение — *тамакса*, наподобие лунницы, украшенной кораллами и чешуеобразно зашитой серебряными монетами. Позднее золотоордынскими ханскими прототипами этого украшения являются металлические серебряные лунницы — *айчык*, хранящиеся в фондах ряда российских музеев. Для данного варианта реконструкции за основу взят казанско-татарский вариант лунниц из фондов РЭМ (инв. 25405).

Из украшений рук, издревле бытовавших у волго-уральских татар, особое место занимают браслеты — *беләзек*. Это обязательная принад-



Рис. Т. В. Соловьёвой

<sup>1</sup> Усманова Э. Р., Логвин В. Н. Женские накосные украшения Казахстана... — С. 37–51.

лежность костюма татарских женщин всех возрастов и всех социальных групп. Традиционно их носили попарно: по одному на каждой руке. Из всего многообразия браслетов ханского периода в реконструкции представлены наиболее изысканные, характерные и для знати более позднего времени. Это пластинчатые браслеты, изготовленные из единого фрагмента с характерным для казанско-татарских традиций цветочно-растительным орнаментом, инкрустированные розетками в виде крупного сердолика, осыпанного мелкой бирюзой.

В качестве обуви использованы кожаные башмачки – узорчатая обувь знатных горожанок, которые изготавливались по типу ичигов в специфической казанско-татарской технике – т. н. кожаной мозаики. При археологических раскопках в Казанском Кремле был найден узорчатый фрагмент подобной кожаной обуви ханского времени. В зависимости от существующей городской моды форма каблука и носика женских башмачков менялась. Однако башмачки с остроконечным и слегка поднятым носом, связанные со средневековыми тюрко-монгольскими городскими традициями, среди ханской знати очевидно преобладали.

Предложенный вариант реконструкции средневекового женского костюма периода Казанского ханства (XVI в.) по сути своей представляет *аподиктическую* модель. В распоряжении исследователя, как видели, находят-

ся недостаточно артефактов, характеризующих крой одежды, её декор, но имеются изобразительные материалы, которые в совокупности с археологическими, ранними этнографическими источниками и письменными свидетельствами характеризуют пространственную форму костюма, его убранство, манеру ношения, характер используемых материалов, позволяющих достоверно выполнить реконструкцию и признать её неопровержимый характер. *Аподиктическая* реконструкция репрезентирует не конкретный комплекс, а культурную форму, характерную для определённого историко-культурного пространства<sup>1</sup>.

Визуально-художественные реконструкции татарского исторического костюма, особенно *аутентичные* (соответствующие подлиннику), способствуют воспроизводству этнических стереотипов и активно используются на современном этапе развития национальной культуры. Они являются источником трансформации и развития «вторичных» фольклорных форм (сценический фольклор, например) и форм современной профессиональной культуры (изобразительное, декоративно-прикладное искусство, театр) и используются в качестве символа реконструируемой этничности в музейных экспозициях.

<sup>1</sup> Доде З. В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности... — С. 307.



## ГЛАВА VII

# ТЕНДЕНЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

### 1. Общенациональный костюм

Во второй половине XIX – начале XX в. в процессе роста экономических и культурных связей между татарами отдельных регионов России неизбежным явилось нарушение сравнительно устойчивых ранее локальных комплексов одежды. Этот период – период становления общенациональной культуры – наиболее сложный и в истории развития татарского костюма, когда, с одной стороны, отчётливо сказывалось влияние европейской и русской культур, с другой – процессы консолидации татарского этноса вокруг референтной группы (казанских татар). В то время наметилась тенденция к смене стиля костюма – от традиционных монументальных народных форм к более изысканным и утончённым, соответствующим направлениям общеевропейской моды. На базе казанско-татарских городских традиций формируется общенациональный костюм, который усваивают все этнотерриториальные группы (кроме кряшен) не только волго-уральских татар, но и татар сибирских, астраханских. И это не случайно. Располагая объективными возможностями ускоренного социально-экономического и культурного развития (наличие городов и городских ремёсел, сравнительно продвинутых масштабов производства, обмена и торговли), казанские татары создали высокохудожественные вариации костюма, отличающиеся изысканностью форм,



Комплект общенациональной городской одежды.  
Кон. XIX – нач. XX в. АОЭ

эстетическим совершенством декоративного оформления.

Изменение стиля сказалось на основных элементах женского костюма, покрое нижней и верхней одежды, на головных уборах. Рубаха перестала быть туникообразной. Её стали кроить с круглыми проймами и сшивными плечиками с отрезной талией. Платье горожанки часто шилось со слегка завышенной линией талии, со шлейфом, специфической драпировкой по месту вшивания рукава и соединения остова с подолом. Оно надевалось с коротким безрукавным камзолчиком из той же ткани, с сильно расклешёнными поликами. Такое платье – *кысмалы кцлмэк* из дорогих шёлковых, атласных и лёгких парчовых тканей украшалось позументом, лебяжьим пухом, бахромой по краям камзола, по низу рукавов, по подолу. Камзолчик, так же, как и ранний традиционный, был с открытой грудью, с полочками встык, которые скреплялись застёжкой. Головной убор представлял собой небольшой калфачок-наколку – *мөгез калфак*, орнаментированный жемчугом, бисером, выполняющий роль своеобразного декоративного элемента в причёске женщины. Поверх него по традиции нередко набрасывали шёлковую трикотажную шаль с длинными кистями или лёгкое кисейное покрывало-шарф, подобранные в тон костюму.

Смена стиля была заметна и в одежде сельских жителей. Ситцевые рубахи также стали шить со скошенными сшивными плечиками и круглыми проймами, нередко с укороченным до вида кокетки туникообразным остовом и широким воланом. С такой рубахой девушки-крестьянки часто надевали передники, которые представляли собой элемент праздничной одежды. Передники богато орнаментировались тамбурной, нередко ковровой вышивкой, отличались множеством вариаций за счёт разнообразия мелких деталей кроя, ширины подола и декоративных элементов – оборок, нашивок, крылышек и т. д. Повседневным головным убором девушек и молодых женщин служил цветной шёлковый, ситцевый либо тонкий кашемировый платок, повязанный «по-татарски» (распустив

полотнище на спине и связав узлом два соседних угла на затылке). Эффектным дополнением к одежде служили ожерелья из самоцветов или янтаря. Заплетённые в две косы волосы украшали наконечниками – *чулпы*, реже старинным матерчатым наконечным украшением – *тезмә*. В уши вдевали монетные или традиционные лунницеобразные серьги – *алка*.

К началу XX в. в женской одежде, особенно в городах и зажиточных слоях сельского населения, произошли ещё более заметные изменения, что в конечном итоге привело к нивелировке как этнотерриториальных, так и социально-возрастных особенностей. Стабильными составляющими женского костюма являлись небольшие *калфачки* типа *мөгез калфак* и мозаичная кожаная обувь – этноспецифические в прошлом элементы традиционного костюма казанских татар.

Мужской костюм и в середине XIX в. был достаточно унифицированным и в территориальном, и в возрастном отношении. В качестве общенационального воспринимался комплекс одежды, состоящий из рубахи с вшивным, достаточно узким рукавом, короткого *казаки*, брюк *чалбар* общеевропейского покроя, чёрного бархатного «казанского» головного убора – *кәләпчи*, штиблет или ботинок фабричного производства.

Судьба сложившихся в середине XIX в. комплексов традиционной одежды складывалась по-разному. Для мусульман было характерно освоение на фоне общеевропейских культурных традиций городского казанско-татарского костюма. На одежде волго-уральских кряшен сказалась ориентация в сторону более крупных христианских этносов. Молькеевские кряшены почти полностью восприняли народный костюм чувашей-анатри, нагайбаки практически перешли на русский костюм казачьего образца. Особенно заметным было влияние русской православной культуры.

## 2. Современные тенденции и творческие интерпретации

В глобализирующемся мире, когда универсализация проникает во все слои человеческого



Знатные горожанки в национальных костюмах.  
Нач. XX в. АОЭ



Мужчина в национальной одежде.  
Нач. XX в. АОЭ. Фонд Н. И. Воробьева



Вариант общенационального городского костюма. Кон. XIX — нач. XX в. НМ РТ



Праздничный костюм сельской девушки начала XX в. НМ РТ



Сельчанка в повседневной одежде начала XX в. Д. Тыннамасово Мензелинского уезда Уфимской губ. АОЭ

общества и приводит к утрате национальной самобытности, растёт интерес к этническому стилю в современной моде. В Татарстане выросло поколение молодых дизайнеров, ставящих в основу своего творчества национальную идентичность. С помощью современных технологий, позволяющих коммерциализировать эту сферу деятельности, дизайнеры создают современную татарскую одежду и украшения для массового потребителя, противопоставляя своё творчество процессам глобализации и универсализации современной культуры. На рубеже XX–XXI вв. традиционная сфера функционирования татарского костюма практически переместилась в область празднично-сценической и профессиональной деятельности. Основой для современной творческой интерпретации традиций татарского костюма может служить аутентичная, соответствующая подлиннику реконструкция

утраченных этнолокальных комплексов одежды, созданная на основе материалов Атласа.

Воспроизводство этнических стереотипов в современном татарском костюме в целом соответствуют общероссийским и европейским тенденциям, но имеет и некоторые свои особенности. Оно идёт по нескольким направлениям.

**Первое направление — этнографическое,** связанное с прямым продолжением, развитием или модификацией архаической традиции<sup>1</sup>. В этом случае используются аутентичные (первичные) формы — подлинный костюм, который в комплексе с традиционными песнями, танцами передаёт специфические особенности определённой группы этноса. Такие фольклорные ансамбли активно бытуют в среде крещёных та-

<sup>1</sup> Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. — М., 1986. — С. 45.

тар, сохраняющих свой традиционный костюм в качестве реликвий до сих пор.

**Второе направление — фольклористическое**, когда с той же целью — передать информацию об этнической группе — используются т. н. «вторичные», «фольклористические» формы костюма, находящиеся в более сложных отношениях с традицией или вовсе с ней не связанные, но в чём-то сходные с первичными<sup>1</sup>. Это «костюм-новодел» — комплекс одежды, изготовленный на основе научной реконструкции. Его чаще используют в хореографических постановках татар-мишарей и казанских татар, рано утративших свой традиционный костюм. Костюмы-реконструкции в качестве символа этничности представлены в современных музейных экспозициях Татарстана.

**Третье направление — общенационально-знаковое**. Эти костюмы в качестве национального символа используются в торжественных хоровых и хореографических постановках национальных государственных ансамблей, в национальных драматических, оперных и балетных спектаклях. Их изготавливают максимально приближённо к подлиннику — городскому костюму казанских татар или общенациональному татарскому костюму. Им присущ монументализм, укрупнённость специфических деталей, сохранение традиционного кроя, важная роль отводится подбору тканей и традиционной цветовой гамме.

**Четвёртое направление — авангардное**. Оно связано с разработкой сценических костюмов для авангардных постановок и современной эстрады, в том числе высокой моды. Здесь используется главным образом ассоциативно-символический принцип, а не достоверность исторических комплексов (символика деталей, специфика орнамента и цвета)<sup>2</sup>.

**Пятое направление — профессиональное моделирование**. В воспроизводстве этнических стереотипов костюма ему отводится особая роль. Это сложное направление, связанное с поиском национального стиля в современной одежде, не получило заметного развития, хотя имеется и достаточно удачный опыт, особенно в крупных казанских Домах моделей — «Ильдан», «Мелита».

В 90-е гг. прошлого столетия, в рамках мусульманского ренессанса, который проявился во многих идеологических и социокультурных сферах татарского общества, наметилась тенденция к использованию определённым кругом молодёжи и взрослого женского населения зарубежного восточно-мусульманского костюма типа «хиджаб» (длинное прямое платье, длинная нижняя поясная одежда, большое головное покрывало, закрывающее фигуру женщины). Нахлынувший из арабского мира поток мусульманской одежды в целом не соответствует этническим, по большей части светским традициям татар. Не случайно поэтому в Татарстане развивается свой рынок современной мусульманской одежды. Профессиональные модельеры-дизайнеры разрабатывают коллекции одежды для мусульманок с учётом тенденций мировой моды, с учётом этнической специфики и одновременно в соответствии с канонами исламских предписаний.

**Шестое направление — ритуально-обрядовое**. Оно отражает социокультурную память этноса на уровне символов в современной бытовой и праздничной культуре. Символы национального костюма активно используются в современной обрядности: в дни народных праздников и гуляний (светских — «День города», «День Республики»; мусульманских — *Курбан-байрам*, *Ураза-байрам*), а также в дни семейных торжеств (свадьбы, юбилеи). Это в основном мужские головные уборы (типа тюбетейки) и женские (калфаки, способ повязывания платков по-татарски), национальная мозаичная обувь.

В настоящее время в Казани и других городах республики функционируют многочисленные центры народных художественных промыслов, которые успешно сотрудничают с про-

<sup>1</sup> Чистов К. В. Народные традиции и фольклор... — С. 45, 52.

<sup>2</sup> Космина О. Ю. Украинский костюм и его сценическая интерпретация // Художественное моделирование и народные традиции. — СПб., 1998. — С. 12—13.

фессиональными художниками-прикладниками. Освоив традиции народного декоративно-прикладного творчества, ими создаются уникальные предметы — дополнения для фольклорных и государственных ансамблей, для эксклюзивных музейных коллекций и коллекций высокой моды. Одним из ведущих предприятий Татарстана, где профессионалами возрождается и развивается производство повседневных и элитных изделий с соблюдением норм древних технологий золотшвейного, кожевенного дела, является фирма «Туран-Арт».

В условиях современной глобализации, несмотря на унификацию социокультурных процессов и усиление роли общечеловеческих ценностей, наблюдается тенденция к сохранению и воспроизводству этнических стереотипов татарского костюма в различных, в основном «вторичных» формах (костюм-новодел, костюм-реконструкция, дизайнерские разработки). Традиции народного костюма в качестве этнического символа используются как в локальных вариантах культуры (в основном сценический костюм), так и в обобщённом общенациональном виде. Символически-знаковая (ритуально-праздничная) функция костюма и в условиях глобализации является достаточно устойчивой. Он продолжает выступать фактическим посредником между типами культур различных хронологических периодов татарской истории, «осуществляя коммуникацию, трансляцию и усвоение определённой, значимой для данной культуры информации»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Калашникова Н.М. Семиотика народного костюма. — СПб., 2000. — С. 5, 6.



**Повседневный костюм.**  
Из коллекции современной мусульманской одежды модельера Гульнары Кадыровой



**Свадебный головной убор.** Из коллекции современной мусульманской одежды модельера Гульнары Кадыровой



**Женский костюм по мотивам татарской народной одежды.**  
Из коллекции Театра моды «Ильдан-Лик»



Сценический вариант костюма самарских татар конца XIX в.  
Государственный ансамбль песни и танца Республики Татарстан



Сценический вариант костюма сергачских мишарей середины XIX в. Государственный ансамбль песни и танца Республики Татарстан



Из коллекции высокой моды «Новые корни».  
Модельер Надежда Аюпова



Костюмы-реконструкции (новоделы).  
Музей национальной культуры НКЦ «Казань»

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Построенные на основе репрезентативного корпуса источников аналитические материалы и выводы исследования позволяют утверждать, что история формирования татарского народного костюма в значительной степени отражает процесс формирования самого этноса. Этнокультурное районирование волго-уральских татар, проведённое на основе этнотерриториальных ареалообразующих комплексов костюма середины XIX в., демонстрирует наличие в Волго-Уральском регионе особых этнокультурных ареалов, зон и подзон, связанных с различными этноструктурными подразделениями народа.

*Генезис костюмных комплексов (КК) Центрального этнокультурного ареала* преимущественно связан с формированием этнокультурных традиций казанских татар — референтной группы этноса.

Городской костюм в значительной степени отражает различные по времени проникновения тюркские и тюрко-монгольские этнокультурные традиции Волжской Булгарии, Золотой Орды (Улуса Джучи) и Казанского ханства с достаточно развитой городской культурой. Об этом, например, говорит типологическое сходство казанско-татарских каркасных головных уборов с уборами золотоордынской знати, а позднее и знати постзолотоордынских ханств. Средневековые болгарские и золотоордынские традиции просматриваются в типах, орнаменте и технике изготовления ювелирных украшений.

После распада Золотой Орды кочевая стихия, как известно, «захлестнула её мощную и яркую городскую культуру». В оседлых же районах Среднего Поволжья её наследие было воспринято<sup>1</sup>. В Казанском ханстве арсенал традиций городских ремёсел Волжской Булгарии и Золотой Орды достиг уровня синтеза новой городской казанско-татарской культуры, ко-

торую, при сохранении местных особенностей, в значительной степени воспринимали все этноструктурные подразделения волго-уральских татар. Облик новой культуры обнаруживается в материалах городского костюма средневековой знати и в городских и сельских традициях Нового времени.

Искусство Золотой Орды, в частности в области торовитики, было связано с его центрально-азиатскими формами (труды Г. А. Фёдорова-Давыдова, М. Г. Крамаровского). Этим в значительной степени объясняется выявленный в результате анализа ряд монгольских аналогий, которые являлись одним из трансляторов богатых средневековых ювелирных традиций на тюркский мир Евразии. Этим же можно истолковать и сходство в типах и технике изготовления отдельных украшений татар и монголоязычных бурят.

Формирование городского костюма тесно связано с традициями ислама, восточных тюрко-исламских цивилизаций в целом. Приверженность тюрко-исламским традициям особенно ярко отразилась на материалах изготовления и на декоративно-художественном оформлении костюма. Многие ювелирные украшения наряду с декоративной функцией выполняли и роль мусульманского амулета, на которых в качестве орнамента выступает искусно выполненная гравировка исламской символики, в т. ч. арабо-графические тексты с благожелательными выдержками из Корана.

Формирование сельских КК казанских татар (заказанская зона), в том числе пермского (северо-восточная «пермская» зона), в большей степени по сравнению с городскими связано с традициями местных финно-угорских народов и в меньшей степени с восточно-мусульманскими (исключение составляет сельская знать и духовенство). Небольшие калфаки с твёрдым налобником, широко распространённые в сельской местности формировались в районах Заказанья на основе рогообразного убора в процессе тесной связи казанских татар с марийцами и другими народами края, у которых имелись аналогичные

<sup>1</sup> Фёдоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. — М., 1976. — 228 с.

уборы. Этим же, вероятно, объясняются и общие черты в украшениях сельского костюма казанских татар и украшениях финно-угорских народов края. Общность заключается в функциональной близости, идентичности форм отдельных типов украшений, особенно монетных шейно-нагрудных, выполненных на матерчатой основе.

В отличие от казанско-татарских (мусульманских) КК центрального ареала, которые отличаются достаточной однородностью составляющих их элементов, КК кряшен (казанско-западно-закамский, елабужский, молькеевский) заметно различались между собой своим структурно-типологическим содержанием. В их генезисе присутствуют различные древнетюркские компоненты, в частности болгарский, кипчако-ногайский. Это, например, рудиментарное сохранение в комплексе их головного убора монетной шапочки типа *кашпау* (молькеевские кряшены) или монетной повязки (елабужские кряшены), имитирующие древний шлемовидный убор тюркских народов. Кипчако-ногайский компонент проявляется в наличии специфических тюрбанообразных (чалмообразных) женских головных ubopов.

Материалы исследования указывают на единство ранних этноопределяющих, особенно сельских форм костюма казанских татар и кряшен. Это общие принципы кроя нижней одежды, например, рубаха *өске итәкле күлмәк*. Общим был древнетюркский покрой нижней поясной одежды. Сюда же можно отнести ранние типы женских головных ubopов, в частности, широко известный в тюркском мире белый вязаный калфак — *ак калфак*. У казанских татар и кряшен бытовали шейно-нагрудное украшение — *яка чылбыры*, миндалевидные филигранные серьги — *татар сырғасы*, типы монетных шейных *тамакса* и нагрудных *түшләк* украшений, девичьих наконсников *чәчкап* и т. д. Заметим, что эта мысль впервые была изложена в монографии Ю. Г. Мухаметшина, посвящённой специально изучению материальной культуры татар-кряшен<sup>1</sup>.

Традиции, лежащие в основе формирования КК крещёных татар, как и сельских мусульман, тесно связаны с финно-угорским миром. Общность наблюдается в головных ubopax (женские рогообразные ubopы, свадебный головной убор кряшен *түгәрәк яулык*, то же что удмуртский *сюлык*), в способах декоративно-художественного оформления одежды (художественное ткачество), в комплексах монетных женских украшений. Это обусловлено тесными этнокультурными контактами с соседними финскими народами региона (мари, удмуртами, мордвой) и их предками ещё в составе Волжской Булгарии, Казанского ханства, позднее и Российского государства.

Формирование костюма крещёных татар находилось в безусловной связи с этническими традициями русской культуры, что в первую очередь обусловлено единой православной системой вероисповедания. Это сходство наблюдаем в традиционных женских (*сүрәкә* у кряшен; *сорока* у русских) и мужских головных ubopax, в покрое верхней одежды «борчатка», в способах декоративного оформления костюма. Христианство в конечном итоге явилось важнейшей предпосылкой того, что костюм крещёных татар не консолидировался в единые общенациональные формы.

Генезис КК Западного этнокультурного ареала связан с формированием этнокультурных традиций татар-мишарей Окско-Сурского междуречья. В их костюме, как и у кряшен Центрального ареала, рельефно проявились архаизмы и этнокультурная неоднородность, что, возможно, было связано с недостаточной консолидацией данного субэтноса. Наиболее ранние аналогии в комплексах центральной (подзоны: темниковско-азеевская, лямбирская, кузнецко-хвалынская — т. н. чокающие мишари) и северо-западной (касимовские татары) зон уходят через степные традиции причерноморских и прикаспийских степей к тюркским культурам Средней Азии и Казахстана. В особенности это проявляется через специфические архетипы Западного этнокультурного ареала, такие как волосники-чехлы, рудиментарное сохранение древнего тюрбанообразного головного

<sup>1</sup> Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены... С. 99—125.

убора и др. Особым и ярким элементом лямбирского комплекса является мягкая монетная шапочка *кашпау*. Её происхождение в значительной степени связано с древнетюркскими культурами<sup>1</sup>. Об этом, в частности, говорит ареал её бытования: близкие аналогии *кашпау* лямбирских мишарей находим в головных уборах тех народов региона (бесермяне, чуваша, елабужские кряшены, пермские татары, башкиры), формирование которых наиболее тесно связано с ранне-тюркскими, прежде всего болгарскими традициями.

Золотное шитьё, применяемое при декоративном оформлении одежды центральной зоны, особенно в южном кузнецко-хвалынском комплексе, имеет сходство с шитьём астраханских, крымских татар, а также с золотным шитьём южнорусских губерний. Специалисты объясняют это влиянием византийского золотошвейного искусства в условиях торговых связей через Крым. Этим объясняется сходство некоторых узоров прикрепа, изобразительных мотивов на предметах византийского, древнерусского, крымско-татарского и южно-мишарского золотного шитья.

Городские формы костюма северо-западной зоны (касимовский КК) аналогичны казанско-татарским, что отражает этнокультурные контакты знати постзолотоордынских татарских ханств и, естественно, более поздние связи городского населения. Формирование сельского варианта касимовского комплекса по многим параметрам совпадает с темниковско-азеевским (центральная зона).

В сергачском КК (северная зона Западного этнокультурного ареала), наряду с общеэтническими тюркскими традициями, наблюдаются аналогии, связанные с финно-угорским, в том числе обско-угорским миром, на что обратила внимание Р. Г. Мухамедова. Это, например, оригинальное декоративное оформление головных уборов (*тастар*, *башкигец*) и женских рубрах (*юле кцлмэк*) «лоскутным узором» — ап-

пликацией из разноцветных кусочков ткани<sup>2</sup>. В сергачском комплексе синтезированы разновременные по происхождению традиции: тюркские, главным образом кипчако-ногайские, местные финно-угорские, обско-угорские, а также сельские и городские традиции казанских татар.

Генезис КК Восточного этнокультурного ареала обусловлен сложностью происходящих в нём этнокультурных процессов. Наличие отдельных инкорпораций в виде «полных» (при полном сочетании специфических элементов) либо «неполных» КК, идентифицирующих собой этнографические реалии ряда этноструктурных подразделений татар как Центрального (казанско-татарского), так и Западного (мишарского) ареалов, может указывать на незавершённость в середине XIX в. и позднее консолидационных процессов.

Этнокультурное содержание зауральского КК, распространённого в зауральской, условно «башкирской» зоне Восточного ареала, говорит о заметной его схожести с башкирским костюмом, распространённым также в Зауралье и горной Башкирии<sup>3</sup>. Общими были конструктивные и декоративные особенности некоторых головных уборов (*кушъяулык*), прямоспинный туникообразный покрой верхней одежды, украшение её солярной символикой, характерной для угорских и самодийских народов Западной Сибири. Общими, также связанными с самодийско-угорским миром, являлись виды женских коралловых нагрудников *яга*, *селтэр*, обуви *сарык*, *көнжирыйк*. Формирование зауральского комплекса связано главным образом с генезисом народного костюма автохтонных башкир, важнейшей составляющей которого являются сибирские, угро-самодийские напластования. Костюм зауральских татар относительно поздних переселенцев из Поволжья представляется более размытым, а угро-самодийские черты, опосредованные через башкир, проявляются

<sup>2</sup> Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. — Казань : Магариф, 2008. — С. 124.

<sup>3</sup> Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Зауральские башкиры... — С. 235.

<sup>1</sup> Маркелов М. Т., Толстов С. П. К истории тюркской народо-культурной истории... — С. 117.

слабее. Зауральский комплекс иллюстрирует собой своеобразную переходную зону этнокультурного взаимодействия контактирующих регионов – Волго-Уральского и Сибирского. В нём сочетаются этноспецифические признаки и элементы костюма волго-уральских, сибирских татар и угро-самодийских народов Сибири.

Компонентный анализ нагайбакского КК (нагайбакская зона) позволяет утверждать, что он представляет собой локальный вариант народного костюма татар Поволжья и Приуралья. Как комплекс он начал оформляться в пределах основной этнической территории казанских татар, в среде крещёных татар, главным образом за казанско-западноказацких. Исторические миграции лишь в незначительной степени повлияли на содержание его основных этноопределяющих параметров. Территориальная изоляция нагайбаков от основного массива крещёно-татарского населения способствовала более длительному сохранению – консервации их представлений о традиционном костюме, воспроизводство которого продолжалось вплоть до середины XX столетия.

Материалы исследования выявили тесное этнокультурное взаимодействие волго-уральских татар (особенно мишарей и кряшен) с теми народами Евразии, в этногенезе и культуре которых очевиден кипчакско-ногайский компонент. В Среднеазиатско-Казахстанском регионе – это казахи, киргизы, каракалпаки, в Волго-Уральском – башкиры, на Нижней Волге, на Кавказе и в Крыму – ногайцы, кумыки, крымские татары (имеется в виду их степная подгруппа). Все эти народы имеют много общего в этногенезе и этнической истории. Как известно, формирование средневековых тюрко-татарских государственных объединений XV–XVI вв. в значительной степени было связано с распадом золотоордынской этнополитической общности. Это обстоятельство не означало их взаимной изоляции. Они продолжали сохранять многочисленные этнополитические, этнокультурные связи, в том числе и единство этнического суперпространства<sup>1</sup>, что заметно отразилось на ма-

териалах исследования. Эти связи проявлялись и в области городских традиций костюма средневековой знати, и в области городских и сельских традиций Нового времени. Особенно ощутимыми они были во второй половине XIX – начале XX в. в период консолидации татарской нации в процессе роста экономических и культурных связей между татарами отдельных регионов России.

Ярко прослеживаются древние, средневековые и более поздние этнокультурные взаимосвязи волго-уральских татар с финно-угорскими народами Волго-Уральского региона. Эти связи поддерживались на протяжении всей истории формирования этих этносов в условиях совместного проживания. В процессе взаимодействия различных этнических традиций этнокультурный синтез выразился в формах костюма, иллюстрирующих общность исторических корней народов Волго-Уральского региона, где сложился во многом единый комплекс костюма (особенно в его сельских вариациях), включающий различные общие для тюркских и финно-угорских народов этнические пласты. Этот комплекс представители различных народов нередко считают своим. Порою только специалист может заметить нюансы различия в традиционных одеяниях некоторых групп сельских мусульман (пермский КК), елабужских кряшен, чувашей – анатри, бесермян, марийцев, удмуртов, что является свидетельством определённой культурной общности народов региона.

Одним из наиболее древних является сибирско-угорский этнокультурный компонент. В одежде и украшениях различных групп волго-уральских татар он проявляется в различной степени, что связано с особенностями их этнокультурной истории. Фактический материал свидетельствует о заметных этнокультурных контактах волго-уральских татар (сергачский, пермский, зауральский комплексы) и обских угров, нередко опосредованных через башкир, сибирских татар. Исследователи констатируют

<sup>1</sup> Исхаков Д. М. Сеиды в позднезолотоор-

дынских татарских государствах // *Tatarica*, 1997/98. — № 1. — С. 42–95.

факты неоднократного переселения зауральского и западносибирского угро-самодийского населения на запад, начиная с эпохи переселения народов<sup>1</sup> вплоть до XVI в.<sup>2</sup> Заметная роль может принадлежать и существованию в бассейне р. Сырва «остяцкой» (сылвенской) культуры<sup>3</sup>.

На формирование народного костюма волго-уральских татар, главным образом кряшен Центрального этнокультурного ареала и нагайбаков Восточного, заметное влияние оказали традиции русской бытовой культуры. Известно, что ещё в XII–XIII вв. — в период подъёма городов и ремесленного производства болгары активно торговали с русскими княжествами. Тесные культурные связи Волжской Булгарии с Русью, прослеживающиеся с домонгольского времени, активно продолжались в течение всего золотоордынского периода и периода Казанского ханства. Это культурное влияние усилилось в XVI–XVII вв. и позже. Заметим, что этот процесс был далеко не односторонним. Тюрко-татарский компонент был весьма значительным и в русской традиционной культуре<sup>4</sup>. В русской народной одежде и связанных с ней видах декоративно-прикладного искусства тюрко-татарские черты являются одними из наиболее древних<sup>5</sup>. И это не

случайно. Россия по своей истории и географии является евразийским сообществом. Золотая Орда — самое крупное государство Евразии, в рамках которого впервые были объединены пространства будущей Российской империи и этносы их населяющие<sup>6</sup>.

К началу XX в. судьба сложившихся в середине XIX в. территориальных комплексов традиционной одежды волго-уральских татар складывалась по-разному. Для мусульманских групп этноса — казанских, касимовских татар, татар-мишарей, а также астраханских и сибирских татар было характерным освоение на фоне общеевропейских традиций городского казанско-татарского костюма и формирование на этой основе, в русле консолидационных процессов у татар в целом, общенационального костюма. Эти процессы, однако, не коснулись волго-уральских кряшен, в силу их иной конфессиональной принадлежности. На формировании КК кряшен сказалась их ориентация в сторону более крупных христианских этносов.

Одним из аспектов исследования являлось воссоздание (реконструкция) ранних этнографических и средневековых вариаций костюма. Аутентичные, соответствующие подлиннику реконструкции представляются особым интересом, поскольку визуально воссоздают ныне утраченный пласт народной культуры, способствуя воспроизведению этнических традиций на современном этапе развития национальной культуры. Реконструкции иллюстрируют региональное богатство культуры татарского народа, многообразие форм и самобытную красоту народного костюма.

<sup>6</sup> Мухамедьяров Ш. Ф. Сибирское ханство в системе исламских государств постзолотордынского круга // Сибирские татары. — Tobol'sk, 1998. — С. 95.

<sup>1</sup> Артамонов М. И. История хазар. — Л., 1962. — С. 344.

<sup>2</sup> Арсланов Л. Ш., Казаков Е. П., Корепанов К. И. Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье (III в. до н. э. — XIV в. н. э.). — Елабуга, 1993.

<sup>3</sup> Генинг В. Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа. Труды КФ АН СССР, серия гуманитарных наук. — Вып. 2. — Казань, 1969.

<sup>4</sup> Сулова С. В. О тюрко-татарских традициях в народной русской культуре // Этнокультурные взаимодействия в Евразии. Пространственные и исторические конфигурации. — Барнаул : АлтГПА, 2012. — С. 195–213.

<sup>5</sup> Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. — М., 1988. — С. 145–183.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКМ – Астраханский государственный объединённый историко-архитектурный музей-заповедник

АН РТ (АНТ) – Академия наук Республики Татарстан (Казань)

АОЭ – Архив отдела этнологии Института истории АН РТ (Казань)

БКМ – Национальный музей Республики Башкортостан (Уфа)

БМИККТ – Бахчисарайский музей истории и культуры крымских татар

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)

ГМИИ РТ – Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан (Казань)

НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан (Казань)

ГРМ – Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

ИАМЗИ – Историко-архитектурный музей-заповедник г. Истры («Новый Иерусалим»)

ИКМК – Касимовский историко-культурный музей-заповедник

ИЭКА – Историко-эко-культурная ассоциация «Поволжье» (Самара)

ИОАИЭ – Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете

ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова АН РТ (Казань)

КК – костюмный комплекс

ККГМИ – Каракалпакский Государственный музей искусств имени И.Савицкого (Нукус)

ККМ – Кунгурский краеведческий музей

КОМК – Кировский областной краеведческий музей

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии РАН

МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МКМ – Мордовский республиканский объединённый краеведческий музей имени И. Д. Воронина (Саранск)

НИАМЭ – Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете

ОК РЭМ – Особая кладовая Российского этнографического музея (Санкт-Петербург)

ОКМ – Оренбургский областной историко-краеведческий музей

ПКМ – Пермский областной краеведческий музей

ПОКМ – Пензенский государственный объединённый краеведческий музей

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РКМ – Рязанский областной краеведческий музей

РКТМИ – Республиканский крымскотатарский музей искусств (Симферополь)

РЭМ – Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

СА – ж. Советская археология

СМК – Саратовский областной музей краеведения

СЭ – ж. Советская этнография

ТГИАМЭ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

ТИЭ – Труды Института этнографии РАН

УКМ – Удмуртский краеведческий музей (Ижевск)

ЯГОИЛМ – Ялтинский государственный объединённый историко-литературный музей

На обложке фрагменты:

Frost, G. A. «Tatar Girl». Источник: <http://www-test3.skinnerinc.com/auctions/2371/lots/421>  
Обращение 24.10.2018;

**Женский калфак.** Бархат, канитель, пайетки. Казанские татары.  
Арский кантон. Конец XIX – начало XX вв. НМ РТ

На шмуцах:

**1. Казанские татары.**

Худ. К. Ф. Гун. Сер. XIX в. (С. 7)

2. Frost, G. A. «Tatar Girl». Источник: <http://www-test3.skinnerinc.com/auctions/2371/lots/421>  
Обращение 24.10.2018 (С. 59)

**3. Знатная татарка в каркасном головном уборе.**

Копия рисунка из книги Корнелия де Бруина. 1714 г. (С. 109)

4. Казанская татарка. Сер. XIX в. Худ. В. И. Штернберг (С. 153)

5. Девушки казанских татар в костюмах середины XIX в. Фото (С. 181)

**6. Женщина в домотканой рубаше *оске итәкле күлмәк*.**

Сер. XIX в. Реконструкция С. В. Суловой.

Худ. Д. Н. Залялетдинов. ИЭКА (Самара) (С. 203)

7. Семейная чета в одеждах середины XIX в. Казанские татары. Фото (С. 227)

Научное издание

Суслова Светлана Владимировна

ТАТАРСКИЙ КОСТЮМ:

историко-этнологическое  
исследование

Казань. Татарское книжное издательство. 2018

Редактор Л. З. Миннуллина

Художественный редактор Р. Х. Хасаншин

Техническое редактирование и компьютерная верстка Н. А. Казаковой

Корректор А. Р. Миннуллина

Оригинал-макет подписан в печать 23.11.2018.

Формат 84×108<sup>1/16</sup>. Печ. л. 25,20. Тираж 4000 экз.

ГУП РТ «Татарское книжное издательство».

420066. Казань, ул. Декабристов, 2.

Тел./факс: (843) 519-45-22.

[www.tatkniga.ru](http://www.tatkniga.ru)

e-mail: [info@tatkniga.ru](mailto:info@tatkniga.ru)

Фирменные магазины Татарского книжного издательства:

Казань, ул. Баумана, 19. Тел.: (843) 294-70-50.

Казань, ул. Баумана, 51. Тел.: (843) 225-76-55.

Казань, ул. Декабристов, 2. Тел.: (843) 519-45-13.

Отдел маркетинга:

Казань, ул. Декабристов, 2. Тел.: (843) 519-45-35.

Интернет-магазин:

[www.tatkniga.ru](http://www.tatkniga.ru)

Филиал АО «Татмедиа»

полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».  
420066. Казань, ул. Декабристов, 2.